

480
1940
0.9

ქართული
ენციკლოპედია

გ. მ. ЧУБИНАШВИლი
ბოლისი

ს. 8000500000

3 19 0 6 0 6 0

BULLETIN
DE L'INSTITUT MARR DE LANGUES, D'HISTOIRE
ET DE CULTURE MATÉRIELLE

IX

ქართული
მეცნიერებათა
აკადემია

სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალი
ГРУЗИНСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

აკად. ნ. მარის სახელობის ენის, ისტორიისა
და მატერიალური კულტურის ინსტიტუტის

მ ო ა მ ბ ე

ИЗВЕСТИЯ

ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ИСТОРИИ И МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ им. акад. Н. Я. МАРРА

IX

46.98

30709

სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალის გამომცემლობა

თბილისი

1940

დაიბეჭდა სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის
საქართველოს ფილიალის განკარგულებით
თავმჯდომარე ავად. ნ. მუსსელიანი

ბეჭდვითი უბიძე. ს. ჯანაშია

Г. Н. ЧУБИНАШВИЛИ

БОЛНИССКИЙ СИОН

(Исследование по истории грузинской архитектуры)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	1
Введение	5
I. Описание Болнисского Сиона	7
<p>1. Общие черты плана (7). 2. Кладка стен (11). 3. Внутреннее пространство (11). 4. Освещение внутреннего пространства (17). 5. Двери (21). 6. Алтарь (23). 7. Дополнительные помещения здания с южной стороны (24). 8. Северный портик (29). 9. Изображение крестов в храме и позднейшая роспись (38). 10. Наружный облик Сиона в целом (42). 11. Восточный фасад (45). 12. Западный фасад (46). 13. Южный фасад (53). 14. Северный фасад (54). 15. Декоративные кресты фасадов (57). 16. Пристройка с востока (59). 17. Некоторые фрагменты резьбы и находки из раскопок (60).</p>	
II. Болнисские надписи	62
<p>1. Надпись епископа Давида на восточном фасаде (63). 2. Надпись о построении при Перозе над северной дверью (68). 3. Надпись Азарухта над другой северной дверью (69). 4. Надпись над южным входом (74). 5. Надпись на башне с колокольной (76).</p>	
III. Историческая жизнь памятника	78
<p>1. Данные о времени основания и о строителях (78). 2. Значение наименования „Сион“ (83). 3. Фрагменты каменных стел около Болнисского Сиона (86). 4. Вероятные разрушения в эпоху арабского владычества и последовавшее строительство (105). 5. Болнисский Сион в средние века (110). 6. Починки XIV и XV вв. (111). 7. Болнисский Сион в XVII и XVIII вв. (113). 8. Разрушительные набеги лезгин (117). 9. Изучение Болнисского Сиона за 100 лет (118). 10. Раскопки 1936 года и ремонтно-укрепительные работы Отдела по охране памятников культуры Грузии в 1937 и 1939—1940 гг. (120).</p>	
IV. Художественный анализ архитектурных форм	122
1. Художественные проблемы в архитектуре Болнисского Сиона .	122
2. Элементы плановой композиции	123
<p>1. Трехнефная базилика (124). 2. Баптистерий (128). 3. Южный портик и северная галерея (130).</p>	
3. Оформление внутреннего пространства	132
<p>1. Столбы трехнефной базилики (132). 2. Арки (134). 3. Своды (136). 4. Система освещения базилики и форма окон (138). 5. Входы и их значение (140). 6. Отсутствие западного входа (142). 7. Северная галерея (144). 8. Южный портик (146). 9. Баптистерий (147).</p>	
4. Внешние массы здания и его фасады	148

V. Художественный анализ орнаментики Болнисского Сиона	154
1. Капители с изображениями животных (155). 2. Капители с растительными мотивами (164). 3. Геометрические орнаменты (174). 4. Изображение креста (182). 5. Общий обзор декора (188).	
Заключение. (К вопросу эволюции базиличной формы)	193
Der Dom von Bolnissi (Zusammenfassung)	199

ИЛЛЮСТРАЦИИ НА ТАБЛИЦАХ

I. Южная приабсидная капитель—лицевая грань и деталь ее	160—161
II. Северная приабсидная капитель—лицевая грань. Боковые грани южной приабсидной капители	160—161
III. Северо-восточная и северо-западная капители баптистерия	168—169
IV. Средняя капитель баптистерия—лицевая грань и обе боковых	168—169
V. Западная капитель южного портика—южная и восточная грани	176—177
VI. Восточная капитель южного портика—западная грань и вид с угла	176—177
VII. Первая и вторая капители северной галлерей и база в западном проеме ее	184—185
VIII. Третья капитель северной галлерей и база полуколонки там же	184—185

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

Страница

1. План по обмеру арх. Циады Габашвили 1936 года	8
2. Общий вид Болнисского Сиона с северо-запада до раскопок и до ре- монта	9
3. Общий вид с востока (фото 1936 года)	10
4. Продольный разрез по обмеру	12
5. Поперечный разрез с видом на восток по обмеру	13
6. Поперечный разрез с видом на запад по обмеру	13
7. Внутренний вид храма на восток	14
8. Вид на южный ряд столбов с частью свода	15
9. Подковообразная арка по обмеру	16
10. Общий вид подковообразной арки	17
11. Внутренний вид северного бокового нефа	18
12. Восточная стена с кирпичной закладкой в северном нефе	20
13. Сквозной люнет и перемычка второй северной двери, изнутри, после раскрытия от закладки	21
14. Верхняя часть проломанной в северный придел двери	23
15. Ниша в алтаре	24
16. Западная абсида в баптистерии до реставрации (по снимку 1920 г.)	25
17. Свод южного портика с выступающей карнизом пятой	26
18. Полуколонка в проходе южного портика, раскрытая раскопками 1936 г.	29
19. Раскрытая в 1939 г. арка, перед конхой северной галлерей	30
20. Вид по северной галлерее на восток во время раскопок 1936 г.	31
21. Вид по северной галлерее на запад во время раскопок 1936 года	32
22. Заложенная первая дверь с люнетом в северной галлерее до раскопок и раскрытия	35
23. Первая дверь с открытым люнетом в северной галлерее после раскрытия в 1937 году	36
24. Общий вид Болнисского Сиона с севера во время ремонтных работ 1937 г.	37
25. Общий вид с севера после реставрационных работ 1939 года	37
26. Вид с востока на угол северной галлерей с показом отклонения северной стены	38
27. Карниз, венчающий базилику, и карниз в северной галлерее (аксонометрия)	39
28. Восточный фасад по обмеру	40
29. Общий вид восточного фасада до раскопок 1936 г.	41
30. Абсида с юга до реставрации 1936 года	42
31. Болнисский Сион с востока после реставрационных работ 1939 года	43
32. Цоколь на юго-восточном углу, вскрытый раскопками	44
33. Абсидальное окно с надписью по снимку около 1903 года	45
34. Западный фасад по обмеру	47
35. Общий вид западного фасада при приступе к ремонту в 1937 г.	47
36. Цоколь на юго-западном углу, вскрытый раскопками	48
37. Южный фасад по обмеру	50

38. Общий вид южного фасада до раскопок и до ремонта	51
39. Южный фасад во время ремонта 1937 года	51
40. Двойная арка входа (по фото 1916 года)	52
41. Кирпичный устой у входа и раскрытый цоколь по южному фасаду	53
42. Северный фасад по обмеру	55
43. Общий вид Болнисского Сиона с севера	56
44. Уцелевшая часть северной галереи с заложением проемом (по фото 1920 г.)	57
45. Уцелевшая часть северной галереи после раскрытия в 1939 году северного проема	58
46. Фрагмент капители Болнисского Сиона	61
47. Фрагмент капители Болнисского Сиона (другая грань)	61
48. Прорись надписи Давида (с восстановлением попорченных букв)	64
49. Прорись сохранившейся части строительной надписи 493/4 года	69
50. Прорись надписи Азарухта	70
51. Прорись надписи над дверью из южного портика	74
52. Фрагмент столбика в кладке западного фасада	87
53. Фрагмент столбика в кладке стены над абсидой	87
54. Три орнаментированные грани фрагмента одного столбика	88
55. Фрагмент столбика и резного куба в закладке проема северной галереи	89
56. Каменная орнаментованная балка	89
57. Фрагмент столбика в закладке проема северной галереи	91
58. Фрагмент столбика в кладке западной стены внутри трехцерковной базилики Болнис-Капанакчи	91
59. Одна грань фрагмента седьмого столбика	92
60. Другая грань фрагмента седьмого столбика	92
61. Фрагмент столбика	93
62. Фрагмент в кладке стены над абсидой	93
63. Фрагмент ажурного каменного монумента	96
64. Фрагмент ажурного каменного монумента	96
65. Фрагмент ажурного каменного монумента	97
66. Фрагмент ажурного каменного монумента	98
67. Фрагмент ажурного каменного монумента	98
68. Фрагмент резного каменного монумента	99
69. Фрагмент резного каменного монумента	99
70. Фрагмент резного каменного монумента	99
71. Фрагмент резного каменного памятника	100
72. Фрагмент резного каменного памятника	100
73. Фрагмент резного каменного памятника	100
74. Фрагмент резного каменного памятника	100
75. Стела с грузинской подписью под изображением креста	102
76. Стела с трехстрочной подписью под изображением креста	102
77. Фрагмент плиты с остатками двух строк древней надписи, из находок	103
78. Фрагмент мемориальной плиты	103
79. Фрагмент мемориальной плиты	104
80. Престол в северном приделе	106
81. Декоративная плита восточного фасада северного придела	107
82. Орнаментированный камень кладки в добавленной над цоколем ступени западного фасада	112
83. Часть починенной стены северного придела и арка, соединившая кровли	114
84. Отрезок кирпичного свода XVII века в главном нефе базилики	115

85. Аксонометрия Болнисского Сиона, исполнена Ц. Габашвили	124
86. Базы столбов и пиластр по обмеру	133
87. Импосты арок на столбах по обмеру	134
88. Одна подковообразная арка в фронтальном снимке	135
89. Конха в абсиде северной галлерей	137
90. Деталь декорированной тяги в абсиде северной галлерей	143
91. Южная приабсидная капитель по обмеру	155
92. Раскрытая в 1939 г. восточная капитель северного проема галлерей— средняя грань	162
93. Раскрытая в 1939 г. восточная капитель северного проема галлерей—бо- ковая грань	162
94. Раскрытая в 1939 г. западная капитель северного проема галлерей— средняя грань	162
95. Раскрытая в 1939 г. западная капитель северного проема галлерей—бо- ковая грань	163
95. Схемы растительных мотивов с остроконечными листьями	166
97. Схемы растительных мотивов с лодкообразными листьями	166
98. Схемы иератического типа растений	166
99. Схемы отдельных растительных мотивов	166
100. Схемы побегов винограда и плюща	166
101. Схемы широколопастных листьев	166
102. Северная приабсидная капитель по обмеру	175
103. Северная грань северной приабсидной капители	175
104. Южная грань северной приабсидной капители	176
105. Юго-восточная капитель в баптистерии	177
106. Юго-западная капитель в баптистерии—восточная грань	178
107. Юго-западная капитель в баптистерии—южная грань	179
108. Фрагмент базы из находок 1916 г. в Болнисском Сионе	180
109. Фрагмент базы в кладке северного придела	181
110. Крест в гладком круге на северной приабсидной пиластре	182
111. Надпись Давида с крестом в центре	183
112. Крест над арочным входом с юга	184
113. Крест с надписью В-на Н-п-а	185
114. Прорись креста удлиненной формы на пятом столбе базилики	187

ПРЕДИСЛОВИЕ

Болнисский Сион—это тот памятник грузинской архитектуры, на котором я остановил свое внимание в самом же начале своих исследовательских работ по вопросам грузинской архитектуры. Имевшиеся в литературе данные об этом сооружении, будто-бы памятнике IX века, не вязались в моем представлении с отдельными имевшимися в фотографиях Д. И. Ермакова воспроизведениями его, равно противоречили тем теоретическим установкам, которые давала общая история архитектуры, ставившая хронологическую грань для базилик много раньше IX века. Ища опоры в установленных уже общих положениях и в сравнительном материале, я естественно начал с построек базилических в Грузии, чтобы найти вехи развития. В этих поисках указанные материалы фотографий и описательных данных о памятнике настоятельно ставили в первую очередь обследование Болнисского Сиона.

Первое посещение его было поддержано акад. Н. Я. Марром от Анийского Музея Древностей, где я был помощником Н. Я. Марра в 1916 году. Именно, в августе 1916 года при содействии и редкой предупредительности Е. И. Сагинашвили и в сопровождении Н. И. и А. И. Мухелишвили мне удалось провести первое обследование Болнисского Сиона, сделать ряд основных фотографий и получить набросок обмера плана, сделанного А. И. Мухелишвили и положенного в основание первой попытки дать реставрацию начального плана. Материал этот был затем зимой обработан мною и доложен в семинарном порядке у покойного Я. И. Смирнова на факультете Восточных языков Ленинградского Университета.

Выявленный тогда же материал надписей, содержащий ряд палеографических особенностей и совершенно исключительных языковых форм, за разъяснением которых я позднее уже обратился к проф. А. Г. Шанидзе, вызвал большой с его стороны интерес и на окончательное обследование их он охотно поехал со мной в июне 1920 года в Болниси. К сожалению, большинство сделанных тогда же художником Ф. Г. Кюне фотографий из-за низкого качества материала, в том числе магния, погибло, и только со сделанного эстампажа надписи над северной дверью позднее уже (года через 3—4) сделана была отливка в муляжной мастерской Академии Художеств Грузии, преподавателем ее А. Б. Олинкевичем.

Эта поездка, во многом пополнившая фактический материал предыдущего посещения и обработки и в частности побудившая проф. А. Г. Шанидзе дать две древнейшие надписи Болнисского Сиона в новом, исправленном и комментированном издании, помогла мне при чтении первых курсов по истории грузинской архитектуры четко и заостренно поставить основные вопросы исследования и критически рассмотреть литературные предания о времени построения Болнисского Сиона. Считаю нужным оттенить, что разными путями, в интересах разных научных дисциплин и совершенно независимо друг от друга, как академик И. А. Джавахишвили, так и я пришли к выводу о том, что Болнисский Сион есть постройка епископа Давида, упоминаемого в списках поместного грузино-армяно-албанского церковного собора 506 года, т. е. перелома V и VI веков.

Уже первое посещение ясно выдвинуло вопрос о необходимости производства раскопок здания, до 2 метров заваленного снаружи землей, включая обрушенный северный притвор. На эту работу никак не удавалось найти нужных больших сравнительно с тем, что вообще можно было иметь для научных изысканий по истории грузинского искусства, средств; пока, наконец, в 1936 году по линии изысканий бытовой и экономической истории академику И. А. Джавахишвили не удалось получить некоторое ассигнование от Института языка, истории и материальной культуры им. акад. Марра Груз. Филиала Академии Наук СССР, организовавшего первую экспедицию в Болниси, которое было затем усилено двойным по размеру ассигнованием из сумм на исследовательскую работу по подготовке юбилейной выставки „Шота Руставели и его эпоха“. На эти деньги были организованы акад. И. А. Джавахишвили раскопки вокруг Болнисского Сиона, руководство которыми поручено старш. научн. работнику Музея Руставели и его эпохи Л. В. Мухелишвили, а я был приглашен для консультации.

Для изучения архитектуры Болнисского Сиона эти раскопки чрезвычайно богаты результатами. Они сопровождались детальным обмером храма, который исполнен арх. Циалой Габашвили, и подробным фотографированием. Те вопросы, которые разрешались до раскопок только гадательно, теперь получили твердые и ясные ответы и — что особенно значительно — ответы по большей части не предусмотренные никакими аналогиями. Таким образом, новая научная обработка этого замечательного, как в художественном, так и в историческом отношении, памятника стала не только возможной, но и настоятельно необходимой. И для меня является приятным долгом поблагодарить и здесь акад. И. А. Джавахишвили, сделавшего благодаря раскопкам возможным такое исследование и предоставившего проведение его мне.

Как следствие этих же археологических разысканий следует назвать начатый осенью же 1936 года и продолженный в 1937 г. ремонт самого памятника, предпринятый Отделом по охране памятников культуры Управления по делам искусств при СНК Груз. ССР. Во время этих работ был найден камень с надписью от одной из северных дверей базилики. В надписи заключаются данные, прецизирующие постройку Болнисского Сиона на 478/9 по 493/4 года. Настоящее исследование было все уже написано, когда произошло это открытие, отодвигающее время построения на 10—25 лет вглубь времен.

Передвижение это, само по себе очень значительное и важное, самого определения исторического места в ходе развития грузинской архитектуры, которое усвоено мною Болнисскому Сиону, не затронуло: как это выясняется в моей „Истории грузинского искусства“, Болнисский Сион мог появиться только в результате политического и культурного роста сил грузинского государства в эпоху Вахтанга Горгасала. До этой грани—это было невозможно, почему летописные сведения нельзя относить к стоящему сейчас еще зданию. Другой хронологической гранью намечено создание эрисмтаварской власти и феодальной системы в течение VI века: уточнение даты вносит значительную ясность, логику и прозрачность в картину исторического процесса.

Наконец, и работы Отдела по охране памятников культуры Грузии, проведенные в 1939 году с целью полного раскрытия и закрепления этого краеугольного памятника в истории грузинской архитектуры, отмечены значительными открытиями, которые я еще успел включить в текст настоящего исследования, дополнив его также соответствующими иллюстрациями.

ВВЕДЕНИЕ

Известный по первоисточникам грузинской истории Болнисский Сион расположен в Люксембургском районе, т. е. в южной части Карталинии, в пограничном с древней Арменией районе¹, в широкой долине реки Хачин-чай, древнего Поладаури, на левом его берегу². Сион стоит вне обоих больших селений Болниси, как тюркского Болнис-Капанакчи, так и армянского Болнис-Хачин; около него находится только отселок первого—б. имение агаларов (дворян) Аджаловых, ныне именуемый Агалар³. Собор расположен на юго-запад от селения Болнис-Капанакчи, в виду его и почти примыкая на юг к разрастающемуся селению Болнис-Хачин. Главная дорога пролегает к Болниси через районный центр Люксембурги (б. Екатериненфельд), от которой собор расположен в 8¹/₂ километрах.

Местность расположения Болниси холмиста, вся покрыта сочной, зеленой травой и очень красива в своей быстрой смене видов. В 50-х годах она была, по словам исследователя полковника И. Бартоломея, „лесиста, но достаточно открыта местами, чтобы дать возможность насладиться видами в даль: она представлялась парком“⁴. Горы

¹ По пятиверстной карте приблизительно 62° 12' и 41° 24'.

² Хачин-чай приток р. Машаверы, притока р. Храм.

³ Еще по документам XVII века различались три селения Болниси (ბოლნისები): ქვემო-ბოლნისი, შუა-ბოლნისი и ზემო-ბოლნისი (ср. грамоты 1623, 1635, 1665, 1670, 1674, 1727 гг. ს ა ქ. ს ი ძ ვ., II, 1909, გვ. 206—207, 379, 254, 256; I, 1899, გვ. 298, 300; Д. Пурцеладзе, Дворянские грамоты, с. 17). Но Вахушти пишет в своей географии о маленьком городке Болниси, в списке же населенных мест по участкам он обозначает в форме множественного числа—ბოლნისები. Характерно выражение в грамоте 1674 г.: სრულა ერთობილნი სამივ ბოლნელნი, т. е. все жители объединенных трех Болниси (ს ა ქ. ს ი ძ ვ., II, 257). Сейчас в районе именем Болниси называют сел. Хатис-Сопели, а Болнис-Капанакчи и Болнис-Хачин именуют просто Капанакчи и Хачин, как средний отселок около Сиона—Агалар. Так поясняется, каким образом в армянском переводе хронологических выписок Вахушти для его выражения ბოლნისები появилось „четыре селения Болниси“ (Hist. de la Géorgie, II, 1, p. 401 note). По этому вопросу ср. теперь в работе Л. В. Мусхелишвили о „Болниси“, соединенной с отчетом о раскопках ცნობები მთაბჭე, III, ტფ. 1938, გვ. 318—319, 320—321).

⁴ *Mélanges Asiatiques*, II, 309.—От XVII и XVIII вв. у нас целый ряд документов по продаже виноградников и фруктовых садов.

возвышаются с востока и с запада лишь как обрамление широкого вида¹. В археологическом отношении вся округа богата древними памятниками церковного зодчества²; между прочим на восток от собора, поотдал, на правом берегу реки, виднеется большой купольный храм Цугругашени, сложенный из красивых цветов камня³.

Сион окружен четырехугольником ограды, сложенной из простых камней в высоту до 2 метров (быть может и более), и настолько широкой, что с нее можно было делать стативной камерой снимки. В западной части стены находится вход; здесь же пролегает и проселочная дорога из Люксембурги; сейчас имеется проход еще и в других местах, где через стену, где сквозь брешь в ней. Над входом возвышается четырехугольная высокая башня, сужающаяся кверху. Над ней сделана открытая надстройка на четырех столбиках и со стрельчатыми арками в качестве древней колокольни. На западной стене башни находится длинная надпись военным письмом, в которой—по словам местных жителей—стоит, что княжна Мухранская подновила церковь, при чем платила за 100 яиц—4 гроша, за тагар (=8—9 пудов) пшеницы—3 абазы (=60 к.), а однажды во время засухи орошала сады вином⁴.

¹ В Географии Вахушти дается следующая характеристика всего района, Сомхити: „ამ ადგილთა, დებედიდამ ბოლნისის დასავლის მცირე მთამდე და ქციის მდინარე-დამ ლღლევარ-ლოქის მთამდე, უწოდებენ აწ სომხითს. ძველად არს საერისთო ხუნანისა, და არს შემოკობილი ყოვლითა; ვენაენი და კილნი მრავალნი, არამედ მთის კერძოდ არა არს. თესლნი ყოველნი ნაყოფიერებენ; მროწლენი, არენი, კოლტნი ღორთა, ჯოგნი მრავალნი, ღვინო მრავალი; მთათა ნადირნი ურიცხვნი, და მფრანეველნი, რომელნი აღესწერეთ, უთელაენი. ჰაერი ქცია-ბერდუჯის მდინარეთ კიდესა, ცხელი, უმშვენი, გაუძღისი, სხვათა ადგილთა კეთილი; ტყენი ბევრნი, წყარონი ციენი და მშვენი, უამრავნი“ (Dèscl., p. 146).

В переводе: „эти места, от Дебеды до малой Болнисской западной горы и от Кции до Лелваро-Локийской горы, ныне называют Сомхити, в старину же составляли эриставство хуанское; и она (страна) украшена всячески: виноградников и фруктов множество, но не в горных частях; семя всякое родится. Стада крупного рогатого скота, овец, стада свиней, табуны лошадей во множестве, вина в изобилии, в горах зверей бесчисленно и птиц, о которых мы писали, несметно. Климат по берегам Кции и Бердужской реки жаркий, неприятный, невыносимый, в других же местах—хороший. Лесов много, родников, холодных и приятных, великое множество“. (Ср. перевод М. Г. Джанашивили, *Зам. КО РГО*, кн. XXIV, вып. 5, Т. 1904, с. 37).

² См. *Mel. As.*, II; и теперь л. მუსხელიშვილი, ბოლნისი (ენიმკის-მთამდე, III); описание одной трехцерковной базилики, лежащей севернее селения Болнис-Капанакчи помещено мною в *Христ. Востоке*, т. V, вып. 2, Пгт. 1916 г.

³ О нем ср. *Mel. As.*, II, 309—310 и 319—321; Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, Тифлис 1875, стр. 146—147; план и разрез (по предварительному обмеру Г. Эбралидзе) см. *ქართული ხუროთმოძღვრების აღბოძი*, შედგენილი ექვთ. თაყაიშვილის მიერ, ტფ. 1924, ტბ. 45, 46. Ср. еще Пути грузинской архитектуры, доклад на I Всегруз. съезде архитекторов Г. Н. Чубинашвили и Н. П. Северова, Т. 1936, с. 123 и 132.

⁴ Так я отметил в первое посещение памятника 11—12.VIII.1916 г., действительное содержание ее см. в главе II (текст и перевод).

Сам Сион дошел до нас относительно в хорошей сохранности¹. Те поновления, которые согласно сообщению царевича Вахуштия были произведены в середине XVII века царицей Марией, женой сперва царя Ростома, а затем Вахтанга V, отличаются резко от основной постройки и несколько не затемняют ее плана и общей разбивки масс. Наоборот, они поддаются точному установлению. Это прежде всего все кирпичные и булыжные поновления храма—своды главного и боковых нефов, также верхние части северной и южной стен. Б. м. тогда же возобновлен и верх западной стены, сложенный из более мелких камней, чем основные части храма. О мелких поправках в виде заплат—говорить не приходится. Что кирпичные поновления следует приписать именно этой документально известной реставрации, поддерживается тем соображением, что именно в эту эпоху кирпич входит в относительно большее употребление в Грузии: кирпичем была возобновлена той же царицей Марией и Урбнисская базилика.

К основному корпусу базилики был в сравнительно древнюю еще эпоху пристроен отдельный придел с восточной стороны храма, севернее выступающей полукругом абсиды храма. Вход в этот придел один, только из самого храма. Его пришлось прорубить в восточной стене северного бокового нефа базилики. Этот придел выведен также из крупных квадров такого же камня, как Сион, и также сидит в земле, как выяснили раскопки. Перекрыто это небольшое прямоугольное здание двускатной крышей.

1. ОПИСАНИЕ БОЛНИССКОГО СИОНА

1. Болнисский Сион является представителем типа трехнефной базилики, осложненного наличием сверх того еще двух внешних, открытых наружу портиков. Внутреннее пространство базилики поделено 5 парами столбов на три нефа.

Внешние портики базилики ограничены в западной части стеной. В восточной же части южный портик заканчивается маленьким закрытым приделом с двумя абсидами—на восток и на запад; а в северном портике одна абсида на восток².

¹ А. Мусхелишвили (ძეგლები, с. 324), подчеркивая самую суть художественного впечатления, дает в сжатых словах правильную, глубокую характеристику этого памятника.

² План (рис. 1) и общий вид (рис. 2 и 3). В прилагаемом плане по обмеру арх. Ц. Габашвили, начинающего в этой области работника, имеются неточности, частью объясняемые недозвешенной до конца расчисткой и др. здания. Форма северной галереи в ее восточном конце не могла быть установлена полностью без разборки

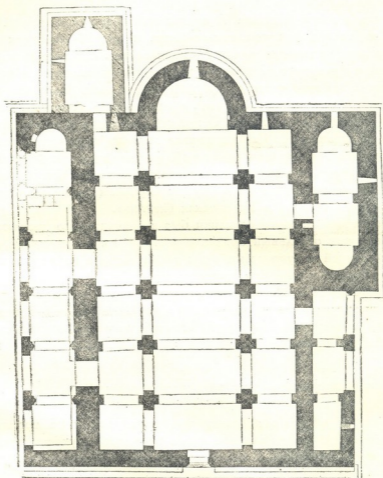

Рис. 1. План по обмеру арх. Цналы Г а б а ш в и л и 1936 года.

встроенных стенок; отсюда условность исполнения в чертеже. Но на лицо и какие-то недочеты в самом обмере. После раскрытия устанавливается, что стены здесь раздались и отклонились наружу; северный заплечик у абсиды, однако, в один уступ—по ширине 49 см, отсюда начинается устой под аркой в форме тройной полуколонки. Отвечает этому устою на западе прямоугольный (см 70 ширины и 40 глубины). Непосредственно к нему примыкает устой наружной арки в форме тройной полуколонки, который в большей части был виден еще раньше; т. е. этот устой не выступает вперед, как показано на чертеже.

Рис. 2. Общий вид Болнисского Святилища с северо-запада до раскопок и до ремонта.

Боковые нефы покрыты одной общей двускатной крышей с главным; а внешние притворы-портики имеют примерно только половинную высоту и односкатные крыши¹.

Рис. 3. Общий вид с востока (фото 1936 года).

Апсида самой базилики выдавалась полукругом вперед за линию восточного фасада; а для диаконника и жертвенника в храме не было вовсе особых помещений. Также не имел наш Сион никакого „башен-

¹ Ср. поперечный разрез (рис. 5) и фасады южный и северный (рис. 37 и 42), а также аксонометрию (рис. 85).

ного¹ западного фасада с портиком, как ясно видно по наличным остаткам¹.

Болнисский Сион является таким образом одной из крупных ранних базилик в Грузии и Армении и при всей близости к ним отличен резкими индивидуальными чертами, еще более повышающими его значение и интерес.

2. Сложен Болнисский Сион из ровных квадров зеленовато-голубого камня, гладко-тесаных и образующих правильные ряды². По фасадам это очень крупные квадры (в среднем от 50—60 до 80—90 см высоты и 100 до 160 см ширины); внутри здания такие же крупные применены для столбов, пиластр, подпружных арок, равно кое-где на углах абсиды (от 1 до 1,5 м), для перемычек и обработки дверей применены отдельные еще более мощные камни, а в сплошных плоскостях стен взяты в общем квадры средней величины (от 30 до 50 см в основном). Квадры ровно отесаны и не имеют срезанных фасок, как на памятниках расцвета древней грузинской архитектуры VI—VII веков (и, повидимому, до X века в Армении³, равно как на Ереруйской базилике в Армении же⁴). Квадры внутрь стены были несколько сужены и залиты раствором, а середина стены была забучена. Форма квадров видна была в выпавших местах западной абсиды южного помещения и в раздавленных швах кладки западного фасада. В некоторых местах стены переложены, хотя обыкновенно средствами материала первоначальной постройки; о них будет упомянуто в соответствующих местах описания.

3. Внутреннее пространство Болнисского Сиона величественно, серьезно, значительно и поражает вступившего внутрь здания, как столь часто в настоящих больших базиликах. Это громадное основное пространство разделено по длине здания двумя рядами высоких столбов, по пяти в каждом ряду. Таким образом получается три нефа — очень просторный средний и два нешироких, но высоких боковых⁵.

¹ Ср. восточный и западный фасады (рис. 28 и 34).

² Л. Мухелишвили (*ბოლნისის, უბობჯობის მთავარი*, III, გვ. 323—324) сообщает, что камень этот по указанию местного населения добывают в Акаурта (севернее Квэши и западнее Люксембурги) км в 15 от Сиона, а изредка попадающиеся желтоватые квадры так называемого и сейчас „болнисского“ туфа добывали близ Хатис-Сопели, т. е. в км 10 расстояния.

³ Ср. мой Отчет Анийского Музея Древностей за 1916 год (*Анийские древности*, вып. III), Петроград 1918 г., с. 16.

⁴ Нет срезанных фасок и в кладке восточной пристройки.

⁵ См. продольный и поперечные разрезы (рис. 4, 5 и 6), аксонометрию (рис. 85) и внутренние виды (рис. 7 и 8). Ср. фото колл. Ермакова № 18157 и 18158. На поперечном разрезе с видом на восток не показана в северной абсиде кладка нижней ее части, как и детали прохода, так как все это было закрыто землей.

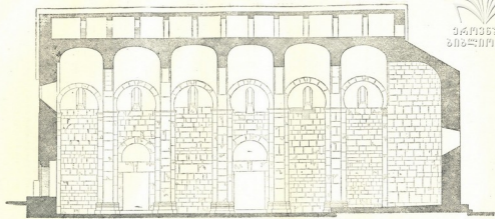

Рис. 4. Продольный разрез по обмеру.

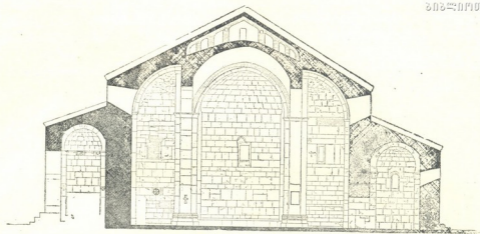

Рис. 5. Поперечный разрез с видом на восток.

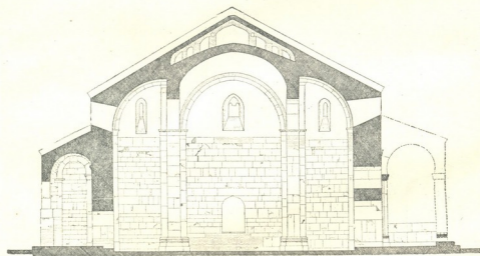

Рис. 6. Поперечный разрез с видом на запад.

Столбы, делящие базилику на три нефа, имеют в плане крестообразную форму, отвечающую четырем аркам сверху. При пятах арок выделен в каждую из четырех сторон импост¹. Аналогичные четырех-

Рис. 7. Внутренний вид храма на восток.

членные массы имеют и базы этих столбов, на значительную высоту профилированные с легкой вариацией профилировки на отдельных столбах². Арки, идущие по длине храма со столба на столб, стоят,

¹ См. рис. 87.

² См. рис. 86.

пощажены временем, от основания постройки. Они сохранили свою подковообразную форму с незначительными кое-где искажениями¹. Каждая арка сложена из специально отесанных клиньями квадров, шириной арки в 0,75 м при видимой высоте ее до стены (и до свода) в 0,40—0,50 м, а длиной отдельных квадров в основании арок около

Рис. 8. Вид на южный ряд столбов и часть свода.

1 м, а выше этого около 0,50 м и, наконец, по сторонам замкового камня особой формы (с широким верхом и узкой шейкой внизу) еще несколько меньше². От перекрытия среднего нефа сохранилась неизменной от времени только конха абсиды и ее арка. Арка эта также

¹ См. продольный разрез (рис. 4), где указаны и искажения.

² См. деталь арки по обмеру (рис. 9) и общий вид (рис. 10).

подковообразной формы, как и арки, делящие средний от боковых нефов¹. Конха-же, конечно, полуциркулярной формы, а потому пята ее расположена выше пята арки. Подпружные арки в среднем и в боковых нефях не сохранились от первоначальной постройки, они — продукт реставрации базилики в XVII веке. В среднем нефе подпружные арки имеют стрельчатую форму. Сложены они из отдельных каменных квадров, при чем первые от пята камни широкие, отвечающие ширине пиластр столбов, следующие же камни более узкие². Свод главного нефа выложен в отрезках между подпружными арками каждый раз самостоятельно из кирпича; форма этого свода приближается к так называемому сомкнутому своду³. По наличному состоянию я полагаю, что в момент реставрации XVII века, конечно, не было свода, но держались еще поверх импостов первые камни, а где и два, от подпружных арок. Эти арки не были теперешней формы, а были подковообразны также, как форма арки при алтарной конхе, и также, как арки по продольному направлению. Так как с другой стороны в эпоху восстановления свода подковообразная форма арки была чуждой формой, а ходовой была и в Грузии стрельчатая, то направление этих удержавшихся поверх импостов первых камней арок необходимо было изменить. И, действительно, их отклонили, а в образовавшуюся щель между каждым таким камнем и стеной позади него вклинены куски кирпича. Мы получаем таким образом нужный материал для восстановления древних форм перекрытия среднего нефа: это было, конечно, коробовое перекрытие на подпружных арках подковообразной формы. Боковые нефы храма сохранились в общем также хорошо, как и средний, за исключением опять сводов, которые сделаны вновь в ту же реставрацию XVII века. Сейчас это полукоробы на подпружных полуарках с окнами в этих сводчатых частях⁴. Линия древних стен кончается совершенно ровно в те-

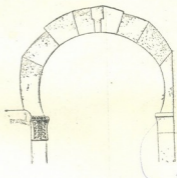

Рис. 9. Подковообразная арка по обмеру.

¹ Она нанесена пунктиром на поперечном разрезе (рис. 5).

² См. продольный разрез (рис. 4).

³ См. рис. 84, ср. разрезы (рис. 5 и 6). Для облегчения выполнения этих сводов реставратор заложил через несколько рядов выше основания деревянные балки, торчащие доньше.

⁴ См. рис. 11.

саной кладке, а поверх нее начинается кирпичная кладка свода¹. Полуарки выведены из тесаного камня и опять они не равной, а меньшей ширины, чем пилястры. При пилястрах столбов impostы находятся не на общей высоте с impostами других сторон столбов, а сверху пилястры, где примыкает полуарка². Так как арки между боковыми и средним нефом не на много ниже расположены линии примыкания полукороба боковых нефов и создание здесь коробового свода невозможно, то естественным является предположение, что и первоначальное перекрытие боковых нефов было подобно теперешнему, т. е. представляло собой полукороб свода на подпружных полуарках.

4. В связи с изложенными здесь соображениями о реставрации первоначальных форм базилики, ее основной трехнефной части, естественно, встает вопрос—как же была она освещена? Для этого прежде всего нужно выяснить, какие проемы несомненно существовали тогда и в каком виде и о каких мы точных данных не имеем. Несомненно, что в первоначальной постройке не существовало теперешних рядов по шесть окон с севера и юга в сводчатой полости боковых нефов. Боковые нефы имели, могли иметь окна с восто-

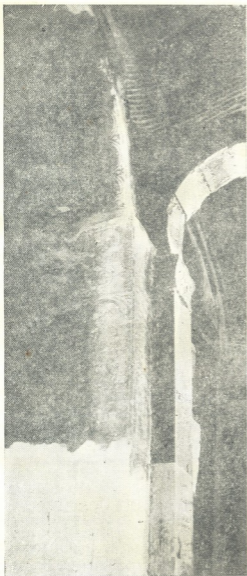
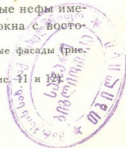

Рис. 10. Общий вид подковообразной арки.

¹ См. рис. 12. Ср. поперечные разрезы (рис. 5 и 6) и продольные фасады (рис. 37 и 42).

² См. разрезы поперечные (рис. 35 и 36) и внутренние виды (рис. 41 и 42).

2. Известия ИЯИМК, т. IX.

449

30709

ка и с запада, примерно в тех местах, где сейчас имеются окна эпохи реставрации. За это говорит восточная стена северного нефа, где

Рис. 11. Внутренний вид северного бокового нефа.

оконного проема больше нет, так как снаружи здесь пристроено здание придела¹, но где изнутри храма имеем плотную закладку из кир-

¹ Ср. план (рис. 1) и восточный фасад (рис. 28).

пича, повидимому, проема на той же, примерно, высоте, что и алтарное окно и окно на восток в южном нефѣ¹. Кладка особенно помогает считать, что мы имеем здесь заложенный проем: оба боковых окна расположены поверх узкого ряда кладки, а по сторонам заложеного северного окна камни поставлены вертикально (на высоту двух и трех рядов кладки². При этом характерно, что узкий ряд кладки северного нефа проходит, как изнутри здания, так и по фасаду, т. е. сейчас внутри пристройки; и в ней же намечается такая же вертикально-стоящая каменная притолока заложеного окна. Точно также и форма алтарного окна не сохранилась с полной несомненностью: она снаружи в большой притолке несомненно переложена, а также по низу³. Таким образом естественно предполагать, что надпись над окном была расположена по оси оконного проема, а не как сейчас. Конечно, бывший здесь еще в первые наши посещения Болинисского Сиона небольшой каменный столбик, деливший окно на двойное, является только каким-то поздним (не XVII ли века) произведением. Впрочем нельзя отклонить мысли, что он только повторение древней формы⁴. Изнутри окно не менее, если не еще более явственно говорит о претерпенных им изменениях, но, к сожалению, все покрыто штукатуркой с росписью, как и примыкающие части стен, что лишает возможности обследования. Между тем не хватает до правильно центрального положения примерно одной трети общей ширины окна в северную сторону⁵, действительно, левая часть оконного проема изнутри выше, чем правая; и она имеет уклон к подковообразной форме. Быть может алтарное окно было в первоначальном виде троечастное с двумя колонками. Последний оконный проем, который мог быть в храме, следует искать в среднем нефѣ на запад—примерно на месте теперешнего окна. Оно оформлено вверху, как двойное; возможно, что раньше был и средний столбик в нем⁶. Эта часть западной стены переложена не только снаружи, но и изнутри. Т. о. о форме (и строго говоря, даже о наличии) окна в первоначальной постройке ничего нельзя утверждать. Только аналогии могут нам здесь помочь при восстановлении оконных проемов—большими.

¹ Правда, в одной части вверху как будто очерчивается часть арочного верха, но это обман зрения из-за контраста замазанной, почерневшей, и светлой частей камня (см. рис. 12 и 5).

² См. рис. 5 и 12. Камень слева в 1 м высотой (при 30 см ширины), и справа 0,75×0,65 м.

³ См. рис. 33 (по старому фото Ермакова № 18149) и чертеж восточного фасада (рис. 28).

⁴ Аналогии для таких окон мы приведем ниже.

⁵ См. поперечный разрез (рис. 5).

⁶ См. западный фасад и поперечный разрез (рис. 34 и 6) и ср. сказанное об алтарном окне и его столбике. Ср. также фото Ермакова № 18156.

Рис. 12. Восточная стена с кирпичной закладкой в северном нефе.

5. По отношению к размерам храма, устанавливаемое количество возможных окон его, к тому же расположенных только на восток и запад, нельзя считать обильным или даже достаточным. Совершенно несомненно, что дополнительными источниками освещения служили

Рис. 13. Сквозной люнет и перемычка второй северной двери, изнутри, после раскрытия от закладки.

дверные проемы в храм. Вход в храм был с юга и с севера. Перед южной дверью в храм расположен еще портик с двойной входной аркой. Размеры двери сравнительно не велики: метр с небольшим шириной при неполных двух метрах высоты¹. Т. е. и отсюда свету поступало сравнительно немного. За те двери на север из базилики очень

¹ Высота проема 185 см в портике; в базилике ступеньки до пониженного пола доводят до 220. Ширина двери 117.

большие: одна $2,5 \times 2$ м, другая $2,5 \times 1,7$ и еще над этим сквозной подковообразной формы люнет около 1,3 м высотой в центре¹. Конечно, и здесь свет шел только через портик-галерею, а не непосредственно.

В самом устройстве дверей характерные различия. Обе северные двери имеют горизонтальные перемычки, сложенные изнутри храма из двух больших, свыше 1 м длины и 67 см высоты плит и как бы клина между ними², а снаружи из сплошных перемычек той же высоты и около 3 м длины. Над этими перемычками раскрыты подковообразной формы сквозные люнеты³. Насколько и как именно пострадали двери показывают фотографии. Стоит только отметить, что эти двери не сразу были заложены целиком, а сперва на $\frac{2}{3}$ ширины примерно с оставлением в середине прохода, а затем уж совершенно. И люнеты тоже заложили. Обе двери на юг (вторая в двубабье помещение) завершаются перемычечными камнями колоссальных размеров особенно над дверью в баптистерий (длина 250, высота 73, глубина 50 каждого крайнего, а средний узкий); над входной же дверью немного меньше (длина 215 при высоте 63 см), над ними нет люнетов, но за то сделаны разгрузные щели (примерно в 3,5 и 4 см высоты⁴).

Сейчас из базилики имеются еще две двери. Одна с запада и другая на восток в пристроенный придел. Обе эти двери не принадлежат к первоначальному устройству храма. Западная дверь прорублена в стене с того уровня земли, который занес храм с этой стороны, именно примерно в человеческий рост. Изнутри нет обработанных притолок, а снаружи проем обработан кирпичем в характере XVIII века. Расчистка храма снаружи перед дверью показала, что ниже здесь нетронутая первоначальная сплошная глухая кладка стены⁵, т. е. никакой двери здесь не было в первоначальной постройке, а сделана она лишь в XVII веке, во время общей большой реставрации Болнисского Сиона⁶. Дверь из северного нефа на восток в придел также прорублена позднее⁷. Притолки ее нигде не обработаны четко, коль скоро имеем каменную кладку храма в них, а не прибавление. Верх двери состоит не из одной сплошной каменной перемычки, как в других дверях, а из двух небольших камней со стороны базилики, составляющих

¹ См. продольный разрез (рис. 4).

² См. рис. 13.

³ Ср. рис. 22, 23, 24 и 25.

⁴ Ср. фото Ермакова № 18153. Длина щели над входной в базилику дверью равно 98 см.

⁵ Траншея была здесь настолько узкая, что снимка сделать не удалось.

⁶ Ср. западный фасад (рис. 34) и поперечный разрез (рис. 6).

⁷ См. рис. 14 изнутри пристройки, т. е. на наружную стену базилики (и ср. рис. 11, а также поперечный разрез и восточный фасад на рис. 5 и 28).

часть ряда кладки ее стены. Со стороны пристроенного придела это также два камня кладки, т. е. ряда кладки древнего фасада базилики; и, действительно, квадры крупнее внутренних (66 см по высоте ряда), а низ их приходится выше линии низа ряда кладки внутри базилики. Так что до общей высоты там не хватает см 10—15. Нижняя поверхность этих как-бы составляющих верхнее обрамление входа камней отесана не ровно и не горизонтальной поверхностью, а как обычная отеска поверхности камня внутри кладки ряда. Между этими лицевыми камнями, поставленными по обеим сторонам стены, виден неширо-

Рис. 14. Верхняя часть проломанной в северный придел двери.

кий слой бута, состоящего из гольшей, заливки и т. д. Со стороны базилики под описанными двумя камнями по краям их как-бы консоли: правая высечена в камне нижнего ряда кладки и отес ее не идет на всю глубину не только проема, но даже этого камня. Левая же консоль сама из неглубокого камня. Эти консоли явились, очевидно, отделкой прорубленной двери.

6. Алтарь базилики повышен примерно на 35 см. Сейчас линия повышения доходит до первой пары столбов, но это позднее расширение. Линия прибавленного повышения площади алтаря по границе абсиды частью различается и сейчас еще в полу. Возможно, что расширение это все той же эпохи реставрации XVII века, когда здесь вы-

вели небольшие стенки по бокам выдвинутого в церковь возвышения алтаря. Стенки эти выведены из кирпича, высотой в рост человека. Южная наглухо соединяет первый столб с углом алтаря, а в северной оставлен был узкий проход к жертвеннику, вновь устроенному за углом стенки в северном боковом нефе базилики¹. В самом алтаре нет никакого архитектурного членения или деталей, кроме небольшой (19,5×33 см) нишки, оригинальной формы и с профилировкой наружного абриса².

7. Основное пространство базилики, как уже отмечено, имеет с южной и с северной стороны дополнительные помещения. С южной стороны это два самостоятельных и не связанных между собой пространства. В восточной половине это замкнутое удлиненное пространство с двух абсидах—на восток—и на запад, освещенное окном с востока и вторым (первоначальным-ли?) с юга. Вход в это помещение ведет из базилики, а не снаружи³. Кладка стен внутри этого помещения из сравнительно мелких, правильных рядов кладки⁴. Обе конхи абсид этого помещения выведены правильными рядами специально отесанных квадров. На линии пяты свода остального пространства выпущен карниз, имеющий профиль выкружки. Сам свод, как и средняя подпружная арка, несомненно, переложены: арка сложена из более узких квадров, чем первый камень выше импостов, и идет очень неровной линией. Сам свод хотя и каменный, и даже в большей части из квадратных камней, и лишь кое-где из неоформленных кусков, явно не просто чинен, а весь был заново сделан в какую-то реставрацию. Пострадали кладка и внизу западной абсиды, где обнаружена внутренняя забутка стены⁵. Отсутствуют также большие части пилястр под средней подпружной аркой, начиная от земли. Уцелели, однако, оба импоста арок этих пилястр, из которых один покрыт резьбой, также как все четыре капители абсидных углов⁶.

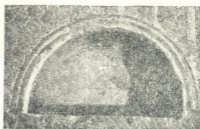

Рис. 15. Нишка в алтаре.

¹ На чертеже они откинута. В плане работ 1939 г. по Отделу по охране памятников намечено раскрытие этой части здания. План выполнен.

² См. рис. 15.

³ См. план (рис. 1).

⁴ См. общий вид западной абсиды (рис. 16).

⁵ См. рис. 16.

⁶ При реставрации Болнисского Сиона, произведенной Отделом охраны памятников в сентябре и октябре 1937 г., заложен пролом стены тесаным камнем, а также

Рис. 16. Западная абсида в баптистерии до реставрации (по снимку 1920 г.).

подведены недостающие части пилястр. Закладка проема в восточном окне вынута осенью 1939 г., благодаря чему помещение теперь хорошо освещено.

Рис. 17. Свод южного портика с выступающей карнизом пятой.

Западная половина дополнительных помещений здания с южной стороны представляет собой более узкое, чем восточная половина, помещение, служащее как бы притвором-портиком перед входом в базилику. Снаружи он открыт двойной аркой и имеет еще замкнутую двумя стенами пазуху на запад¹. Весь свод этого портика поддерживают две подпружные арки на пилястрах. Они четко сложены подковообразной формой и сохранились с небольшими искажениями постройки². В основании арок импосты в форме выкружки³. Стены сложены из сравнительно небольших квадров (за исключением западной—где квадры крупные, как по фасадам), а пилястры из крупных, вертикально поставленных (как, вероятно, было и в восточном дополнительном помещении). Пята свода означена и здесь, как в восточном двуабсидном помещении небольшим карнизом в форме выкружки. Он сохранился по северной стене и в западном конце южной⁴. Эта тяга расположена и здесь выше импостов арок, а именно при начале коробовых сводов перекрытия портика. Начало свода сложено хорошо, правильными, одним, а в большей части двумя, рядами квадров. Остальная же часть свода в каждом из трех его отрезков чинена из примерно одинаковых грубых осколков каменного материала⁵. Несомненно это починенные части свода, когда-то обвалившегося. Очень ярко видно отхождение южной стены: по всему юго-западному углу квадры обеих стен, увязанные попеременно в ту и другую стену, раздались см на 2—2,5 на высоте человеческого роста, выше еще сильнее. В восточной же стене внизу сильная порча кладки от пролома стены и сухой (?) последующей закладки ее: на беглый взгляд можно принять за разрушившуюся и заложенную дверь, чего нет в действительности⁶.

Западная замкнутая стенами часть портика до пилястр более узкая, чем примыкающая здесь восточная с двойной аркой: эта стенка более тонкая, а потому и самое пространство здесь шире. М. б. поэтому то оно и примыкающая на запад часть южной стены сильнее других пострадали. Большая часть южной стены, особенно, где находится двойной арочный пролет, сильно искажена во время починок. Арки

¹ См. план (рис. 1) и разрез на запад (рис. 6), где повидимому пол ошибочно показан выше порогов (ср. ниже, с. 28). Ср. рис. 38 и фото Ермакова № 18159.

² См. рис. 17.

³ На средней южной пилястре импост, как и вся пилястра, подведены Отделом охраны памятников в октябре 1937 г.

⁴ См. рис. 17.

⁵ См. тот же рис. 17.

⁶ Она заремонтирована в октябре 1937 г. Отделом по охране памятников отесанными квадрями. Проверить была-ли поздняя закладка сухая я уже не смог.

входные переложены, чинены. Только восточная арка сохранила в восточном конце непереложенное начало арки в подковообразной форме, остальная же ее часть и вся западная арка переложены и при этом достаточно неряшливо. Средний устой арок также переложен—во всяком случае под арками и по фасаду; только пилястра внутри сохранилась хорошо. Поражает несколько разница в оформлении устоев арок; у восточной стены одна форма капители над устоем большой полуколонкой и двумя малыми по сторонам ее, т. е. трехсторонняя¹; у западного края—другая, угловая над прямоугольным основанием, т. е. двусторонняя капитель². Наконец, на среднем устое—вовсе нет выделенной капители, а просто выступающая пята, правда, не производящая впечатления первоначальной; он несомненно чинен, переложен³. В этом различии отделки нет возможности дать окончательный, твердо обоснованный ответ. Но мне кажется, что здесь была некоторая нерешенность, а может быть даже своеобразная игра контрастами, но что в основном мы имеем первоначальный—по замыслу—ансамбль. Западная капитель увязана с пилястрой, расположенной позади нее внутри портика; ниже капители имеется каменная кладка, проходящим по фасаду рядом, а ниже этого подведенный позднее кирпичный устой⁴. Форма капители рассчитана для данного места, где третья гладкая и по отвесу поверхность сливается со стеной, т. е. с полосой стены до пилястры. Эти соображения заставляют меня склоняться к мысли, что западная капитель уцелела на своем изначальном месте⁵. Перекладка арок относится, как и починка сводов, конечно, к какой-то значительно более ранней реставрации, чем кирпичное подведение устоя под ней в XVII веке. Аналогично—по идее—устроен и средний устой для этих арок. Между тем при восточной стене низкая полуколонка с резными капителью и базой, какие увидим в северном портике: сделать здесь прямоугольную пилястру архитектор явно не захотел, как не хотел с другой стороны поставить их перед торцом стены на западном углу этих арок и у среднего устоя. К сожалению, плохое состояние этой стены в целом лишает возможности найти твердые доказательства в подтверждение того или иного предположения. Так, напр. окно из за-

¹ См. рис. 18.

² См. рис. 41.

³ См. тот же рис. 41 и общие виды южного фасада (рис. 38, 39 и 40).

⁴ Проверить неотмеченное своевременно соотношение кладки к капители внутри помещения мне уже не удалось, ибо в посещение Сиона 18.X.1937 г. здесь стояла подведенная Отделом по охране памятников культуры пилястра.

⁵ Полное подтверждение этого предположения дает теперь аналогичное размещение устоев и капителей двух таких форм в сохранившемся древнем проеме северного фасада, освобожденном от закладки в августе 1939 года.

падной части портика на юг, теперь заложенное, едва ли может быть изначальным¹.

Дверь из портика в базилику находится против восточного арочного пролета его. Действительная высота этого входа в 1,85 установлена благодаря раскопкам внутри южного портика; повышение уровня земли уменьшило высоту двери до 1,65 см. Дверь эта имеет большую из цельного камня горизонтальную перемычку, на которой позднее высечена длинная грузинская надпись в 8 строк заглавными буквами; и небольшая приписка к ней в 6—7 строк находится на левом косяке².

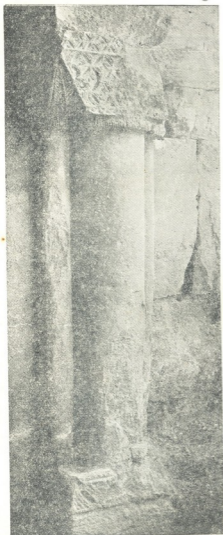

Рис. 18. Полуколонка в проходе южного портика, раскрытая раскопками 1936 года.

8. С северной стороны базилика имела в отличие от южной стороны одно сплошное дополнительное пространство, которое в большей своей части обрушилось и было завалено землей метра на два в высоту, только в восточном конце устроен небольшой кусок этого помещения, приспособленный с небольшими изменениями, как придел³. Кладка стен внутри этого портика, именно уцелевшей южной стены, состоит из крупных, хорошо тесаных и хорошо сохранившихся квадров. Порттик этот представлял собой сплошной длинный корридор, в восточном конце которого находилась абсида, а в западном глухая стена. Весь этот корридор имел перекрытие на 5 подпружных арках подковообразной формы, опертых на полуколонки той же формы, что имеется в восточном пролете арки южного портика, только они здесь в северном значительно выше. Эти полуколонки венчались разными капителями

¹ Внутри портика это не ясно.

² Разбор см. ниже, в главе II.

³ Ср. рис. 19 и 20, 43, а также план и поперечный разрез (рис. 1 и 5).

той же формы со срезанными на треугольники углами и имели в основании высокие кубические базы с резьбой на плинтах¹. Устояла до сих пор одна только восточная арка с парой опор, спрятанные до 1939 г. в приделе, образованном пристройкой западной стенки (с дверью и оконной щелью). Самый свод опирался по длине на выпущенный карниз, который имеет здесь совершенно иную форму, чем в южных дополни-

Рис. 19. Раскрытая в 1939 г. арка, перед конхой северной галлерей.

тельных помещениях базилики². Он утвержден значительно выше пяты арки, примерно на 0,80 см. Таким образом свод должен был иметь форму правильного полукороба, арки же начинались ниже. Свод восточного же придела отвечал лишь небольшому сегменту полукруга, но он поновленный, литой, выполненный уже после закладки наружного арочного пролета (т. е. после деформаций стены). Карниз состоит здесь

¹ См. общий вид после раскопок 1936 г. и реставрации 1939 г. на рис. 19, 20 и 21.

² См. деталь на рис. 27; ср. еще рис. 43 и 25 и чертеж северного фасада—рис. 42.

из выпущенных через каждые 10 см зубцов (сухариков), особо обработанных, общей высотой карниз 20 см¹. Он сохранился по всей длине южной стены северного портика, лишь кое-где сбитый. Нужно предполагать, что такой же карниз шел и по северной стене портика в ос-

Рис. 20. Вид по северной галлерее на восток во время раскопок 1936 года.

новании пяты свода; единственный уцелевший кусок северной стены в застройке по раскрытию ее оказался переложенным в древности.

Абсида этого портика, правильно полуциркулярная в плане, сохранилась сравнительно хорошо. Кладка свода ровными рядами, четким

¹ См. деталь в аксонометрическом чертеже на рис. 27 — нижний рисунок.

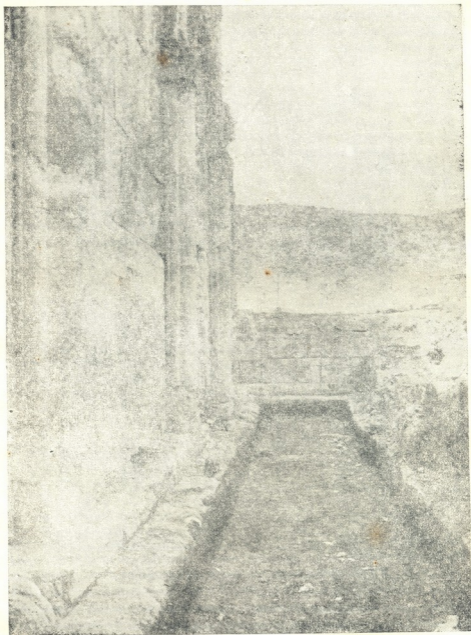

Рис. 21. Вид по северной галлерее на запад во время раскопок 1936 года.

рисунок также, как абсида базилики и обе южные абсиды¹. Пята абсиды отмечена выносом одного ряда камней и резным украшением. Сама арка абсиды имеет подковообразную форму, в ответ подпружным аркам свода портика. В замке имеем тот же особой формы камень, как и в других уцелевших арках; и другие клинья этой арки имеют форму с уступом, которым как-бы надевались один на другой. В абсиде нет и не было окна, а освещалась она сбоку через (заложенный позднее) пролет с севера. Раскопки не могли очистить всю наносную землю, т. к. западная стенка выведена именно на этой земле. Сделаны были лишь шурфы около южной полуколонки, чтобы выявить базу².

Внешняя, северная стена портика сохранилась, и то с починкой, только в восточном конце; по всей остальной длине она когда-то очень давно обрушилась, не была восстановлена, а только расчищена от обвала и, наконец, постепенно занесена землей метра на 2 с лишним высотой. Насколько радикально было разрушение этого портика (очевидно, насильственное от человеческих рук) выявили раскопки: надежда найти в земле обвалившиеся части портика не оправдалась совершенно³. Уцелели цокольные уступы и обрывки стены на высоту не более 30—50 см и лишь западная стена до 2 м⁴. Наличные фрагменты позволяют следующую реконструкцию форм. Внутри подпружные арки опирались и по северной стене естественно на такие же полуколонки, как по южной: это доказывает не только сохранившаяся восточная пара, но и выступы прямоугольные для баз, открытые выше цокольной ступени против каждой южной группы (выше этого не сохранилось⁵). Цоколь идет сплошь. Раскопки не дали совершенно несомненного и полного ответа о фасадных формах северной галлерей. Единственный

¹ См. рис. 89 и 90.

² В конце 1937 г. здесь подвели стенку для укрепления. Зато в порядке ремонтно-укрепительных работ, начатых Отделом по охране памятников осенью 1939 г. с целью исправить ошибки работы 1936-37 гг. и поставить дело охраны этого памятника образцово, эта поздняя стенка и закрепление 1937 г. были разобраны, земля вынесена и приступлено к научно-продуманной консервации этого важного уголка (рис. 19).

³ Ср. рис. 20 и 21.

⁴ При реставрации Отдела охраны памятников в 1937 г. рабочими были взяты плиты верхних полутора рядов древней облицовки этой раскрытой западной стены внутри галлерей (ср. положение по фото раскопок 1936 г. на рис. 21).

⁵ В плане по обмеру 1936 года в этом месте дана картина, не отвечающая действительности и возбуждавшая с самого начала недоумение. Она вызвана была описанными застройками, которые не позволяли реальной проверки глазом. Взятый на значительной высоте, выше двухметровой насыпи над полом галлерей уровень обмера не дал возможности учесть факт отклонившейся стены. Таким образом, получился сильный и странный выступ северной полуколонки первой подпружной арки свода внутрь галлерей. Фактически у всех арок был общий вынос полуколонок, оставлявший свободный, открытый вид на абсиду.

сохранившийся из проемов—с закладкой, в приделе—выявлен полностью только во время работ 1939 года Отдела по охране памятников¹. Открытая в наружном пролете под левым устоем база находится на одну ступень выше баз под полуколонками по южной стене внутри галлерей, но самый проем начинался с нижней из двух верхних ступеней цоколя здания; верхняя из них прерывается кубом базы этого проема, сохранившим орнаментальное украшение полосой перекрещивающихся кругов, т. е. общего мотива баз всей галлерей. Самый устой здесь имеет форму тройной полуколонки и соответственно этому кубовую капитель со срезами углов треугольниками; она сохранила интересную резьбу. Форма правого устоя также уцелела за закладкой проема и оказалась прямоугольной с резной капителью такой же формы. Против западной двери в базилику раскопками открыты были возвышающиеся поверх цоколя остатки забутки стены; против восточной же двери с северной стороны базилики над общей ступенью цоколя не было возвышающихся остатков забутки по середине проема, как они стояли против западной двери и против глухих частей стен по сторонам дверей². По ходу раскопок казалось возможным произвести дальнейшую расчистку бесформенных частей этих остатков забутки стен, но от этого воздержались, ввиду недостаточной отчетливости положения, чтобы избежать возможного разрушения фактически древнейших остатков строения.

Однако, благодаря распоряжению производившей работы для Отдела по охране памятников стройорганизации брать плиты без орнаментов из развалин, рабочими были отодраны также некоторые плиты от раскрытой раскопками северной стены галлерей. При этом обнажили северо-западный угол древней постройки, именно крайнего западного пролета ее, приходящегося против глухого отрезка стены западнее двери. Здесь внизу—резной декор куба базы, состоящий из полосы пересекающихся кругов и под ней из полосы ланцеток (вместе 23 см высотой); северный край этой базы отломан (по ширине [фрагмент имеет 59 см). Восточная резная поверхность ее отстоит на 32,5 см от внутреннего западного угла галлерей³.

Таким образом, это нечаянное открытие выдвинуло вопрос о дополнительном обследовании частей по фасаду северной галлерей в целях проследить количество проемов, которых было—вероятно—пять, и характер их последующей закладки. К сожалению, никаких дополни-

¹ Рис. 44 и 45, а также 24, 25, 42 и 43.

² Во время раскопок я не отметил, была ли верхняя [поверхность здесь гладкая, как порог двери. 18.X.1937 проверить этого не смог из-за насыпи мусора с [крыши Сиона.

³ См. табл. VII внизу.

тельных фактических материалов собрать не было уже возможно, так как система постановки ремонтных работ Бетонстроем в Сионе, как ординарного ремонта, а не как памятника старины, требующего охраны и сохранения всех деталей, нивелировало всю картину.

С запада портик имел глухую стену, часть ее на высоту около 1,5 метра вскрыта раскопками, а увязка со стеной базилики давала себя знать еще и до раскопок в неровностях от оборванного соединения в кладке на углу базилики (в нижней части)¹. Часть облицовки верхних рядов этой стены также ободрана в 1936 г. при руководстве Бетонстроя.

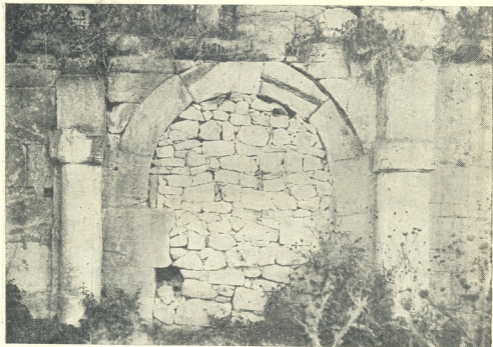

Рис. 22. Заложенная первая дверь с люнетом в северной галлерее до раскопок и раскрытия.

Обе двери из базилики имели поверх мощных горизонтальных перемычек открытые подковообразной формы люнеты. Эти входы позднее были заложены, также и люнеты. Наружная перемычка восточной двери треснула и обвалилась и здесь имеем сплошную позднюю закладку проема. В связи с ремонтными работами Отдела по охране памятников культуры в сентябре 1937 года вся эта масса закладки дверей была вынута и почти вся выпавшая часть перемычки обнаружена

¹ См. рис. 43 и ср. фото Ермакова № 18156. Подробности ниже, с. 53 прим. 3.

лежащей в пролете двери на земле. Отсутствует только часть с началом четырехстрочной большой надписи и верхний слой самого камня с частью декоративного креста. От перемычки удержались небольшие части по краям в кладке стены и на этих концах различается небольшое углубление поля для длинной (как оказалось, четырехстрочной) надписи заглавными грузинскими буквами (4,5 см высотой каждая), от которой на правом куске еще хорошо различимы были во второй (как оказалось) строке **ჟ**, в третьей **ბ**, а в четвертой **ბ**. Буквы рельеф-

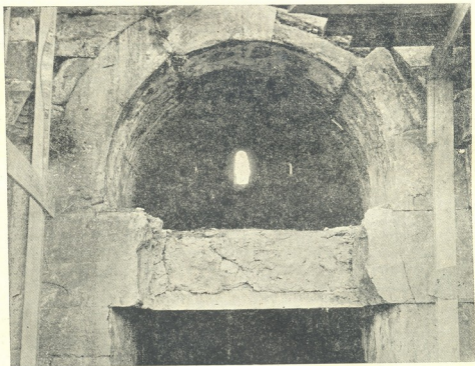

Рис. 23. Та-же дверь после раскрытия в 1937 году.

ные, почему поле надписи заглублено¹. Западная дверь также имеет по перемычке надпись, но уже в одну строку, такими же буквами².

Благодаря обвалу северного портика, его сводов, перекрытий и кровли обнаружилась та часть стены базилики, которая была ими закрыта. Она видна поверх линии выступающего карниза с сухариками. Это гладкая стена в три ряда кладки из мелких, ровно тесаных квадров, выше которой подымается уже стена с окнами, сложенная при ре-

¹ Ср. рис. 22 и 23, а равно фото надписи у Л. Мухелишвили, рис. 10 и 11, текст и разбор ниже во II главе.

² Текст и разбор ниже. Ср. рис. 24 и 25 и фото Ермакова № 18152.

ставрации XVII века из булыжника и кирпича неровно и довольно небрежно¹. Таким образом, несомненно, что портик возведен во вторую очередь стройки, отдельно от самого корпуса базилики, хотя и в увязке

Рис. 24. Общий вид Болнисского Сиона с севера во время ремонтных работ 1937 г. отдельными частями с нею. При устройстве придела из устоявшей абсиды и первого арочного пролета северной стены пристроили непосредственно перед полуколонками стенку из камней поверх той насыпи земли, которая здесь образовалась. В этой стене могли оставить только низенькую дверь и над ней оконную щель со стрельчатым верхом, как и окна западного фасада. Время этой починки таким образом можно считать тот же XVII век.

Осенью 1939 года стенка эта была разобрана, как и закладка се-

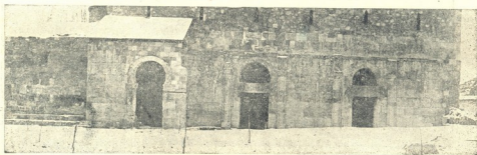

Рис. 25. Общий вид с севера после реставрационных работ 1939 года.

верного проема. При этом выяснилось, что северная стена отошла и накренилась на север, благодаря чему помимо закладки проема нарастили еще 15—20 см толщи стены вверху и поверх нее сделали свод².

¹ См. рис. 24, 25 и 43.

² Рис. 26 показывает это отклонение снаружи, глядя с востока.

Ввиду означенного положения при осмотре (2.X.1939) я предложил разоб-
 зорать, как эту висевшую (после разборки кладки в проеме) наращен-
 ную стенку, так и соответственный отрезок свода, примыкавший к дре-
 вней конхе, чтобы

Рис. 26. Вид с востока на угол северной галлерей с показом
 отклонения северной стены.

разгрузить древнюю
 стену с проемом и
 воздержаться от пе-
 рекладки ее. Таким
 образом была осво-
 бождена древняя кон-
 ха, а равно древняя
 (первая) подпружная
 арка галлерей. По-
 верх этой части я
 предложил сделать
 черепичную кровлю
 на деревянных стро-
 пилах, а оборванный
 торец северной сте-
 ны подвести устоем.
 Все эти работы про-
 изведены еще до кон-
 ца 1939 года. Вся уце-
 левшая часть север-
 ной галлерей пере-
 крыта общей чере-
 пичной кровлей на
 стропилах, угловой
 устой закреплен и
 связан со стеной
 базилики железной
 стяжкой¹. Разбор
 свода дал также рез-
 ные фрагменты, в
 том числе кусок од-
 ной капители со сре-
 занным углом и др.
 (об этом ниже).

9. Внутренние помещения Болнисского Сиона приобрели помимо
 тех украшений, которые входили в художественный замысел его твор-
 ца, как резные капители и базы, как тяги, описанию, характеристике

¹ Это видно на прилагаемых рис. 19 и 45.

и анализу которых посвящена ниже глава IV, различные дополнения—украшающие и символические одновременно, которые необходимо здесь же кратко назвать.

В среднем нефе базилики, на пилястрах при алтарной абсиде¹ почти на одной высоте в полтора человеческого роста, на южной и северной пилястрах (выше позднее встроенных перед ними стенок) вырезано по равнобедренному кресту с ножкой в двойном круге; фон этих изображений заглублен (диаметр правого 39,5, гсп. 45 см, а левого 45,5, гсп. 48,5¹).

На четвертом столбе южного ряда, считая всегда от абсиды, на его западной стороне на высоте около 1,5 м от пола вырезан крест в круге из треугольничков; диаметр 25(29) см. Такой же крест имеется и на западной стороне четвертой пилястры при северной стене; диаметр 23(26) см. Наконец, еще один такой крест и опять в круглой раме из треугольничков имеется на восточной стене северного нефа, немного повыше, около 2 м от пола; этот крест был заштукатурен (под роспись); он исполнен нечетко, не твердой, не мастерской рукой; повидимому, ножки у креста нет; при нем вырезаны также качественно, как и самый крест, три заглавные грузинские буквы **ქს**, диам. 26(34) см².

Значительно больше отделан крест равнобедренный в тройном круглом ободке (средний с насечкой), который впервые был обнаружен работниками экспедиции 1936 года на среднем (третьем) столбе северного ряда на северной стороне его восточной пилястры на высоте человеческого роста. Самый крест имел в центре каждого тябла круглую шишку; плоскости между тяблами отштрихованы; весь этот медальон с крестом, имеющий в диаметре 19 см, охвачен снизу вверх стеблем (валик в насечке), концы которого заканчиваются вверх трех-

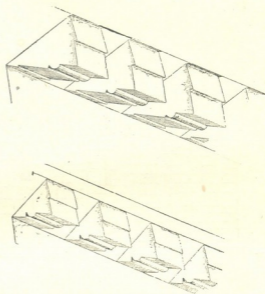

Рис. 27. Карниз венчавший базилику и карниз в северной галлерее (аксонометрия).

¹ См. рис. 110.

² Воспроизведен Л. Мухелишвили (ძეგლები, рис. 15), который условно предполагает возможным раскрыть подпись, как **ქსა**, т. е. сноп (с. 332 под № 5).

листниками. Над этим изображением помещается, также рельефом в заглубленном поле, как-бы поясняющая изображение надпись заглавными буквами:

ႂႂႂ ႂႂႂ ႂႂႂ ႂႂႂ, т. е. ესე ჯუარო ვარდან (ვასტენ, ვაჰან) ნაპავე-ტოსა (?). Буквы в 2,5 см высоты; длина всего поля 23 см, а ширина 4 см; высота же от верха надписи до низа стебля 26,5 см¹. Начертание буквы ჯ ставит эту надпись в один ряд с древнейшими известными (как надписи в Джвари, в Натлис-Мцемели Гареджийского многогорья).

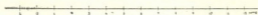
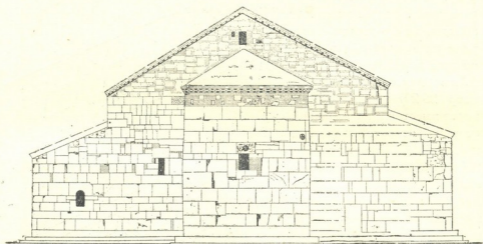

Рис. 28. Восточный фасад по обмеру.

Иной формы кресты, именно, удлиненные и вырезанные прямыми контурными линиями, врезаны в западные стороны всех столбов северного ряда на высоте человеческого роста². Нижние части их всюду попорчены, менее всего на 5 столбу, где можно ясно различить как бы выделенные две ножки³. Высота всего этого креста 63 см, а поперечного тябла 43 см (поперечное тябло креста на 4 столбу 35 см).

¹ См. рис. 113 и Л. Мухелишвили, *ძეგლები*, с. 331—332.

² Очень попорчен на втором столбу, где уцелел только самый верх. Ср. поперечный разрез на восток (рис. 5).

³ См. рис. 114.

Аналогично этим крестам внутри базилики и на углах абсиды северной галереи также вырезаны равноконечные кресты с ножкой в двойном гладком круге; они вполне повторяют кресты на пилястрах по бокам алтарной абсиды базилики; диам. 25,5(29) см¹.

Еще один крест с ножкой в круглой раме из треугольничков обнаружился, как украшение большой четырехстрочной рельефной надписи, на перемычке восточной двери из галереи в базилику. Он до-

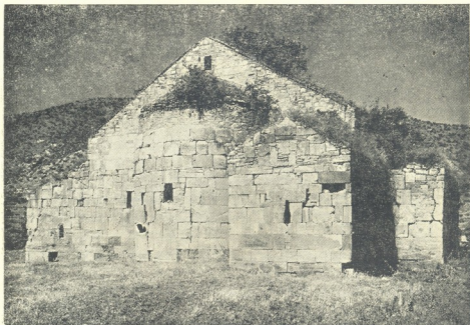

Рис. 29. Общий вид восточного фасада до раскопок 1936 г.

шел лишь фрагментарно. Поэтому размер диаметра круга определяется только приблизительно в 21 (26) см (ср. рис. 49).

Мы отметили здесь таким образом 4 креста в гладких кругах, 4 креста в кругах из треугольничков, 1 крест в круге и с растением и надписью, и 5 удлиненных больших крестов. По фасадам здания мы повстречаем еще 2 креста в кругах из треугольничков и 1 в гладком круге и кроме того кресты на капителях.

От эпохи реставрации храма в XVI и XVII веках могут происходить те фрагменты росписи, которые сохранились в разных местах храма, особенно в конхе алтарной абсиды и на ближайших столбах². В конхе как будто можно различить два слоя фресок.

¹ См. поперечный разрез (рис. 5). Что и на северном углу, был такой же крест, заметно по низу ободка его, остальное же откroшилось со всем внешним слоем камня.

² Ср. рис. 8 и 10.

10. Если внутреннее пространство Болнисского Сиона насыщено величием и серьезностью, если оно и сегодня еще, даже с теми искажениями поздних реставраций, с которыми оно дошло до нас, дает нам возможность понять те психологические процессы чувства и мысли, которые отличают раннее христианство и которые направляли творчество архитектора Болнисского Сиона, то этого нельзя сказать о внешних массах и фасадах его. Т. е. в них мы не находим положительных результатов, не находим творческих достижений,

которые бы этому отвечали. В этом отношении наружные массы Болнисского Сиона, его фасадный облик также близко подходит к ранне христианским базиликам других стран, как мы отмечали это *vice versa* для внутреннего пространства — проблема эта в художественном смысле еще не была, как таковая, осознана и поставлена архитектурой.

Весь громадный корпус Болнисского Сиона по наружному облику вовсе не намечает той внутренней сложности, которую мы в нем имеем. Трехнефная базилика просто забрана под одну общую двускатную крышу; и этот примененный в XVII веке прием — по всем дан-

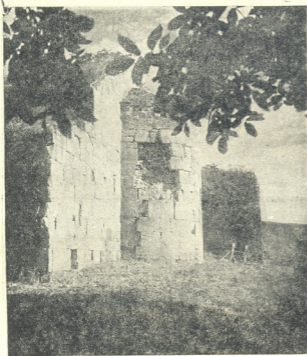

Рис. 30. Абсида с юга до реставрации 1936 года.

ных — есть только повторение первоначального оформления. К этому среднему массиву примыкали с небольшим понижением односкатные кровли южных и северного дополнительных помещений. Таким образом обычный внешний абрис базилических форм здесь повторен не для трех нефов базилики, а для всего здания в целом, и при этом средний массив был грузный, тяжелый, не обладал проработанным соотношением ширины и глубины массива к его высоте. Таким образом все эти данные, которые присущи были Болнисскому Сиону со времени его

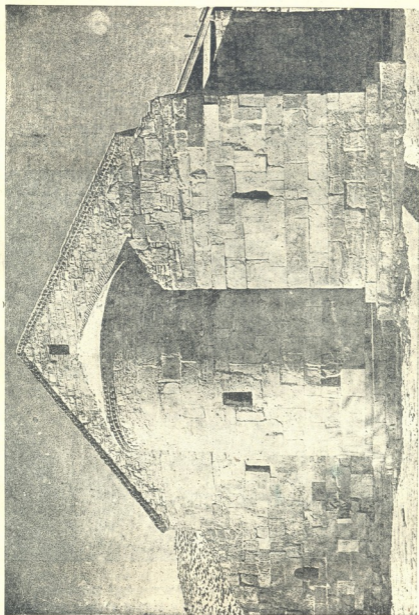

Рис. 31. Болнисский Сион с востока после реставрационных работ 1939 года.

возведения и до тех повреждений, которые принесло время, включая занос земель, теперь только еще сильнее и резче подчеркнуты на нем¹.

Уклоны кровель тоже нельзя считать установленными для древней постройки. На Сионе есть кое-где показатели добавленной высо-

¹ См. рис. 2, 3 и аксонометрию—рис. 85.

ты стен под кровлями; а потому возможно предположение о другой высоте и о других уклонах крыш. Теперешнее устройство кровли—или ее остатки—сводится к возведению на расстоянии около 1,5 м одна от другой поперечных кирпичных стенок из ряда повышающихся и расширяющихся арок, поверх которых укрепляется кирпичный свод кровли¹. От черепицы покрытия на крыше заметны лишь следы².

Счастливый случай дал нам два больших каменных блока (один цельный 100×56 см) от древнего карниза верхней части Болнисского Сио-

Рис. 37. Цоколь на юго-восточном углу, вскрытый раскопками.

на. Они были использованы своей гладкой тыловой частью, как починочная облицовка вверху северного фасада устоявшей части галлерей. При разборке проема их пришлось предварительно снять, когда и выяснилось их древнее назначение. Мотив сухариков—общий со внутренним карнизом под сводом северной галлерей, но он крупнее, с большей разработкой³.

¹ См. разрезы продольный и поперечные (рис. 4—5).

² Ср. рис. 24, 39 и грим. 4 на с. 54.

³ См. аксонометрию на рис. 27—верхний рисунок.

11. Восточный фасад храма представлял собой просто гладкую стену обычного абриса базиличных форм, где средняя часть несколько выше и заканчивается двускатной кровлей, а с боков примыкают односкатные пониже; в средней части этой гладкой стены выступает полукруг абсиды с самостоятельной кровлей, которая как-бы прилепена к гладкой стене фасада¹. Фасад сложен из мощных квадров и только самый верх фасада и абсиды под крышу реставрирован кирпичем и кусками камня; ниже этого верхняя часть, именно, пять верхних рядов кладки стены южного нефа по восточному фасаду, сложенные из камня (четыре ряда из мелких), являются целиком работой поновления, как и кирпично-каменная узорная часть выше этого; а ниже этих пяти рядов каменной кладки (включая низ окна) стена чинена, т. е. подправлена, где требовалось, как и примыкающий кусок стены дваабсидного помещения². Полукруглая абсида сильно разошлась еще в 1920 году, а в 1935 году часть каменной с южной стороны отсутствовала³.

Рис. 33. Абсидальное окно с надписью по снимку около 1903 года.

¹ См. рис. 29, 30, 31 и 3, а также чертеж фасада (рис. 28). В месте примыкания стен пристроенного северного придела на чертеже получилась при откидывании его некоторая пустота: доколь не выявлен полностью.

² См. рис. 83. Вверху стены южного притвора видна линия кладки как бы для второго (северного) ската крыши. Это получившееся при реставрации явление: камни не первоначальные и не на первоначальном месте.

³ К сожалению, они были уже растасканы (см. рис. 30); вообще кладка в этой части потревожена. В связи с раскопками эта часть заложена и закреплена Отделом по-

Болнисский Сион засыпан и по восточному фасаду землею. Раскопки расчистили его по углам; с остальным раздала Бетонрест во время ремонта по поручению Отдела по охране. На юго-восточном углу вскрыт был трехступенчатый цоколь храма, который был ниже уровня земли. В 1936—1937 гг. была равномерно открыта только верхняя ступень цоколя; в 1939 г. открыли его полностью и провели закрепление изъеденных частей¹. Гладкие, ничем не члененные поверхности стен фасада имели в абсиде окно под плитой с надписью строителей храма и декоративным крестом в раме из треугольничков в центре ее². Форма окна пострадала при реставрации. Кроме этого окна имеются еще окно из южного нефа и окно из дваабсидного помещения. Нужно предполагать, что и из северного нефа было окно, но сейчас установить этого по фасаду невозможно, т. к. здесь пристроен к храму отдельный придел. Окно из южного нефа по фасаду, нужно думать, было переложено, съужено. Что же касается окна из дваабсидного помещения, то оно сохранилось образцово, имеет свое четкое очертание; оно съужено кирпичной закладкой, которая удалена в 1939 г.³

Перед северным нефом пристроен придел, о котором—ниже и который закрывает основной вид восточного фасада Болнисского Сиона и обезображивает его⁴. По линии кровли трехнефной части, а равно по абсиде сохранился кирпичной кладки карниз, относящийся к реставрации XVII века. Он состоит из четырех рядов кирпича, положенных попеременно углом вперед и ровно.

12. Западный фасад Болнисского Сиона повторяет тот же абрис базилических форм, какой мы отметили для восточного фасада, но без выступающей абсиды. Вся гладкая поверхность каменной стены имсет только в средней части дверь и в каждом из трех нефов базилики довольно высоко по окну. Кроме этого не было никаких проемов, ни украшений, ни членений. Только на юго-западном углу на высоту около 1,70 метра от приложенной „желтой“ ступени (включая ее), вся западная фасадная стена утолщена против вышележащей на 32 см. Еще до раскопок было видно это утолщение, к тому же резко контрастировавшее своими мелкими квадратами с вышележащими крупными⁵.

охране осенью 1936 г., но, к сожалению, как и другие работы 1936—1937 гг. в Болнисском Сионе, грубо, неряшливо и недоброкачественно. Только в 1939 г. все возможное исправлено (рис. 31).

¹ См. рис. 32 (по фото 1936 г.) и ср. рис. 31.

² См. рис. 33 по фото Ермакова № 18149.

³ На чертеже окно показано без закладки. Ср. рис. 31.

⁴ Ср. рис. 29, 30, 31 и 3. На чертеже восточного фасада (рис. 28) эта пристройка откинута, хотя места примыкания ее и пролом двери намечены. Обмер подтвердил, что ряды кладки здесь фасадные и проходят по всей стене.

⁵ Ср. фото Ермакова № 18159. См. рис. 34 и 35; к чертежу западного фасада (рис. 34) ср. фасады северный и южный и продольный разрез (рис. 42, 39 и 4). На плане (рис. 1) этот уступ нанесен чертой, но при этом разбитой в северном конце и с вырезом перед дверью, что неправильно.

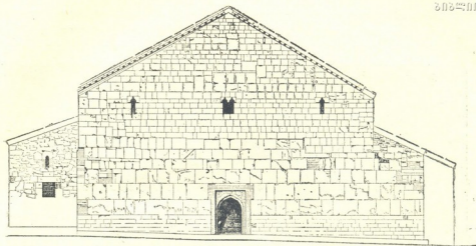

Рис. 34. Западный фасад по обмеру.

Рис. 35. Общий вид западного фасада при приступе к ремонту 1937 года.

Раскопки, которые не коснулись всей линии фасада на всей нужной глубине, все-таки помогли установить следующее. Указанное утолщение западной стены не переходит ни на южный фасад, ни на север-

Рис. 36. Цоколь на юго-западном углу, вскрытый раскопками.

ный; оно состоит сперва из 4 рядов мелких зеленых квадров, а на южном углу их значительно больше. При этом высота этого утолщения на северном углу около 90 см, против западной двери—1,10 м, а на юж-

ном углу 1,35 м. Ниже этого раскопки выявили один ряд камней, высотой около 32 см, который выступает вперед на свою ширину в 45 см; цвет камня этой ступени желтый, как облицовка Сионского собора в Тбилиси, т. е. так называемый сейчас Болнисский туф (из Хатис-Сопели). Ступень эта ни с чем не связана в постройке, резко отличается цветом камня, протягивается с видимым даже на глаз сильным понижением уровня от северного угла до южного, наконец, включает перед западным входом одну орнаментированную по внешней поверхности плиту¹. На северном конце ступень эта оканчивается хорошо отесанным квадром по северной линии, завершающим ступень в том месте, на той линии, где сейчас имеем обломанный контур линии северной галереи. Т. е. это еще один прямой показатель того, что ступень приложена к стоявшей постройке и при том после ее разрушения в северной части. Произведенные по моей просьбе дальнейшие разыскания показали, как мне передала арх. Габашвили, следующее: ниже этой выступающей желтой ступени, где сперва была видна под ней только земля, расчистка показала опять на общей линии верхнего выступа из зеленых мелких камней продолжающуюся такую же кладку стены из зеленого камня². Т. е. можно считать несомненным, что желтая ступень есть прибавление (позднейшее) к корпусу Сиона поверх наносной земли, при чем она ограничивалась западным фасадом, не переходя ни на (уменьшенный по толщине стены) северный, ни на южный³. На юго-западном углу Сиона раскопки выявили первую ступень цоколя здания. Она сложена из общего зданию зеленого камня, высотой в 18—20 см. Ширина выноса этого цоколя на углу по южному фасаду 40—42 см; сколько был вынос по западному фасаду не установлено, т. к. прокоп не был продвинут достаточно далеко по фасаду⁴. Не установленным осталась (за незаконченностью расчистки) увязка цоколя западного фасада с цоколем северного фасада, а также количество ступеней цоколя по западному фасаду.

¹ См. рис. 82.

² Кое-где на южном конце как-будто забутовка из осколков: здесь, вероятно, это разрушенные части цоколя. К сожалению, на чертеже эти, хотя лишь частично, раскрытые части не показаны, т. к. не были замерены; тоже на продольном разрезе (рис. 4).

³ Из данных раскопок считаю нужным особо оговорить следующее в пояснение рис. 36: угловой камень желтой ступени заходит выступом и на южный фасад. Этот камень однако красного цвета и к нему приложен по южному фасаду маленький желтый камень, чем достигнута здесь одна общая глубина в кладке с квадром, лежащим поверх этого ряда и явно новой сравнительно кладки. Т. е. мне представляется весь этот угол не первоначальным. (Ср. еще рис. 41).

⁴ См. рис. 36 и 41.

4. Известия ИЯИМК, т. IX.

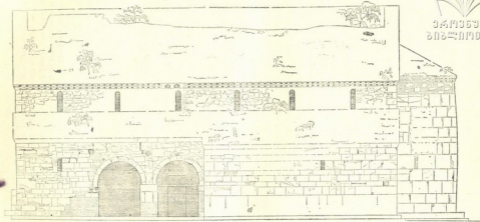

Рис. 37. Южный фасад по обмеру.

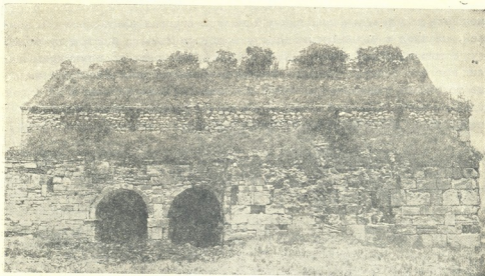

Рис. 38. Общий вид южного фасада до раскопок и до ремонта.

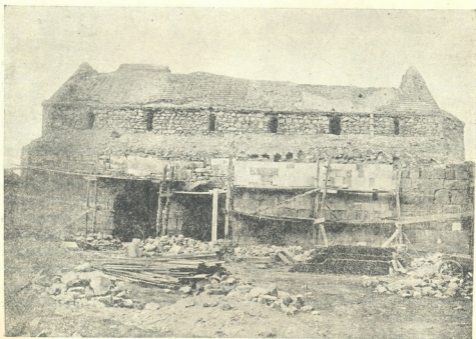

Рис. 39. Южный фасад во время ремонта 1937 года.

Западный фасад на протяжении веков пострадал не только в отношении прибавления косо идущей желтой ступени или заноса его землей, начиная с докола и на высоту не менее 2 м, но пострадал более существенно. Вся верхняя часть фасада, примерно от линии примыкания кровель боковых фасадов вверх, сложена заново. Это ясно видно не только по размерам примененных камней облицовки, но и по самой кладке, плотной, тесной, тогда как в древней кладке фасада швы как-бы разошлись, заливка повыветрилась¹. Кое-какие изъяны в древней клад-

Рис. 40. Двойная арка входа (по фото 1916 года).

ке починены кирпичем; внизу, но на уровне поднявшейся от заноса земли, прорублена входная дверь в храм и выложена по фасаду из кирпича в типичных для XVII века формах. В верхней восстановленной части стены сделаны три окна в каждый из нефов базилики. Окна с заостренным верхом и с линейным украшением его². Починена и верхняя часть стены южного портика. Конечно, общее впечатление фасада сейчас больше этого страдает от отсутствия северного портика и от заноса землей³.

¹ См. рис. 35, а также фото Ермакова № 18156 и 18159.

² См. рис. 35 и 34.

³ По западному фасаду еще до раскопок было совершенно очевидно, что на северном углу стена тянулась далее на север на высоте 5 основных рядов (из них

На западном фасаде сохранился карниз эпохи поновления Сиона в XVII веке. Он сложен из четырех рядов кирпичных квадратных плиток, положенных, как и на других фасадах, попеременно рядами углом вперед и гладкими ровными рядами.

13. Южный фасад Болнисского Сиона представляет собой переднюю, более низкую часть, восточная половина которой несколько вы-

ступает вперед против западной и представляет собой сплошную каменную стену. Западная же часть прорезана двойной большой аркой, имевшей первоначально подковообразную форму, а потому открытая вверху сильно и подчеркнута. Над не круто поднимающейся кровлей этой передней части возвышается небольшая стена базилики и поверх нее кровля¹.

Южный фасад здания сложен в основной, не пострадавшей части из больших, хорошо тесаных камней ровными рядами. Стена двуб-

Рис. 41. Кирпичный устой у входа и раскрытый цоколь по южному фасаду.

сидного помещения сейчас пострадала значительно по сравнению с тем, что было 20 лет назад: еще больше отсутствующих квадров². В западной же половине, повидимому, почти вся наружная облицовка восто-
 одни состоит на углу из двух рядов камней, более мелких); стена здесь неровная по отвесу, а имеет искаженную линию, т. к. продолжение стены северного портика оторвано.

¹ См. рис. 38 и 39 и фото Ермакова № 18159; чертеж по обмеру (рис. 37); на нем не указаны три ступени цоколя, которые выявлены на всю длину во время реставрационных работ 1939 г.; на чертеже верхняя ступень ошибочно не увязывается с цоколем восточного фасада, затем показанное повышение цоколя к западному углу замечается в натуре едва на протяжении метров 2,5 от угла.

² Отдел по охране памятников в 1937 г. в порядке реставрации дополнил отсутствующие здесь лицевые камни и частично заменил старые (ср. рис. 39).

становлена: квадры мелкие, неровно и в перемежку сложены, не образуют ровных проходящих рядов, а лишь заплаты; при этом каменные починки исправлены еще кирпичом. Только в нижней части кое-где, вероятно, уцелели на месте древние лицевые камни¹.

Теперешние два окна—из западной части портика и из двубсидного помещения—скорее всего результат переделок. Последнее окно обложено кирпичом, малое, неровное².

Арочные пролеты входа в портик и через него в храм изменены во время реставраций. Первоначальная их форма была подковообразная, как выяснено уже выше³.

Стена самой базилики, возвышающаяся над передним скатом кровли, сложена вся из обломков камней по фасаду (и из кирпичной кладки внутри храма). В этой стене 6 окон, обложенных кирпичом. Вся эта часть, как отмечено уже, относится к реставрации XVII века. Крыши не сохранили кровельного покрытия; они поросли травой и кустарником⁴. Уцелел в значительных частях венчающий кирпичный карниз того же узора, как и на других фасадах.

Южный фасад Сиона сидит в земле на много. Раскопки выяснили действительное соотношение, хотя и здесь не могли быть произведены полностью. Раскрытие юго-восточного угла храма показало наличие трехступенчатого цоколя⁵. Он обходил здесь двубсидное помещение. Далее против двойной арки и до юго-западного угла фасада была расчищена верхняя ступень цоколя и отчасти прозондирована вторая⁶. В самих арочных проходах была еще дополнительная ступень, с которой спускались вниз в портик.

14. Северный фасад Болнисского Сиона был первоначально по основным массам также организован, как и южный: большой скат крыши, общий для главного и северного бокового нефа базилики, и пониже второй скат крыши северного портика, начинавшийся примерно на высоте одной трети общей высоты⁷. Сейчас этот вид можно толь-

¹ И в этой части Отдел по охране памятников произвел починку верхней части стены в 1937 году.

² Сейчас после ремонта этого проследить больше нельзя.

³ Ср. рис. 40.

⁴ Кругом же храма (а в первое посещение и внутри его) имелось большое количество обломков черепиц значительной длины (см. до 30—35) и ширины; они светло-розового цвета, плоской и полукруглой формы.

⁵ См. рис. 32.

⁶ См. рис. 41.

⁷ Стена бокового нефа, возвышающаяся над портиком сложена в реставрацию XVII века также, как и по южному фасаду (см. рис. 43). На чертеже фасада по общему (рис. 42), к сожалению, не выявлены цоколя, неправильно показано соотношение ступени и пр. с запада, и размеры одной из капителей; для ясности откинута пристройка северного придела.

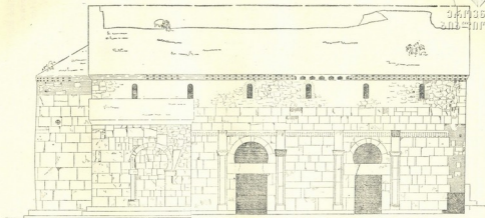

Рис. 42. Северный фасад по обмеру.

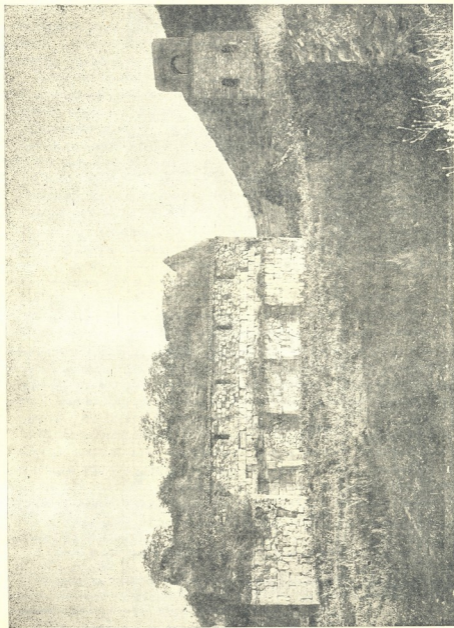

Рис. 43. Общий вид Болнисского Слона с севера.

ко восстановить на чертеже, т. к. большая часть портика давно уже обвалилась, строительный материал ее был использован для других целей и все место его было заполнено метра на 2 наносной землей. Только крайняя восточная часть портика уцелела, которая дает основ.

ной материал для возможной реконструкции фасада с пятью арочными проемами по длине его. Северная стена восточного уцелевшего конца галлерей пострадала в верхней части над арочным пролетом и правее. Сама арка тоже чинена (в средней части) и весь пролет вообще заложен. Проем этот имеет подковообразную арку, опирающуюся на разные в плане устои¹. Снаружи портик имел цоколь, три ступени которого были установлены раскопками.

Рис. 44. Уцелевшая часть северной галлерей с заложенным проемом (по фото 1920 г.).

15. Как уже отмечено, фасады Болнисского Сиона ни в какой мере не были архитектором разработаны, как художественное целое; он их даже не украсил хотя бы отдельными декоративными элементами. Поэтому равноконечный крест в круглой двойной раме из треугольников, который вырезан в центре большой плиты с рельефной надписью строителей храма над алтарным окном и другой над надписью на перемычке двери с северной стороны, есть декоративная отделка скорее этих надписей, чем абсиды или входа в храм².

¹ См. рис. 44 и 45. Левый устой был в форме тройной полуколонки, а правый прямоугольный.

² См. рис. 33, 111, 48 и 49. Диаметр медальона в надписи Давида внешнего круга 28 см, а внутреннего—18,5 см по эстампажу.

Тем более не может иметь декоративного значения, а, вероятно, тоже символическое значение, что и кресты внутри здания, помещенный на полукруге абсиды, севернее надписи и в находящемся выше нее ряде камней равнобедренный маленький крест обычной здесь формы. Рама круглая здесь не была доделана, а лишь вынут фон для медальо-

Рис. 45. Уцелевшая часть северной галлерей после раскрытого в 1939 г. северного проема.

на и оставлено место невынутым для ножки креста (она идет, однако, вверх, а не вниз); кроме того, над „ножкой“ вынут из камня первый треугольник рамы.

Возможно что небольшим оттеняющим вход украшением, одновременно символического значения, мог быть все тот же равнобедренный крест в раме из треугольников, который и сейчас находится над средним устоем входа в южный портик¹. Однако, следует иметь в ви-

¹ См. рис. 112.

ду, что эта часть стены вся восстановлена, да и камень с крестом лежит боком: ножка креста находится направо, в то время как над остальными тремя тяблами, как и в каждом из четырех рукавов, сделаны пуговки.

16. Пристроенная с востока перед северным нефом базилики небольшая церковь сложена как снаружи, так и изнутри из таких же крупных квадров, какие имеем по фасадам Болнисского Сиона. Таким образом, характер кладки внутри отвечает в пристроенных стенах западной стене в этой пристройке, которая есть часть фасада Сиона¹. Она стоит вся, как выяснили раскопки, на цоколе в 2, а то и 3 ступени, который примыкает к цоколю северной галлерей так, что верхняя ступень церкви положена на верхнюю ступень галлерей и т. д. Таким образом цоколь церкви выше по уровню, чем цоколь Сиона (это и на-глаз видно по сравнению с юго-восточным углом).

Стены чинены кирпичом со включением мелких квадров камня. Так значительная часть южной стены, как изнутри, так и снаружи, восстановлена таким образом², а также большая часть северной стены снаружи восстановлена в кирпиче. Точно также почти вся конха алтаря и свод церкви восстановлены; они литые из мелких осколков, небрежно, неровно³. Только нижние полтора ряда кладки конхи древние, из каменных квадров сложенные⁴.

Освещается церковь одним алтарным окном, по сторонам которого ниши⁵. Алтарь в церкви повышен. Каменный престол из цельного блока, который имеется в церкви, чрезвычайно интересный по отделке фасовой стороны и верха стола⁶.

Раскопки 1936 года внутри церкви наткнулись в абсиде, ниже пола ее на вершину арки выведенной из хорошо тесаных квадров. Разведка не была тогда доведена до конца и вопрос оставлен невыясненным. Только осенью 1939 г. во время закрепительных работ и в частности очистки данного помещения прорабом Отдела по охране памятников все помещение этого склепа раскрыто. Он представляет собой более короткое на запад, чем церковь над ним, прямоугольное помещение со сводом на трех подпружных арках и со входом снаружи с востока. Нижняя часть склепа, т. е. предназначенная при возведении

¹ Ср. рис. 2, 29, 30 и 31 по чертежу рис. 28.

² См. рис. 83.

³ Даже на фото виден в одном месте оттиск плетеной из прутьев подкладки кружал, по которым шел свод.

⁴ Есть впечатление подковообразности арки конхи.

⁵ На чертеже плана (рис. 1) они пропущены.

⁶ См. рис. 80.

его для погребений, как бы разделена невысокой стенкой от входа до западной стены и другой поперечной на четыре больших могилы¹.

Над алтарным окном этой пристройки большая резная плита². Мотивы и характер резьбы поддерживают впечатление возведения всей церкви в сравнительно близкое к постройке самого Сиона время, как покажем ниже.

Снаружи пристройка и абсида базилики соединены небольшой арочкой, над которой еще два ряда квадров лежат: получился переход с крыши на крышу³.

17. Длительная историческая жизнь с ее наслоениями и изменениями, а также те значительные разрушения, которые выпали на долю Болнисского Сиона, дают в руки исследователя ряд фрагментов, часть которых условно может быть принята за фрагменты самого Сиона, а часть, несомненно, является проявлениями художественной жизни вокруг него. Названный материал пополнился еще находками из раскопок 1936 года и при расчистке двора Отделом по охране памятников культуры в 1937 году. Особенно же надлежит отметить, что осенью 1939 г. было извлечено до 35 архитектурных фрагментов здания и различных резных фрагментов при разборке западной пристроенной к восточному концу северной галереи стенки, закладки северного проема и в позднем своде там же.

Во-первых, два фрагмента резьбы, которые являются, вероятно, частями баз из-под пилястр Сиона⁴: один был мною замечен внутри храма в куче камней в первое посещение и тогда же передан в Музей Грузинского Общества Истории и Этнографии⁵. Ширина самой орнаментальной полосы—9 см, а всего поля от края и включая два валика—21. Второй большой камень использован в кладке северной стены пристроенной церкви, в самом западном углу непосредственно на полу. Здесь сохранилась не только полоса перекрещивающихся кругов, но и примыкающая к ней с иными узорами (высотой 71 см, а ширина фрагмента 54).

Затем, часть капители с треугольным срезом угла, извлеченная из разобранного северного свода 3.IX.1939 г. По верхней полочке

¹ Аналогичное устройство я повстречал и в других погребальных камерах, так, например, в склепе под церковью Самебы в мон. Икалто, раскрытом директором Телавского Краеведческого музея А. Д. Мамулашвили, или в северной пристройке около большой купольной церкви Ст. Шуамты.

² См. рис. 81 и фото Ермакова № 18150.

³ См. рис. 83.

⁴ См. рис. 108 и 109.

⁵ Зайнвентаризирован в Музее за № 2852, поступление 1916 г. Высота всего фрагмента 25 см.

(7,5—8 см высоты) идет полоса из половины пересекающихся кругов; срез угла покрыт в четыре ряда свисающими волнистыми завесами (см 18 высотой), на одной (лицевой ?) стороне видна фигура барса, испещренная кружочками, а на другой—остатки листьев венка, как рамы для креста (рис. 46 и 47).

Кроме того от самого храма под большим вопросом может быть отдельный крупный блок по высоте около 58 см, а шириной при восполнении по узору—см 72. Узор—из двух полных больших кругов, пересекающегося мотива кругов; верхняя полочка обломана. Возможно, что этот блок был капителью.

Рис. 46 и 47. Фрагмент капители Болнисского Сиона с двух сторон.

Ряд фрагментов от мемориальных памятных стел попал в кладку при починках стен Сиона¹.

Затем нужно назвать несколько небольших фрагментов неопределенного по назначению характера. Во-первых, фрагмент орнаментированного красного камня (32×32 см) с розетками в квадратах и рамой из треугольников. Он попал в закладку арки северного портика внутри². По извлечении этого обломанного фрагмента кубической формы из стены, первоначальное назначение остается попрежнему непонятным; обрывки резьбы имеются на двух сторонах. Во-вторых, каменный блок со стесанной одной стороной; углы блока были срезаны острыми тре-

¹ Перечень их с разбором см. ниже гл. III, 3.

² См. рис. 55 внизу (ср. с этим фрагмент снаружи западного фасада в Болнис-Капанакчи и каменную плиту из постамента большого монумента, раскопанного против северного фасада: упомянут Л. Мусхелишвили, с. 368).

угольниками, из которых один гладкий, а другой украшен зигзагом. По узким сторонам, имевшим первоначально по ширине 24 см, блок украшен резьбой листа в роде изображенного на рис. 78, а на стесанной стороне (шириною 30 см) гладкая поверхность. Высота фрагмента, снизу обломан, 24 см. Третий фрагмент найден при расчистке площади Сиона Отделом по охране памятников культуры при Управлении по Делах Искусства СНК Груз. ССР в связи с реставрацией памятника. Это небольшая полоса длиной фрагмента в 50 см, при высоте в 9 см всей полосы. Изображены соединяющиеся узлами кружки—два из них целые, а крайние не полностью умещаются на фрагменте. В кружках изображения животных—зайца и грифона; по такому же грифону и в крайних кружках¹. По общему характеру этот фрагмент ближайше сходен с фризом вокруг барабана Ошкского храма X века. Небольшой четвертый фрагмент, доставленный в Музей Руставели в 1936 г. из раскопок (инв. № 203), представляет четырехгранный обломок в см 15×10, где одна грань сохранила по краю остаток плетения, которое не имеет как будто аналогий, а по противоположной грани фрагмент хорошо резаной надписи асомтаврили ჟღბ.

II. БОЛНИССКИЕ НАДПИСИ

Описание Болнисского Сиона, т. е. планомерно развернутое, полное сообщение фактического материала о данном памятнике требует точной и полной передачи надписей, сохранившихся на стенах самого Болнисского Сиона, а также на башне с колокольной его. Однако, простое приведение текста с переводом само по себе недостаточно в наших условиях; полное использование исторических моментов и данных этих надписей возможно лишь после разностороннего научного освещения этих надписей. Поэтому я выделил их в особую главу, где сведены все нужные материалы.

На стенах Болнисского Сиона сохранилось три больших надписи. Четвертая считалась погибшей целиком вместе с обвалом наружного камня перемычки восточного прохода из северной галереи в храм, за исключением нескольких букв и возможности установить наличие трех строк самой надписи². Только в результате расчистки самого дверного проема от закладки его был обнаружен в сентябре 1937 года и обвалившийся камень, на котором уцелела большая четырехстрочная надпись. Кроме того, имеется еще одна надпись на башне. Этим исчерпывается круг Болнисских надписей, если не считать подпись на изобра-

¹ Показан при помещении 24.IX.1937 г. Взят 18.X.1937 г. в Музей Искусств «Метехи» для выставки искусства эпохи Руставели. Тогда же показан на месте второй фрагмент этого фриза, обозначенный временем.

² См. выше, с. 36.

жении креста внутри храма и нескольких графитти в разных его местах¹, да надмогильные надписи².

Две болнисские надписи впервые были опубликованы сто лет назад академиком М. И. Броссе по копии известного путешественника-швейцарца Фредерика Дюбуа-де-Монпере³, а другие две несколько позже этого по копиям нумизмата И. Бартоломея⁴. После этого отдельные из надписей были предметом специального рассмотрения только в 20-х годах настоящего столетия. Первый раз в докладе проф. Е. С. Такайшвили в Грузинском Обществе Истории и Этнографии 1920 г. и второй раз после личного обследования их на месте в докладе проф. А. Г. Шанидзе 23 мая 1922 г.⁵. Они вновь изданы Л. В. Мухелишвили в его отчете о работах по раскрытию Болнисского Сиона. Впервые открытая в 1937 году надпись опубликована им же в предварительном разрезе и без восстановления нехватящих частей⁶, а ниже она же дается с восстановлением проф. А. Г. Шанидзе, который, как обычно, охотно проехал со мной на место 18.X.1937 г. для изучения надписи.

Из этих надписей три выполнены рельефными буквами одного начертания и связаны непосредственно с самой постройкой—это надпись над абсидным окном восточного фасада и надписи на перемычках обоих северных дверей.

1. Надпись восточного фасада состоит из 8 строк крупными рельефными буквами в 6 см высоты, некоторые из которых частично или полностью отбиты⁷. Она вырезана на одной плите, заполняя ее сплошь; величина надписи до 63×90 см по гипсовой отливке. В середине четырех средних строк надписи вырезан равнобедренный крест в двой-

¹ Эти графитти исполнены все асомтаврули и были засняты во время археологической кампании 1936 года.

² См. еще л. მუსხელიშვილი, ბოლნისი, სს. 332—335, 337—339, 341—343, 356—357 (надписи за №№ 6—8, 11—12, 14—18).

³ *Mémoires de l'Académie des sciences à St. Pétersbourg*, VI série, Sc. pol. etc., t. IV (1840), p. 419—422 et pl. XI, где напечатан его доклад, читанный в Академии 17 августа 1837 г., после предварительного извлечения, в полном виде под заглавием: *Explications de diverses Inscriptions géorgiennes, arméniennes et grecques*. Отдельным отписком эта работа вышла еще в 1838 г. с пагинацией страниц 105—108.

⁴ *Mélanges Asiatiques*, t. II (1856), p. 305—306, 310, 321—325, 338 и 339: *Lettres de M. Bartholomaei, relatives aux antiquités géorgiennes; etc.*, доложенные ак. Броссе 14 октября 1853 года и напечатанные сперва в *Bulletin hist.-phil.*, (1854) t. XI.

⁵ См. აკ. შანიძე, ნაშთები მესამე პირის ობიექტური პრეფიქსის ვმარებისა ვმოვების წინ ქართულ ხმებში — § 3 და 4: ტფილ. უნივერსიტეტი, II, 1922-23. გვ. 277—281.

⁶ ლ. მუსხელიშვილი, ბოლნისი, გვ. 325—327 и рис. 10-11.

⁷ См. рис. 48, 111 и 33, фото Ермакова № 18149. За 15—20 лет, истекших со времени моих первых двух посещений Сиона отдельные пострадавшие буквы еще сильнее пострадали. ლ. მუსხელიშვილი, ბოლნისი, рис. 12 на с. 328.

ной круглой полосе, которая заполнена орнаментальным зигзагом¹. Резцом мастера углублен, удален весь фон, как в декоративном медальоне, так и вокруг надписи, благодаря чему и буквы и медальон рельефны, но не выступают за общую поверхность всей стены. Отдельные слова не отделяются друг от друга, перенос слов также никак не урегулирован, титло поставлено над вторым сокращенно написанным словом (над первым это место камня попорчено), в остальном же все слова выписаны полностью².

Она читается так в транскрипции мхедрули: ქრისტე, დავით ეპისკოპოსი კრებოვლითოვრთ და ამას ეკლესიასა შინა შენდა შიშართ თავჯანის მცემელნი შეიწყალენ და მშრომელთა ამას ეკლესიასა შინა შეხეწიე იი, ა ვ

Рис. 48. Прорись надписи Давида (с восстановлением попорченных букв).

переводе: *Христос! помилуй, епископа Давида с причтом (букв. собранием) и поклоняющихся тебе в этой церкви, и вспомоществуй трудившимся в этой церкви. Аминь(?)*

К самому тексту и его сохранности в 1920 году нужный комментарий дает проф. А. Г. Шанидзе,³ упоминая о неудовлетворитель-

¹ Разбор этого креста дан ниже, гл. V, 4.

² Проф. А. Г. Шанидзе, печатая текст, проставил оба титла (см. ტფილ. უნივ. მოამბე, II, გვ. 277). Отсутствие титлов в Болнисских надписях отмечает акад. И. А. Джавахишвили, ქართ. პალეოგრაფია, 1926, გვ. 138, однако, печатая текст, оба первых слова приводит сокращенно и под титлами (там-же, с. 158).

³ Там же с. 278—279.—Ср. еще замечания о сохранности надписи у л. მუსხელიძის შვილი, ბოლნისი, გვ. 328—329.

ности первого издания по копии И. Бартоломея¹, хотя его собственное переиздание надписи было вызвано только одной, „ханметной“ формой ее языка и теми перспективами в понимании эволюции языка, которые эта архаическая форма открывала.

„თავყანისმცემელნი“ хорошо читается. Эта древняя и примечательная форма, где происшедшее из ვ—ვ (თავყანის-მცემელი > თავყანის-მცემელი) все еще на своем месте и не перескочило за ყ. Первоначальное ვ засвидетельствовано, напр., в надписи Теместиа в Мцхетском Джвари над дверью женской комнаты с внутренней стороны, где читается თავყანისმცემელად დედათა.

მშრომელთა. Здесь первая буква только частично видна. Второй буквы совершенно нет, от третьей также часть сохранилась, четвертая и пятая хорошо различаются, от шестой мало что осталось, три последних же полностью сохранились. По моему мнению, здесь нужно читать მშრომელთა [трудившимся]. Хотя я в этом не убежден вполне и некоторое сомнение все-таки остается; однако, еще более сомнительно მდგომელთა [стоящим] и совершенно не подходит მლოცველთა [молящимся]. По копии Бартоломея Броссе вычитал здесь მხლდ მთლთა и, как видно по французскому переводу, он понимал так: მხოლოდ მართალთა (il n'y a que les justes qui...), но все это совершенно безнадежно².

შეხეწიე. В этом слове შ немного попорчено, у ბ отбита головка, но она очень хорошо видна и не вызывает никаких сомнений³. Что касается წ, от него ничего не осталось, кроме головки, которую, если бы не контекст, можно было принять и за головку от ტ. Что согласные этого слова შხწ хорошо прочтены, это отчасти подтверждает также чтение Бартоломея: он не смог разобрать форму слова и вычитал в нем შეხეწიე[ბიან].

ოო. Что сказать относительно поставленных в конце надписи двух о? Здесь ожидаешь или дату, или же ამცხ [аминь], скорее последнее. Можно думать, что здесь именно это слово приведено ископически, как оно привычно у греков и коптов (V. Gardthausen, Griechische Paläographie², Bd. II, Leipzig 1913, S. 309). Однако, в этом случае оо дает

¹ Письма Бартоломея о Болнисских надписях, датированные 20 и 23 октября и 15 ноября 1853 г., сохранились в архиве акад. Броссе и переданы в Азиатский музей (см. составленную его сыном Л. М. Броссе Bibliographie analytique des oeuvres de M. M.-F. Brosset, SPbg. 1887, col. 333 et p. LV).

² Отмечу со своей стороны, что в первое посещение Болниса в 1916 году, когда слова этого я не восстановил по смыслу—третьей буквой записана была ϕ (в при-
 мых полускобках, т. е. частично попорченная, но читаемая). В 1920 году состояние ее было значительно хуже и вызывало сомнения. (В последней строке тоже часть начальных букв была в 1916 году в значительно лучшей сохранности).

³ Также точно и у меня в 1916 году, когда о чтении по смыслу и речи не могло быть об этом слове.

или 100 (10×10) или 20 (10+10) и ничего не выходит, ибо აბობ по численному значению букв слова составляет 99 (1+40+8+50=99), т. е. не хватает единицы; а если читать აბობ, что является в высшей степени сомнительным произношением для VI—VII веков, то получаем на единицу больше (1+40+10+50=101). (აბებ дало бы 1+40+5+50=96). Можно бы высказать еще и такую мысль, что в этих двух последних буквах надписи резчик скрыл имя, — но такое предположение, пожалуй еще менее других приемлемо.

Насколько сомнительно толкование последних букв oo надписи, настолько же несомненно и очевидно значение ნებწიე. Здесь имеется форма повелительного наклонения страдательного залога, где тема также начинается гласной. Дополнение стоит в дательном падеже მზრომელთა) и для обозначения этого дополнения в глаголе сохранен, объективный префикс третьего лица в виде ბ^ა 1.

В отношении начертания букв в этой Болнисской надписи сразу бросается в глаза начертание букв ბ, ჯ, ყ (ყ, ჟ, ჟ) с закрытыми в кружочек головками, которое имеется еще и в надписях Мцхетского Джвари и в Цромской мозаике, т. е. в древнейших известных грузинских надписях. Однако, действительная оценка и определение этого факта стала возможной только после разысканий акад. И. А. Джавахишвили в области грузинской палеографии. При эволюционном рассмотрении такое начертание этих букв определяется, как древнейшая, доступная нам сейчас форма начертания их в Грузии, связанная с самым происхождением его. Естественно, что Болнисские надписи в палеографическом отношении привлекли особое внимание акад. И. А. Джавахишвили. Их несомненную древность и значение он подчеркнул и посвятил ряд страниц вопросу их точной датировки 2. Он приходит к тому же выводу, который позволил и мне считать Болнисский Сион на основании этой надписи построенным около 506 года 3, а именно идентифицировать епископа Давида надписи с епископом Давидом — участником поместного собора грузинской, армянской и албанской церквей, постановление которого сохранено армянской Книгой писем. Это постановление подписано в числе прочих болнисским епископом Давидом 4.

¹ აკ. შახიძე, ტფილ. უნივ. მოამბე, II, 1922—23, გვ. 278—279.

² См. ტფილ. უნივ. მოამბე, II, 1922—23, გვ. 314, 320—323, а затем в его ქართული დამწერლობათა-მცოდნეობა ანუ პალეოგრაფია, ტფილისი 1926, 1 გვ. 158—161, 178—180 и 200—202.

³ Первый раз отмечено в Указателе Выставки Древне-Грузинской Архитектуры, устроенной Груз. Общ. Истории и Этнографии, Тифлис 1920, с. 17, затем Untersuchungen zur Geschichte der georgischen Baukunst, Band I, Heft 1, Tiflis 1921, S. 24 и неоднократно.

⁴ ივ. ჯავახიშვილი, ქართ. პალეოგრაფია, 1926, გვ. 158—161.

Правда, акад. И. А. Джавахишвили отмечает, что, повидимому, епископ Давид не является строителем храма. Надпись прямо таким его не называет. Но она относится к числу древнейших известных грузинских надписей, в частности Мцхетского Джвари, выделяясь не только по языку, но и по начертанию букв своей древностью¹. Повидимому, такой осторожный подход к тексту надписи вызван у акад. И. А. Джавахишвили наличием в грузинских письменных источниках IX и XI веков упоминаний о построении церкви в Болниси в начале V века разными лицами², которые он приводит, сопровождая краткими замечаниями и оставляя самый вопрос о времени построения стоящего сейчас еще здания открытым³. Поэтому нам надлежит сейчас подробнее остановиться на этом вопросе.

Надпись епископа Давида, как было отмечено уже при описании храма, представляет собой неотъемлемую часть самой постройки Болнисского Сиона, как по материалу, так и по кладке и по обработке камня. Приемы исполнения надписи, вокруг которой оставлена небольшая рамочка, а в центре которой помещен декоративно исполненный медальон с крестом, являются целиком общими остальным декоративно резанным частностям Болнисского Сиона. Как покажет ниже подробное рассмотрение, медальон в центре надписи делает мысль о одновременности постройки храма и создания надписи абсолютно невозможной—они органическое целое. Таким образом, высказанная мимоходом и до ознакомления с памятником на месте осторожная оговорка о том, что Давид епископ не указывается надписью прямо строителем Болнисского Сиона, конечно, правильна; но какое же заключает в себе содержание надпись, как не моление о помиловании, само собой подразумевающееся, строителя храма—Давида епископа с причтом, если в конце надписи он просит о помощи работающим в храме. Строительные надписи грузинских храмов вообще не многоречивы, а древние—в особенности, и тоже не всегда дословно гласят о построении: самый факт моления о помиловании лица определенного социального положения в надписи, композиционно слитой с самой постройкой и занимающей соответственно отмеченное в ней место, является решающим во взаимоотношении лица к храму⁴. То же имеем и в Болнисской надписи епископа Давида. Она занимает самое почетное место—над окном алтаря; композиционно связана с постройкой, а по времени установления в кладке храма, конечно, на много предшествовала окончанию его стройки. Отсюда, зная, что вся сумма художест-

¹ Ц. с., с. 159, 161.

² Об этом см. гл. III, 1.

³ Там же, 159.

⁴ Ср. надписи Мцхетского Джвари, Цроми.

венных устремлений архитектора согласно эпохе сосредоточена на оформлении создаваемого им внутреннего пространства здания и что, действительно, резные украшения имеются только в различных внутренних помещениях Болнисского Сиона и отсутствуют по его фасадам, становится вполне понятным моление Давида о благополучном завершении работ архитектора и его сподручных „в этом храме“.

Далее следует учесть, как будет показано ниже, что ближайшие аналогии и параллели, как к архитектурным чертам Болнисского Сиона, так и к его декору, представляют в других странах памятники V и VI веков, а в развитии грузинской архитектуры Сион занимает переходное место, которое историческими границами имеет с одной стороны эпоху Вахтанга Горгасала, а с другой — установление эрисмтаварской системы государственной жизни. Ввиду этого упоминание епископа Болнисского Давида, одного из участников поместного собора 506 года или непосредственно предшествовавшего времени, естественно признать от данных самой надписи (языковых и палеографических) не только за заказчика ее, но от данных надписи и всего собора за заказчика собора, надпись которого входит частью в его композицию.

2. Надпись над восточным проходом из северной галереи в базилику состояла из четырех строк крупными рельефными буквами, выработанными в общем заглубленном поле по горизонтальной перемычке над входом. Над надписью по центральной линии был высечен крест в круге из треугольничков того же типа, что и на предыдущей надписи (диаметром ок. 21, тгр. 26 см). Длина надписи может быть предположена не менее 2-х метров, т. е. равна ширине дверного проема (1,985), т. к. правый конец ее совпадает с линией проема. Размеры части перемычки, обнаруженной на земле в пролете двери, поперек ее, равны по длине 1,54 м при высоте 45 см, тогда как отсутствующая *in situ* часть перемычки равняется 1,66 (внизу и 1,63 в середине) при высоте в 67 см¹. Таким образом, совершенно погибла часть надписи в 10—12 см длины каждой строки и кроме того стерлась на поверхности еще торчащего *in situ* левого конца перемычки примерно длиной в 15—20 см надписи до полной неузнаваемости хотя бы отдельных букв и, наконец, со слабым различием некоторых на правом оставшемся *in situ* в конце перемычки длиной см 15. Т. е., имея сейчас сплошной блок надписи в 154 см длины, мы можем считать нехватящую часть надписи равной почти одной четверти общей длины надписи. Высота углубленного поля равняется 21 см, а высота букв 4,5 см. На уцелевшем блоке только некоторые буквы откошились совершенно — можно предполагать во время обвала треснувшей перемычки; в осталь-

¹ См. рис. 49 (прорись по фото с восстановлением пунктиром заметных очертаний букв) и воспроизведения по фото у Л. В. Мухелишвили, рис. 10 и 11 на с. 325.

рыва между отдельными словами, т. е. сплошной полосой букв; титло над единственным, сокращенно переданным словом—имеется¹.

Эта надпись впервые сто лет назад опубликована по копии Фр. Дюбуа-де-Монперё академиком Броссе, а затем профессором А. Г. Шанидзе в 1923 г. и Л. В. Мухелишвили в отчете 1938 г.² Она читается так, транскрибируя обычным письмом:

შეწებნითა ქრისტსითა მე ფარნეგ[ან] და აზარუხტ შეხუაბთ ესე კარი სალოცველად სოულთა ჩოვენთათს, ა в переводе:

Вспомоществованием Христа я, Парнев[а]н, и Азарухт связали эту дверь в молении за души наши.

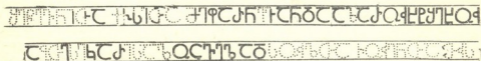

Рис. 50 Прорись надписи Азарухта.

Последний издатель надписи проф. А. Г. Шанидзе воздержался дать какое-либо предложение для второй половины первого имени. Приведенные мною буквы также не претендуют на полную достоверность—слишком мало осталось следов, но м. б. те начертания, которые я усматриваю в этом месте, могут принести пользу при восстановлении древних имен. Л. В. Мухелишвили также дает несколько возможных восстановлений и в числе первых „Парневан“. И на таблице у Дюбуа читается ფარნეგ-ბ.

К тексту этой надписи проф. А. Г. Шанидзе делает следующие пояснения. „Глагольная форма в этой надписи შეხუაბთ [мы навесили] хорошо читается, несмотря на то, что ბ пострадало³. На таблице Дюбуа также читается, да и в тексте (с. 107), где только корректурная ошибка: შუეღატყღ вместо такой формы: შუეღატყღ. Следовательно, прочитано правильно и нет никакого сомнения в том, что форма глагола именно შეხუაბთ. Эта форма в таком предложении, как მე ფარნ [---] და აზარუხტ შეხუაბთ ესე კარი, если ее перевести на современный язык, будет: მე ფარნ [---]მა და აზარუხტმა შევაბით ეს კარი. Глагол с дополнением в дательном падеже (შევაბი მას იგი); ново-грузинский по аналогии развил в нем о, в древне-грузинском же литературном языке это о не нуж-

¹ См. рис. 50 и воспроизведение у Л. Мухелишвили, рис. 13 на стр. 329. См. фото Ермакова № 18152.

² Броссе приложил факсимиле копии Дюбуа на тбл. XI, № 41 (Mémoires, VI-me série, t. IV, p. 421), которое дает отличное чтение, чем предложенное Броссе; характерно, что Дюбуа передал и начертание с закрытыми головками ბ и ჳ.

³ Оно, действительно, пострадало, но читается еще даже на фотографии (напр., Ермакова № 18152). Я дал несколько отличную отметку пострадавшим буквам этой надписи, чем проф. Шанидзе (ტფილ. უნივ. მთაბბე, II, 279—280).

но. Согласно нормам этого древнего литературного языка спряжение глагола შებმა в аористе изъявительного наклонения в третьем объективном лице будет таково: შეება, შეაბ, შეაბა, შეებაბთ, შეაბთ, შეაბეს. В этих формах теоретически всюду объективный префикс третьего лица подразумевается в виде ჰ: *შეჰება, *შეჰაბ, *შეჰაბა, *შეჰებაბთ, *შეჰაბთ, *შეჰაბეს. Перед гласными ჰ, конечно, должно было пропасть согласно общей тенденции грузинского языка и действительно пропало, однако, в каком-то говоре это ჰ превратилось в ბ и потому форма первого лица множественного числа получила такой вид: შეებაბთ.

»ჰ в грузинском очень подвижной звук, который может передвигаться в различных фонетических условиях. Форма შეებაბთ вследствие перестановки ჰ и ბ дало შეებაბთ, где в дальнейшем это ჰ превратилось уже в неслоговое უ: შეუებაბთ. Обращение ჰ в неслоговое უ не удивительно, так как то же явление имеем в глаголе მოვალს—მოვიდა, где для второго лица в древне-грузинском встречаются такие формы: ხუალ (<მოხვალ), მოხუედ (<მოხვედ), მოხუედ (<მოხუიედ<მოხვიედ). Следовательно, в форме შეუებაბთ надписи Болнисского Сиона имеем объективный префикс третьего лица в виде ბ, который вследствие перестановки появился перед субъективным префиксом первого лица¹.

Данная надпись выполнена на основной горизонтальной перемычке над дверным проемом. Никаких следов укрепления дверных створок в каменных обрамлениях проема нет. Следовательно, поскольку имеем основание судить об этих древних входах, и в данной двери (о чем, конечно, независимо от этого говорит и сама форма с открытым большим люнетом над перемычкой) никаких запирающихся дверных створок не было. В таком случае термин შებმა—понимать-ли его в смысле навешивания двери или, может быть, связывания рамы и филенок и т. д.—в Болнисской надписи имеет другой оттенок, если не значение: в ней речь не о плотничной работе, а о работе каменщика или конструктора. Этим, именно, отличается применение этого термина здесь от употребления его в надписи, вырезанной на планке одной из створок деревянной резной двери Мгвимского монастыря².

В палеографическом отношении надпись Азарухта исполнена совершенно так же, как надписи епископа Давида: те же начертания букв, те же в общем размеры и приемы резьбы. Эти надписи резаны, можно сказать, одной рукой. В начертаниях букв ბ и ჯ головки выведены небольшими, хорошо очерченными кружочками. Таким образом, все три данных надписи дают палеографический материал для древнейших

¹ ტფილ. უნივერს. მონამბე, II, გვ. 280—281.

² Привлекая в параллель мгвимскую надпись (там-же, стр. 280 прим.) проф. А. Г. Шанидзе имел в виду навешивание двери. Для болнисской же надписи употребление слова შებმა в таком значении не приемлемо.

установленных начертаний грузинских букв, в частности для δ , γ , ψ и $\bar{\psi}$, где головки даются закрытые¹, а равно ϱ , где верхняя черта очень близка к корпусу². Начертание всех букв точно и равномерно размещено мастером в пределах двух намеченных им линий и за них нигде не выходит³.

Как показывает установленный текст, надпись не содержит в себе упоминания каких либо известных по другим источникам исторических лиц. Конечно, невозможно сомневаться в том, что оба лица—и Парнев[а]н⁴, и Азарухт—были из среды местных феодалов, пришедших на помощь стройке в этом парадном и видном месте ее и потому увековеченных именно тут. Какова была их титулатура, надпись не сообщает; пожалуй, позволительно думать, что ее у них не было. Относительно первого из упомянутых лиц надписи П. И. Ингороква высказывал предположение, что он должен быть сыном иверийского царя Гургена, Перане, упоминаемым византийскими историками в 523 году при высылении Гургена с семьей в Византию. Это предположение вызвано ошибочным чтением имен по фотографии и толкованием их, как $\varrho\gamma\rho\alpha\beta\eta$ ერისთავი და პარავუხტი⁵. В частности, учитывая, что все слова в надписях выписаны полностью, без сокращения, за исключением совершенно ясных имен и слов (Христос, Давид, бог), которые имеют титла, нужно считать, что второе имя следует читать именно Азарухт, а не в полном виде hАзаравухт, как именовался один из персидских полководцев царя Пероза в Грузии, той же именно эпохи⁶.

Таким образом, если эта третья надпись и не содержит в себе никаких данных для уточнения ее датировки, зато она всеми своими чертами совпадает с надписями епископа Давида, т. е. является опять-таки надписью, исполненной одновременно и в связи с самой постройкой Болнисского Сиона.

¹ Характерно для начертания буквы $\bar{\psi}$, что она то дана с закрытой головкой, то не закрыта полностью, а лишь с закруглением внутрь. И это в одной и той же надписи.

² См. И. А. Джавахишвили, Грузинская палеография, Т. 1926 (по-груз.), стр. 161, 179, 200, 201, 202.

³ Тогда как уже в конце VI века это явление частично имеет место, как это установлено акад. И. А. Джавахишвили (там-же стр. 181).

⁴ Остатки предпоследней буквы скорее всего из гласных могут быть дополнены, как α .

⁵ Указанные данные приводит из Протокола заседания Груз. Общ. Ист. и Этн. в январе 1920 г. акад. И. А. Джавахишвили, Грузинская палеография, с. 179, прим.

⁶ Именно Азаравухт—верховный начальник войск Пероза, сасанидского царя, в Грузии во время войны 484 года, как сообщает Лазарь Парбекский (см. $\sigma\zeta$ ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, ტ. I, ტფ. 1928, გვ. 222).

Эти три надписи, относящиеся к периоду построения Болнисского Сиона, выполнены рельефными буквами, так же, как и подпись при изображении одного креста внутри церкви, называющая этот крест крестом В[арда]на Н-п-а и как подписи на фрагментах трех плоских стел с изображениями крестов, извлеченных при ремонтных работах. Надписи, резанные рельефно выступающими, подымающимися над фоном буквами, известны в Грузии только как разрозненные примеры. Характерно, что на Урбнисской базилике, тесно примыкающей к Болнисской и по формам и по времени, надписи этой эпохи—также рельефные¹. Рельефными же буквами исполнена надпись, доставленная из Абастумани и упоминающая мампала Аршушу и относимая издателем к VII веку². Затем рельефная надпись церкви сел. Армази ущелья р. Рехулы (близ Захора) с датой 864 года³.

Какого времени надписи на одной из церквей в Земо Никози⁴, отмечаемые, как рельефные—неизвестно. Надписи строителя в Кумурдо—964 г.⁵, в близ лежащем Пока—XI века, и в Мартвили на пристроенном западном портике 996 года⁶. Что же касается одной надписи Манглисского храма, о которой Броссе писал, что она, повидимому, высечена рельефными буквами⁷, то, как уже отметил Такайшвили, это предположение не отвечает действительности—надпись врезана, как обычно, вглубь камня⁸. Таким образом, сама по себе рельефность надписей, высеченных в камне, не является показателем не только одной какой либо исторической эпохи, но даже принадлежностью одного периода грузинской истории. Напротив того, рельефные надписи высекали в самые различные хронологические эпохи, равно различные по экономическому и политическому состоянию страны⁹.

¹ Тексты их имеются у ვ. თაყაიშვილი, ახელოლოგიური მოგზაურობანი, I, ტფ. 1907, გვ. 43—47. Некоторые фото имеются в колл. Ермакова.

² Е. С. Такайшвили, Археологические экскурсии, разыскания и заметки, II, Тифлис 1905, стр. 63—66 и рис., Н. Я. Марр, Краткая история грузинской церкви (Церковные ведомости 1907 г. № 3), стр. 109; ср. ს. კაკაბაძე, საისტორიო მთაშბე, I, ტფ. 1924, გვ. 104—105.

³ Издание ее у Броссе, Rapports sur un Voyage archéologique, VI, 71—совершенно неудовлетворительно.

⁴ Grosset, Voy. VI, 55—d.

⁵ Grosset, II, 166 sqq.; Такайшвили, МАК, XII, стр. 37—38 и тбл. VIII, 15 (=фото Ермакова № 13628).

⁶ Grosset, Voy. arch., VII, 12—13; VI, 55; Résumé, 16; ср. თაყაიშვილი, აზბ. მოგზ., II, 1914, გვ. 40—41.

⁷ Grosset, Mélanges Asiat., I, p. 254—надпись № 6.

⁸ Такайшвили, Археологич. экскурсии, разыскания и заметки, IV, Тифлис 1913, стр. 132.

⁹ В связи с раскопками Болнисского Сиона и Дманиси, производившиеся А. В. Мухелишвили исторические разведки всего района выявили еще надпись рельефными буквами на постройке древнейшего времени в Укаи-гори и др.

4. Надпись на перемычке входа в храм с юга и принадлежащая к ней приписка на левой притолке двери исполнены уже не одновременно с построением здания, а позже этого в готовом сооружении. Надпись углубленными буквами состоит из 8 строк, неровно вырезанных; буквы то выше, то ниже посажены, они то больше, то меньше по размерам; слова отделены одно от другого, но бывают также разрывы и внутри отдельных слов (а кое-где слитное написание разных); сокращения слов очень сильные и при этом отступающие от обычных норм и установившихся форм сокращения; титла частые, но не исчерпывающие все случаи сокращений. Частично отколот слой камня с надписью в начале первых двух строк, восстанавливаемых без ущерба. Размеры букв колеблются от 3,5 до 4 см высотой. Общие размеры надписи 42/43×106/107 см, а перемычки—63×215 см¹.

47 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100 101 102 103 104 105 106 107 108 109 110 111 112 113 114 115 116 117 118 119 120 121 122 123 124 125 126 127 128 129 130 131 132 133 134 135 136 137 138 139 140 141 142 143 144 145 146 147 148 149 150 151 152 153 154 155 156 157 158 159 160 161 162 163 164 165 166 167 168 169 170 171 172 173 174 175 176 177 178 179 180 181 182 183 184 185 186 187 188 189 190 191 192 193 194 195 196 197 198 199 200 201 202 203 204 205 206 207 208 209 210 211 212 213 214 215 216 217 218 219 220 221 222 223 224 225 226 227 228 229 230 231 232 233 234 235 236 237 238 239 240 241 242 243 244 245 246 247 248 249 250 251 252 253 254 255 256 257 258 259 260 261 262 263 264 265 266 267 268 269 270 271 272 273 274 275 276 277 278 279 280 281 282 283 284 285 286 287 288 289 290 291 292 293 294 295 296 297 298 299 300 301 302 303 304 305 306 307 308 309 310 311 312 313 314 315 316 317 318 319 320 321 322 323 324 325 326 327 328 329 330 331 332 333 334 335 336 337 338 339 340 341 342 343 344 345 346 347 348 349 350 351 352 353 354 355 356 357 358 359 360 361 362 363 364 365 366 367 368 369 370 371 372 373 374 375 376 377 378 379 380 381 382 383 384 385 386 387 388 389 390 391 392 393 394 395 396 397 398 399 400 401 402 403 404 405 406 407 408 409 410 411 412 413 414 415 416 417 418 419 420 421 422 423 424 425 426 427 428 429 430 431 432 433 434 435 436 437 438 439 440 441 442 443 444 445 446 447 448 449 450 451 452 453 454 455 456 457 458 459 460 461 462 463 464 465 466 467 468 469 470 471 472 473 474 475 476 477 478 479 480 481 482 483 484 485 486 487 488 489 490 491 492 493 494 495 496 497 498 499 500 501 502 503 504 505 506 507 508 509 510 511 512 513 514 515 516 517 518 519 520 521 522 523 524 525 526 527 528 529 530 531 532 533 534 535 536 537 538 539 540 541 542 543 544 545 546 547 548 549 550 551 552 553 554 555 556 557 558 559 560 561 562 563 564 565 566 567 568 569 570 571 572 573 574 575 576 577 578 579 580 581 582 583 584 585 586 587 588 589 590 591 592 593 594 595 596 597 598 599 600 601 602 603 604 605 606 607 608 609 610 611 612 613 614 615 616 617 618 619 620 621 622 623 624 625 626 627 628 629 630 631 632 633 634 635 636 637 638 639 640 641 642 643 644 645 646 647 648 649 650 651 652 653 654 655 656 657 658 659 660 661 662 663 664 665 666 667 668 669 670 671 672 673 674 675 676 677 678 679 680 681 682 683 684 685 686 687 688 689 690 691 692 693 694 695 696 697 698 699 700 701 702 703 704 705 706 707 708 709 710 711 712 713 714 715 716 717 718 719 720 721 722 723 724 725 726 727 728 729 730 731 732 733 734 735 736 737 738 739 740 741 742 743 744 745 746 747 748 749 750 751 752 753 754 755 756 757 758 759 760 761 762 763 764 765 766 767 768 769 770 771 772 773 774 775 776 777 778 779 780 781 782 783 784 785 786 787 788 789 790 791 792 793 794 795 796 797 798 799 800 801 802 803 804 805 806 807 808 809 810 811 812 813 814 815 816 817 818 819 820 821 822 823 824 825 826 827 828 829 830 831 832 833 834 835 836 837 838 839 840 841 842 843 844 845 846 847 848 849 850 851 852 853 854 855 856 857 858 859 860 861 862 863 864 865 866 867 868 869 870 871 872 873 874 875 876 877 878 879 880 881 882 883 884 885 886 887 888 889 890 891 892 893 894 895 896 897 898 899 900 901 902 903 904 905 906 907 908 909 910 911 912 913 914 915 916 917 918 919 920 921 922 923 924 925 926 927 928 929 930 931 932 933 934 935 936 937 938 939 940 941 942 943 944 945 946 947 948 949 950 951 952 953 954 955 956 957 958 959 960 961 962 963 964 965 966 967 968 969 970 971 972 973 974 975 976 977 978 979 980 981 982 983 984 985 986 987 988 989 990 991 992 993 994 995 996 997 998 999 1000

Рис. 51. Прорись надписи над дверью из южного портика.

Надпись эта впервые издана была по копии Дюбуа академиком Броссе, при чем в раскрытии ее особенную помощь оказал последнему царевич Теймураз². Кроме этого, она обсуждалась в докладе проф. Е. Такайшвили о грузинских эпиграфических памятниках района, оставшимся ненапечатанным³. Издана вновь с кратким комментарием Л. Мухелишвили в 1938 году⁴. Я привожу надпись в чтении проф. А. Г. Шанидзе.

¹ См. рис. 51, где дана прорись по фотографии.

² M. Brosset, Explication de diverses inscriptions géorgiennes, arméniennes et grecques (*Mémoires de l'Académie des Sciences*, VI. Série, Sc. pol. etc., t. IV), St. Pétersbourg 1840, p. 420—421 (№ 40) et pl. XI. В бумагах акад. Броссе сохранилась подлинная тетрадь с копиями Дюбуа, в которой имеется также транскрипция их, сделанная Теймуразом (см. *Bibliographie analytique des oeuvres de M. Brosset*, SPbg. 1887, col. 132).

³ Ср. ივ. ჯავახიშვილი, ქართ. პალეოგრაფია, გვ. 179 შენ.

⁴ ლ. მუსხელიშვილი, ბოლნისი, გვ. 339—341 და სურ. 20.

Надпись читается так, в транскрипциим обычным письмом:

ქ. სახელითა ღმრთისაითა, მამისა, ძისა და სულისა წმიდისათა, მეოხებითა წმიდისა ღმრთის მშობელისათა, წმიდისა გრიგოლისათა მე, გლაბაკმან ელია ბნა (ბოლნელა) მღუდელთ მოძღურად ღირს ვიქმენ საყდარსა წმიდისა გრიგოლისასა. და ამას საყდარსა ღამისთევად არა ღბლყ (დებულყო) კვრას ძალთა. მე დაედევ და ზედაშე ღამის მთეველთათვს საგალობელად ღმრთისა. ადიდენ ღმერთმან დავით მამფალი და შვილნი მათნი და აბულ მამფალი. და აწ ვინ შემდგომად ჩემსა ესე ღამისთევად და ზედაშე ამის ეკლესიისაგან და ფიროსანთა შეუცვალოს, შეჩვენებულმცა არს ღმრთისაგან და ამის საყდრისაგან. ვინ ესე ავოცოს კანონსა ქუშუმცა არს.

Перевод надписи:

Х. Во имя бога, отца, сына и святого духа, вспомоществованием пресвятой богородицы, святого Григория, я, убогий Илья Болнисский, удостоился стать протоиереем церкви святого Григория. В этой церкви не было положено всеобщего бдения в воскресные кануны; я установил и церковное вино для участников всеобщего бдения для воспевания бога. Да возвеличит господь мампала Давида и сыновей его и мампала Абула¹. И кто после меня изменит это всеобщее бдение и приношение вина этой церкви и монахам, да будет проклят богом и этой церковью. Кто это сощрет, да подлежит он закону!

Как указано, на левой притолке двери имеется точно таким же письмом исполненная приписка к надписи на перемычке. Она имеет 7 строк и плохо читалась уже сто лет тому назад, а с тех пор состояние ее еще ухудшилось. Размеры всей надписи 35×18 см, расположена на камне размером 64×21,5 см. Вот, что удается различить:

სეზნე ირ ბუა (там же, № 42, р. 421—422, и pl. XI). Однако на таблице чтение сильно отличается от предложенного акад. Броссе и близко к приводимому здесь. Отличия таблицы от нашего текста таковы: начало 3-й строки **Ლ**; конец 4-ой **ᲑᲘ**; 5-я **ᲚᲛᲛᲑᲚ**; и 7-ая **ᲛᲑᲑᲚᲛ**.
Настоящая надпись имеет интересные начертания для некоторых букв, как ბ, თ, გ. Начертание буквы გ с ее как бы самостоятельно начатой ножкой близко к начертанию

¹ Сокращенное **მამუა** предлагал читать как „мампали“ еще в 30-х годах прошлого века царевич Теймураз (сун savant géorgien», как писал акад. Броссе, см. Explication..., р. 421, note 182 и Bibliographie analyt., col. 132).

надписи IX века из Атени, Адиши и пергаментно-папирусной рукописи¹. На синтаксических аномалиях этой надписи останавливал свое внимание уже П. И. Ингорква в 1920 г.²

5. Пятая Болнисская надпись помещена не на здании Сиона, а на башне с колокольной, стоящей западнее его над входом. Сама каменная доска из двух кусков вставлена заглубленно в кладку башни над входным проемом с запада³. Надпись в 7+12 строк типичным для XVII века мхедрули, относительно ровными строками, с ordinарными сокращениями и частыми излишними *o*, с редкими, почти случайными, точками, и несколько неряшливым построением фраз.

Надпись издана была по списку И. Бартоломея академиком Броссе в 1853 году с различными, когда более, а когда менее значительными пропусками или искажениями, о чем он сам говорит⁴. Она читалась в 1920 году так⁵:

ქ. შეწევანით ირთისათა [ჩე]ვენ
მუხრანის ბატონის შეილმნ: ბო[ლ]
ნელ ეფაისკოპზმან ბაგრატის. ძემან
პატრონმა ნიკოლზ მოვედაით ბოლნის
სიონთა ღთის საქის მპყარობელადა ამის
ო პატრონობა ვიგულეთ დაუხატენეთ შიგნ

¹ См. И. А. Джавахишвили, Груз. палеогр., таблица I.

² См. протокол заседания Груз. Общ. Ист. и Этнографии (№ 145, января 20-го 1920 г.).

По словам Дюбуа большая надпись дала основание заключить „из-за плохой редакции ее, из-за выбора выражений и из-за стиля, в котором она высечена, академику Броссе, что надпись новая и что она, быть может, сделана армянином“ (т. IV, стр. 192). Проф. Шандзе, отмечая неправомерности в языке надписи, никаких показателей для определения национальности писавшего не находит.

³ См. старое фото Ермакова № 18156 и фото 1920 г., сделанные до порчи надписи от выстрелов в цель.

⁴ *Lettres de M. Bartholomaei, relatives aux antiquités géorgiennes; envoi de M. le colonel Khodzko; inscriptions d'Akhal-Kalak par M. Pérévalenko. Mélanges Asiatiques*, II, 1854, p. 321—322 (n° 6) (первоначально отпечатано в *Bulletin hist.-phil.*, t. XI, 1854). Именно о содержании этой надписи было у местных жителей переданное во Введении фантастическое представление. Дюбуа ее заметил, но не успел скопировать (Voyn, IV, 192—193).

⁵ С тех пор она попорчена хулиганами, стрелявшими в нее, как в цель, из ружей или револьверов. Она издана в 1938 году Л. В. Мусхелишвили (ბოლნისი, 33, 349—350 и рис. 22), читавшим ее в таком попорченном уже виде. Он приводит с восставлениями и исправлениями; я привожу надпись по копии 1920 г., когда она еще не была попорчена стрелявшими, в точном воспроизведении написания, выверенную на месте проф. Шандзе. Оговаривать расхождения с изданием Л. Мусхелишвили нет надобности при этих условиях. (Лишние *n* в надписи даны жирным шрифтом).

ით კაკელი საფსალმუნე და სალხინებელ აუმ
 ენთ. ჯვართი და ხატით შევეამკვე¹. და
 შევეწირე ერთი წინ საძლომი ჯვარი,
 ერთი ჯვარი სანთელი², ერთი ყავარ
 ჯენი, ერთი ჯაველი სულ სირმით. ნაკაერ
 ი საეფაისკაოპოზო შესამოსელი, ერთი ჯალი
 სამღდალო შესამოსი, ვრცხლის ბარძიმ
 ფეშხუმი, ნაკაერი პერქლები. ესიბი უკალ
 ბრივ შემეწირაეს. კიდა[ვე] [ე]რთი ჯაველი წიგნ
 ები. მეფაის [გ]იორგის ბძანებით სამრე
 კალო, ქარგსლა დაუქნები აუშენე ჩემთვის
 შესანდობლად მამის ჩემისა და დედაის ჩემისს
 სასულიეროდა შენდობასა იტყოდით. [ამინ].

В переводе:

*Вспомоществованием бога мы, сын Мухран-батони, болнисский епископ, сын Баграта, господин (патрон) Николай, прибыли для управления кормилом Сионской божией [матери] в Болниси. Мы возы-
 мели желание почтить ее. Мы дали распisać внутри, построили ей алтарную преграду, аналой и киворий. Я украсил крестами и иконами и пожертвовал один крест для предводительства (т. е. для ношения по сборам?), один дикирий и трикирий, один посох, один комплект щеликом шитого золотом епископского облачения, один комплект священнического облачения, серебряные потир и дискос, шитые воздухи. Это я полностью пожертвовал. Еще один комплект книг. По повелению царя Георгия построил я для нее колокольню, каравансарай, лавки. В отпущение моих [грехов], прощени-
 я душ отца моего и матери моей молите. Аминь.*

Что касается времени написания этой надписи, то заключенные в ней указания позволяют довольно точную датировку. Как отмечал уже акад. Броссе³, из Мухранских владетелей известны два Баграта, один современник—царя Георгия X (ум. в 1603, гсп. 1605 г.), а второй—царя Георгия XI (1675—1688 и 1691—1695 гг.). У последнего из них, т. е. у Баграта, третьего владетеля Мухрани⁴, среди многочисленных детей имеется Николай, упоминаемый болнисским епископом в грамоте

¹ В тексте единственное число,—очевидно, в собирательном смысле.

² В тексте вместо ერთი ჯვარის სანთელი.

³ Там-же, 322.

⁴ См. т. ქორდანია, ქრონიკები და სხ., II, 1897, გვ. 528.

1683 года, тогда как в 1677 и 1693 гг. сидят другие епископы¹. Так что время нашей надписи устанавливается с достаточной точностью на 80-ые годы XVII века (с 1678 по 1688 гг.)².

Болнисские надписи представляют таким образом важный и очень яркий по содержанию материал, приоткрывающий завесу истории Болнисского Сиона в нескольких особенно ценных поворотных пунктах ее. Мы постараемся в максимальной мере использовать его в дальнейшем.

III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ПАМЯТНИКА

1. Болнисский Сион впервые упоминается в грузинских летописях в начале V века. Согласно сообщения хроника „Обращения Грузии“, составленной в IX веке, „после него (Вараз-Бакура) царствовал Бакур, сын Трдата; а архиепископом был Илия; и он построил церковь в Болниси“³.

Леонтий Мровели, историк XI века, также упоминает построение церкви Болнисской в начале V века, но у него нет в этом месте Бакура, сына Трдата, а имеется Парсман IV, отмеченный сыном Вараз-

¹ Текст грамоты см. ქრონ., II, 497. В 1670 и 1677 г. грамоты называют болнисским епископом Иосифа Ревившвили (საქართველოს სიბეველნი, ტ. I, ტფ. 1899, გვ. 298—299, № 250; ქრონ., II, (486—)487; о грамоте 1677 г. упоминал Д. З. Бакрадзе в одной из своих „Памятных книжек“, на стр. 267, давая выдержки из „Ревистра актам грузинской церкви, данным на различные имения и рассмотренным комиссиею, для разбора их учрежденною в 1852 г.“, о котором см. его же Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре, СПб. 1878, с. XV прим., ср. также Д. Пурцеладзе, Грузинские церковные гуджари (грамоты), Т. 1881, с. 35). В 1693 г. упоминается Иван (საქ. სიბე., I, გვ. 301—302, № 253).

² Ср. также დ. მუსხელიშვილი, ბოლნისი, გვ. 350—351 и 344.

³ По Шатбердскому и Челишскому спискам текст напечатан Е. Такайшвили, Описание рукописей Общества распространения грамотности среди грузинского населения, т. II, Тифлис 1906—1912, с. 720—721 (оттиск из СМОК, вып. XXI, с. 60—61). Первоначальные издания по Шатбердскому списку: სამი ისტორიული ხრონიკა, გამოცემული ექ. თაყაიშვილის მიერ, ტფ. 1890, გვ. 25—26; თ. ჭორდანიას, ქრონიკები და სხ., ტ. I, ტფ. 1893, გვ. 43; русский перевод Е. Такайшвили, Источники грузинских летописей. Три хроники (Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа, вып. XXVIII), Тифлис 1900, с. 32. Вот самый текст: და მისა [ვარაზბაკურისა] შემდგომად მეფობდა ბაკურ, ძმ თრდატისი; და მთავარ-ეპისკოპოსი იყო ილია; და ამან აღაშენა ეკლესია ბოლნის[ისა]. Обычно по данным этого текста построение Болнисской церкви приписывают царю Бакуру (так и Такайшвили в переводе прибавляет слово *царь*), хотя грамматическое построение указывает на архиепископа Илию, но за то содержание дальнейшего текста—укрепление Армази против персов—оправдывает толкование на царя. Только акад. И. А. Джавахишвили (ქართული პალეოგრაფია, ტფ. 1926, გვ. 159) следует и в определении архиепископа Ильи, как строителя, указаниям грамматического согласования.

Бакара, каковому Парсману он и приписывает построение „Болнисской церкви“¹. По хронике „Обращения Грузии“ этот Парсман указан племянником Трдата и царем после Бакура.

Попытки установить хронологию царствования Бакура, гсп. Парсмана, определенную царевичем Вахуштием на 405—408 гг., сводятся к тому, что оно, действительно, падает на начало первой четверти V века². Само сообщение однако же я не считаю возможным отнести к стоящему сейчас зданию. Развитие грузинской архитектуры обладает органичностью, а потому, естественно, прежде чем дойти до зданий таких размеров, такой внушительности, как Болнисский Сион, нужно было пройти ряд подготовительных ступеней, которые бы сделали нужным переход к таким объемам зданий.

Вторая половина V века является в этом отношении как раз той эпохой, когда политически и культурно, как это ясно из письменных

¹ ქართლის-ცხოვრება, მარიამ დედოფლისეული ვარიანტი, გამ. ექ. თაყაიშვილის მიერ, ტფ. 1906, * 292, გვ. 115—116; ქართლის-ცხოვრება, издание Броссе, СПб. 1849, т. I, с. 107 (франц. перевод, I, 143). Вот самый текст: და დაჯდა მეფედ ქე ვარაზბაქარისა... ფარსმან, რამეთუ იგი უზუტესი იყო ძმათა. და მოკლდა ელია ებისკოპოზი, და დასუეს სუიმონ. ესე ფარსმან ...განაბლნა ეკლესიანი ყოველსა ქართლსა შინა. აღაშენა ეკლესია ბოლნისისა. და მცირედ-ჟამ მეფობდა, და მოკლდა. Wakhoucht, Description géographique de la Géorgie, SPbg. 1842, p. 144—146; рус. пер. М. Г. Джанашивили (ЗКО ИРГО т. XXIV, вып. V), Тифлис 1904, с. 36; в своей Истории Вахуштий этого факта не упоминает. Акад. Н. Я. Марр, приводя только это сведение из географии Вахуштия, прибавляет: „Парсманов шесть, при шестом из них в Грузию прибывают, по преданию, сирийские отцы“ (Отчет Анииского Музея Древностей за 1915 год, Анииские Древности, II, Петроград 1917).

² ივ. ჯავახიშვილი, ქართული ჰაღვთობა, გვ. 159; ქართველი ერის ისტორია, I², ტფ. 1928, გვ. 217 (= I², გვ. 184); ქართული სამართლის ისტორია, ტ. I, ტფ. 1928, გვ. 177—178, 178—179, ср. таблицу на с. 181. Все указанные цитаты касаются Парсмана; относительно Бакура упоминание в этом, примерно, месте имеется (помимо Шатбердекого списка хроники „Обращения Грузии“) еще в соответственной вставке в тексте армянского историка Корюна об изобретении грузинского алфавита и затем у Моисея Хоренского (кн. III, гл. 54, рус. пер. Н. Эмина, Москва 1858, с. 210—211, франц. перевод V. Langlois, Collections des historiens anciens et modernes de l'Arménie, II, Paris 1869, p. 162). Вставка эта датируется акад. И. А. Джавахишвили концом VI века, при чем он отмечает, что этим объясняется отсутствие во вставке сравнительно больших ошибок и наличие кое-где именно современных описываемым событиям лиц. (ივ. ჯავახიშვილი, ძველი სომხური საისტორიო მწერლობა, წიგნი I, ტფ. 1935, გვ. 172, 160, 181—182). Однако, относительно упоминаемого здесь царя Бакура он отмечает, в частности, что царь Бакур в это время неизвестен (там-же, с. 172).

С другой стороны и данные жития Петра Иверя, на основании которых устанавливается деятельность Парсмана, подвергнуты критике и отклонены в отношении Парсмана, как недостаточно верные, в работе P. Peeters, Les débuts du christianisme en Géorgie d'après les sources hagiographiques (Analecta Bollandiana, t. I, Bruxelles 1932, p. 56).

источников, страна настолько окрепла и выросла, что вступает в борьбу с Персией, а до этого, между 472 и 484 годами, грузинская церковь добилась благодаря Вахтангу Горгасалу самостоятельности и независимости от какого либо из вселенских патриархов¹. Знаменательно, что историк Вахтанга Горгасала Джуаншер отмечает ряд епископий, основанных Вахтангом в развитие церковно-административной сети страны, т. е., конечно, уже после утверждения автокефалии. В этом перечне на пятом месте названа Болнисская кафедра².

Создание в последней трети, или скорее четверти V века новой епархии страны в Болниси, можно сказать в пограничном с Арменией районе, конечно, отмечает политический рост страны вообще и в частности, сознательность и дальновидность политических и культурных

¹ ივ. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, ტ. I, 221—222, 319—320. Рамки датировки учреждения католикосата в Грузии постепенно уточнились: во 2-ом издании „Истории“ указаны года 460 по 484 (I, 1913, стр. 244), также „История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века“ (*Известия Акад. Наук*, СПб. 1908, № 6, стр. 512) и Н. Я. Марр, Краткая история грузинской церкви (*Церковные ведомости*, 1907, № 3), стр. 116.

² მარიამ დედ. ქ.-ცხ., * 391, გვ. 179; ქ.-ცხ., изд. Брюссе, I, 146 (франц. пер., I, 195); „Chronique arménienne“ (Additions et Eclaircissement à l'Histoire de la Georgie, p. 44; ვახუშტი, საქართველოს ისტორია (изд. Д. З. Бакрадзе), Тифлис 1885, стр. 100.

Перечень епископий неодинаков в дошедших списках и превышает указываемое число 12. Он не является однородным по построению, не говоря уже о том, что некоторые пункты остаются неизвестными. Акад. И. А. Джавахишвили (*ქართველი ერის ისტორია*, I, გვ. 305-320, სრ. 277-8) в последнем издании своей Истории, подробно останавливаясь на вопросе основания католикосата Вахтангом Горгасалом, считает это результатом церковной политики, именно, борьбы монофизитства с халкедонитством. Он предлагает понимать перечень посвященных епископов, как рукоположение монофизитских епископов на место халкедонитских, а не как перечень вновь основанных при Вахтанге епископий. Создание независимой, самостоятельной грузинской церкви, т. е. послушной царской воле, получает нужное содержание от установления мотивов борьбы монофизитских симпатий Вахтанга с халкедонитскими главы епископов Миханла. Однако, из самого текста не явствует необходимости считать не только посланных к патриарху для рукоположения Петра в католикосы Грузии и Самуэля во мцхетские епископы, но также всех других двенадцати (действительно, двенадцати) епископов заместителями существовавших и раньше епископских кафедр. Напротив того, отметка о постройке именно Горгасалом церковей—придворной в Уджарме, далее в Череме, в Чельте, в Никози—говорит, мне кажется, все-таки за то, что это есть сообщение сведений об естественном расширении и усложнении организации церкви, и, может быть, даже не за единовременное. Проф. К. С. Кекелидзе, напротив, отрицает создание самостоятельной церкви Вахтангом так же, как членение ее на епархии до него; а высказывает соображения о том, что Вахтанг впервые проводит деление на епископии, числом 13, при главе епископов, носящем административный титул католикоса, при чем указывает годом этой реформы 467-ой (К. Кекелидзе, Канонический строй в древней Грузии, по-груз., *Известия Тифлисского Университета*, т. X, Т. 1930, стр. 317, 319, 322, 326—327).

целей и устремлений в эту эпоху, отмеченную религиозными волнениями и исканиями. Вместе с этим, как теперь выяснено благодаря вновь найденной надписи над первой северной дверью в базилику¹, приступлено к постройке кафедральной церкви епископом Давидом в двадцатый год царствования Пероза, персидского царя, т. е. в 478—479 году. Постройка длилась пятнадцать лет, как это вполне может быть принято по аналогии длительности работ в тех случаях, где она точно указана, т. е. окончен Болнисский Сион в 493—494 году. Надпись называет только персидского царя Пероза, не упоминая грузинского царя Вахтанга Горгасала, выделившего Болнисскую епископскую кафедру. Такое умолчание не может быть, конечно, случайным. Обращает на себя в связи с ним внимание и то, что ни названные в другой надписи северной стороны лица никак не охарактеризованы в своем политическом положении, ни в абсидной надписи епископа Давида он не указан дословно строителем церкви. Казавшаяся раньше нарочитая „скромность“ представляется в свете новой надписи скорее актом политически вынужденного умолчания или боязни. Едва ли отсутствие упоминания грузинского царя Вахтанга Горгасала в основанной им новой епархии и после установления им же самостоятельности грузинской церкви в целом можно объяснить только тем, что Болниси было расположено в пределах юрисдикции питиахша, чувствовавшего себя независимым от грузинского царя². Вероятно, давление со стороны Ирана было все таки столь сильным даже после восстания 484 года и войны Вахтанга с Ираном, что через 10 лет после этого при окончании постройки Болнисского Сиона епископ Давид не упоминает ни одного царя ни Ирана, ни Грузии, (ни питиахша), а только уже умершего Пероза, при котором постройка была начата.

В 506 году созывается при католикосе Армении Бабгене (предположительно с 503—510 гг.) и католикосе Грузии Григории в г. Двине поместный собор албанской, армянской и грузинской церквей, направленный исключительно против несториан, в котором от Грузии приняли участие 23 епископа, кроме католикоса, и в том числе епископ Болнисский Давид, который и подписал постановления собора на 5 месте в ряду грузинских епископов³. Последовательность подписей ско-

¹ См. выше, стр. 68—69.

² На что указал проф. С. Н. Джавашиа во время отчетного доклада Л. В. Мухелишвили о работах в Болниси на заседании 19.X.1937 ИЯИМК-а Груз. Филиала АН СССР.

³ Временем созыва этого, так называемого первого двинского, собора первоначально считали 491 год (так Броссе в переводе историка Ухтанеса, СПб. 1871, с. 327; так же, еще считая дату приблизительной, акад. Н. Я. Марр, Краткая история грузинской церкви, *Церк. Вед.*, 1907, № 3, стр. 116). И. А. Джавахишвили, 6. Известия ИЯИМК, т. IX.

рее всего подчинялась иерархическому соподчинению епископов; болнисский был из первых¹. Из участия Болнисского епископа Давида в этом поместном соборе трех церквей—албанской, армянской и грузинской, созванном, повидимому, по инициативе армянского католика в его резиденции в г. Двине, явствует значительность епархии и ее епископа Давида. И потому вполне естественным представлялось отождествление этого епископа болнисского Давида, участника собора 506 года, с епископом Давидом надписи на восточном фасаде Болнисского Сиона, когда все архитектурно-художественные показатели приводят к периоду конца V и начала VI веков. Сейчас с открытием новой надписи факт этот не нуждается более в подтверждении. А сама дата несколько передвинулась, подтвердив целиком и полностью правильность определения эпохи построения храма на период после усиления Грузии Вахтагом.

Постройка собора епископом в такую эпоху активной пропаганды христианства и на таком месте столкновения разных его толков ясны нам создание замкнутого двуабсидного помещения в общем организме здания, в качестве баптистерия под непосредственным наблюдением и учетом со стороны епископа.

Надпись восточного фасада учит нас, что епископ Давид не был в состоянии вынести один на своих плечах тяжесть расходов по возведению собора. Он привлек к этому причт, который принял, очевидно, достаточно активное участие, что удостоился упоминания в абсидальной надписи храма²; кое-кто, несомненно особо видные

История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века (*Известия АН*, 1908, № 6, с. 514), указывал, сообразно сообщению переписки о том, что собор состоялся „в годы царя царей Кавада“, границы времени его на года между 488 и 531. Сейчас принят именно 506 г., как дата (или непосредственно до него): см. И. А. Джавахишвили, *Грузинская палеография* (по груз.), Т. 1926, стр. 160 с привлечением работы Ерв. Тер-Минасянца по Истории армянской церкви и ее отношении к сирийским церквям (по арм. 1908 г., а по-немецки 1904 г. изд.), а также История грузинского народа, I³, Т. 1928, с. 278—279.

Цель созыва собора, как борьба против несторианства, и последующее затухание ее, оттенены в ст. Н. Адонца, Ампелий, епископ Херсонский. К критике армянской книги посланий (*Христ. Восток*, т. II, 1913, стр. 176 и 185).

¹ В известном, очень много раз издававшемся перечне грузинских епископов, составленном будто бы при царе Арчиле католикосом Михаилом (წესი და განგება დაბაზმობის), который определен акад. И. А. Джавахишвили (*ქართ. სამართლის სტ.* I, 1928, № 71-73), как подложный документ, составленный не ранее XV века, но когда именно, еще не установлено,—болнисский епископ занимает в общем числе от 35 до 37 епископов от 24 до 28 места (по разным спискам).

² Отчасти в том же направлении, пожалуй, идет упоминание молящихся и в новой надписи.

участники из прихожан, обозначили свое участие особо как Парнев[а]н и Азарухт над второй северной дверью. Также и надпись на среднем столбе северного ряда над крестиком в растительном обрамлении с именем В[ардан]а Н-п-а (Набапета?), очевидно, указывает на еще одного вкладчика при постройке собора. А отсюда представляется естественным дальнейшее заключение о том, что и другие кресты на столбах и стенах внутри храма указывают каждый на отдельного вкладчика, который, пожалуй, и стоял перед своим крестом во время службы.

2. Болнисский Сион назван в надписи епископа Давида, впрочем и в вышеприведенных упоминаниях историков также просто храмом (ეკლესია). Когда входит в обиход удержавшееся и в теперешнем изустном предании наименование его „Сионом“, неизвестно. В грамотах он постоянно так именуется, но они дальше XVII века и лишь одна середины XV, не восходят. Какое содержание нужно вкладывать в это наименование „Сион“? Акад. И. А. Джавахишвили привел красноречивые соответствия греческому подлиннику из грузинского перевода „Сказания о построении Айя Софии в Константинополе“, сохранившегося в рукописи не позднее XV века, из которых вытекает, что это был в древне-грузинской литературе просто *terminus technicus* для обозначения термина *βρομική* или *basilica*. И это толкование поддерживается цитатой из грузинского историка XI века Джуаншера¹. Однако, ряд других обстоятельств и рассмотрение многих примеров применения данного наименования заставляет прибавить к указанному толкованию еще некоторые элементы, т.е. вводить оговорки.

Само слово „Сиони“, как понятно, связано с названием Сиона Иерусалимского—храма в память успения богородицы, на что указывал еще Пл. Иосселиани и А. Н. Муравьев². Пл. Иосселиани кроме того подчеркивал еще символическое значение этого названия, его употребление в псалмах, у пророков Исаии и Иеремии, как пророчества о божией матери³.

¹ Термины искусств и т. д., *Христ. Восток*, т. III, 1914, стр. 22—23.

² Иосселиани, *Краткая история грузинской церкви*, 2-ое изд., СПб. 1843, стр. 28, прим. 32. А. Н. Муравьев, *Грузия и Армения*, СПб. 1848, т. I, с. 50 и т. III, с. 105.

³ Пл. Иосселиани, *Описание древностей города Тифлиса*, Тифлис 1866, стр. 95—96 и *Краткая история груз. церкви*, ц. м.—Как оттеняет Леклерк, возведение в IV веке большой базилики успения на Сионе „символизировало экспансию до тех пор гонимой и находившейся в тени церкви“, она стала Новым Сионом, противоположным старому, о котором Исаия сказал: *ex Sion exhibit lex*, и „в качестве откровенного пункта проповеди евангельского закона по всему миру она заслужила наименование *mater omnium ecclesiarum*, которое ей охотно дают“ (*Leclercq, Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, par Cabrol, s. v. Cénacle et Jérusalem: t. II, col. 3032 слл. и VII, col. 2320—2324, fig. 6185*). Ср. выражение წმ. სიონის, დედის ეკლესიასა в житии Константина-Каха и Тимофея Антиохийского (საქ. სამართბე, 365, и ებნმკო-ს მთაბბე, VII, 548).

Поскольку удается достоверно устанавливать, в честь какого праздника в древности была освящена та или иная, именуемая Сионом церковь Грузии, постольку результат один и тот же—это всегда церкви божией матери. При этом по архитектурным формам они базиличного типа или, вернее и точнее сказать, некупольные церкви—по преимуществу; но все таки есть разительные исключения, как то Тбилисский Сионский собор и Атенский Сион, которые являются типичными представителями двух совершенно различных купольных композиций, являясь обе церквями усения божией матери. Поэтому брошенное в глаза уже первым исследователям грузинской старины, как П. Иосселиани и акад. Броссе, явление, что храмы без купола именовались Сионами, одним этим обстоятельством объяснены быть не могут, т. к. с одной стороны есть и купольные храмы (и при том такой древности, как начало VII века в Аteni), именуемые Сионами, а с другой—далеко не всем некупольным храмам усвоено название „Сиони“ и, в третьих—этим именем называют некупольные храмы трех различных типов¹. В самом употреблении этого названия нередко проявляется указанное соотношение к божией матери и ее связи с Сионом Иерусалимским. Так, напр., в надписи Баграта IV стоит: შვეწირე წმიდას სიონსა ატენისასა, საყოფელსა წმიდისა ღმრთის შშობლისასა, т. е. *пожертвовал святому Сиону Атенскому, обители святой богородицы*², или чаще и привычнее в более поздних текстах, во множественном числе, как, напр., в сигеллионе XVII века Итрийской базилики под Сурамом: მოგახსენეთ შენ, იტრიას სიონთა ღმრთის შშობელსა და მას შინა დამყარებულსა ხატსა მიძინებისასა, т. е. *принесли в дар тебе, Сионской богоматери в Итрия и утвержденной в ней иконе усения*³. Это употребление слова Сион в качестве собственного имени еще более отчетливо видно, напр., в таком обороте другого Итрийского сигеллиона XVI века: აღვაშენე მონასტერი ესე კარგი, სახელსა ზედა სიონისასა, т. е. *построил монастырь этот прекрасный во имя Сиона*⁴.

¹ Действительные трехнефные базилики, как Болнисский и Кавказский Сион, или так наз. трехцерковные базилики, как Дманисский Сион и Шильда; или, наконец, одионефные, зальные церкви, как Чхиквский Сион, Эрцойский близь Надокры (МАК, X, 7), Сион близь сел. Орхеви и Бочорма (МАК, X, 5), Сион в Цинарехи (ტფ. უნივ. მოამბე, V, 130—132), а также повидимому в Уцера, Кобулети, Заватала.

² И. А. Джавахишвили, К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене по вновь обследованным эпиграфическим памятникам (Христ. Восток, т. I. СПб. 1912, с. 290).

³ საქართველოს სიძველენი, ტ. III, ტფ. 1910, გვ. 129—130 (№ 156 от 1645 года). То же в надписи Елисея Сагинашвили на приделе Тбилисского Сионского собора (см. П. Иосселиани, Описание древностей Тифлиса, с. 99), в надписи колокольни Болнисского Сиона (см. выше, с. 76—77); или в болнисских грамотах 1611, 1692, 1749 гг. (ს. კაკაბაძე, ისტ. საბჭოები, IV, გვ. 7; საქ. სიძვ., II, გვ. 252; I, გვ. 307).

⁴ საქ. სიძველენი, III, გვ. 126 (№ 155 около 1600 г.).

Тоже употребление имени Сион в качестве собственного встречается и вне Грузии. Так знаменитая обитель под Мирами в Ликии, где подвизался настоятель Николай, прозванный чудотворцем, называлась „Сионом“¹.

Не лишне, пожалуй, отметить, что некоторые церкви в изустном предании населения именуемые Сионами, в надписях просто называются церквами, как напр., Чхиквтский „Сион“, построенный в 1679 году².

Таким образом, повидимому, наличный материал заставляет делать следующие заключения. 1. „Сиони“ в качестве технического термина для обозначения архитектурной формы базилики встречается несколько раз, а именно, в переводе „Сказания о построении Аия Софии в Константинополе“, затем в сообщении Джуаншера о постройке V века во Мцхете и, пожалуй, в сообщении того же Джуаншера о постройке V века в Самшвилде³ и надписей VI века поновителя Урбнисской базилики⁴.—2. Наравне с этим, в древнее же время, как вполне несомненно по принадлежности имени „Сион“ Атенской купольной церкви Джварского типа, построенной в начале VII века, или купольному собору VIII—IX века Самшвилде⁵, слово это употребляется, как имя собственное, а не как *terminus technicus* архитектуры.—3. Наконец, все поздние свидетельства надписей и сигеллионов говорят уже исключительно о применении этого слова в смысле собственного имени, каким оно является и по своему происхождению из христианской практики и символики, связывающейся еще с образами в библейских текстах пророков.

Таким образом, мне кажется, позволительно полагать, что применение слова Сион, как архитектурного термина, не есть главное, оно скорее случайное, вызванное или подсказанное базиличными формами

¹ O. Wulff, Die Koimesiskirche von Nicäa, Strassburg 1903 (Zur Kunst des Auslandes, Heft XIII), S. 81, Note 2 и 3 (τῆς ἁγίας Σιών), S. 82; его же статья в *Виз. Врем.*, VII, 1900, с. 344 прим.; H. Rott, Kleinasiatische Denkmäler, Leipzig 1908 (Studien über christliche Denkmäler, hrsg. v. Ficker, Heft 5 и 6), S. 327. Интересно отметить, что и в записи армянского евангелия XV века, которое акад. Н. Я. Марр видел в Сатлабрате, стоит: „переписана в ущелье Ашота в монастыре Ианкунике под сенью св. Просветителя, могилы св. Вардигеры, св. Сиона, св. Петра...“ см. Георгий Мерчул, *Житие Григория Хандзтскийского (Тексты и рассказы по армяно-грузинской филологии, Книга VII)*, СПб. 1911: Дневник поездки в Шавшетию и Кларджетию, стр. 27.

² Е. Такайшвили, *Археологические экскурсии, разыскания и заметки*, вып. II, Тифлис 1905, с. 10—12: вторая датированная надпись епископа руставского Христофора Сагинашвили на с. 11 внизу.

³ მარ. დღვ. ქ-ცხ., *391, გვ. 179 (Мцхета) и *299, გვ. 120 (Самшвилდე).

⁴ ე. თაყაიშვილი, *არხეოლოგიური მოგზაურობანი და შენიშვნანი*, წიგნი I, ტფ. 1907, გვ. 43 (и ср. другие две, стр. 46, 44): к сожалению только в поздних надписях (XVII и XVIII вв.) определено указывается, что церковь построена в честь св. Стефана. Было ли так с начала?

⁵ См. упоминание в ქართ. ცხ., II, გვ. 29.

церкви этого наименования в Иерусалиме, и всегда применяемое к постройкам в честь богородицы (и даже уснопления ее)¹.

3. К древнейшей эпохе, т. е. ко времени от основания Болнисского Сиона и до VII—IX веков относятся фрагменты поминальных каменных стел, которые обнаружены в разных местах поздней кладки эпохи реставрации (см. выше с. 60—62). Они давно уже были, вероятно, непонятными населению по своему назначению, лежали поваленные и поломанные, и потому пошли в работу починки здания². Если специально остановиться здесь на рассмотрении мотивов и характера резьбы этих стел, то мы получим определенно контрастирующую с резьбой самого Сиона картину.

Два фрагмента этих — предположительно — стел украшены мотивом растительного стебля с усиками, виноградной лозой и листьями. Один из фрагментов очень хорошей сохранности; он попал в кладку западного фасада (в плоскости южного портика) при починке. Другой же сохранился очень плохо в кладке восточного фасада (над абсидой севернее окошка)³. Как я отмечаю по поводу того же мотива в исследовании о Мцхетском Джвари, виноградная лоза привлекала к себе внимание исследователей очень односторонне: вместо сравнительного анализа и выяснения эволюции мотива ставился только вопрос о происхождении его. Из сделанного там же сопоставления этого узора в Джвари (585/6—604/5 гг.) с виноградной лозой в резьбе так назыв. кафедры Максимиана в Равенне, с одной стороны, и со столбами из Акре перед св. Марком в Венеции, а также сирийскими и армянскими примерами VI—VII веков с другой выяснился отчетливо стилистический характер различных из них. Оба болнисских

¹ Новейшие разыскания выяснили, что базилика уснопления богородицы на Сионе в Иерусалиме, построенная при патриархе Максиме (331—349 гг.) между 340 и 345 годами на месте, освященном переплетающимися преданиями христианской церкви и имевшем уже около 70 г. небольшую церковь, представляла собой громадную пятинефную базилику с хорами. Длина ее определяется в 60—62 метра при расстановке по 10 колонн, ширина среднего нефа в 12 м, а каждой пары боковых 9,5 м, базилика имела одну выступавшую полукругом абсиду без выделенных пастофорий. При восстановлении в 614 года и в средние века сохранены первоначальные план и распределение. См. Vincent et Abel, Jerusalem, t. II, fasc. III, Paris 1922, p. 436—7, 451—2 и pl. XLIX (реконструкция плана), ср. еще тбл. XLIV—XLVIII и XXX—XXXI, а также сводку из этого исследования, которая дана Леклерком в словаре Cabrol-я, Dict. d'arch., t. VII, col. 2320 sqq. и fig. 6185. (Книгу K. Schmalz, Mater ecclesiarum. Die Grabeskirche in Jerusalem, Strassburg 1918; я знаю только по названию).

² Ср. об этом рода памятниках в моей Истории грузинского искусства, т. I, Т. 1936, с. 212 и слл. (по-груз.).

³ См. рис. 52 и 53; размеры первого (по эстампажу) 47 длины на 16 см ширины; второго, окаймленного валиками, около 30×18 см; цвет его песочно-зеленоватый. Указан мне арх. Ц. Габашвили.

фрагмента непосредственно примыкают по общей художественной установке к трактовке этого мотива в навершии восточных окон Джвари¹. Попорченный фрагмент на восточном фасаде и по своим стилистическим особенностям сравнительно близок еще к Джварской трактовке, хотя огрубение, несомненно, видно даже при его плохой сохранности. Что же касается второго фрагмента (на западном фасаде), то в стилистической трактовке этого узора место жгивной силы и сочности исполнения, место свободы, легкости и уверенности в трактовке заступила большая точность, размеренность, затем сознатель-

Рис. 52. Фрагмент столбика в кладке западного фасада.

Рис. 53. Фрагмент столбика в кладке стены над абсидой.

ная выравненность в одну плоскость высоты рельефа и проистекающие отсюда сухость в целом. Таким образом, естественнее всего оба эти фрагмента, как бы продолжающие ту линию, которая так блестяще представлена в Джвари, считать двумя последовательными ступенями развития. Чтобы точнее определить время этих двух фрагментов; мне кажется, помимо грузинского материала, позволительно с учетом общих отличий привлечь к сравнению материал армянских памятников. Такого типа узор

¹ Ср. Ист. груз. иск., т. I, 1936, рис. 76 и 77.

имеется не только в Багаране и Звартноце¹, памятниках VII века, но также в Агараке и Одзуне² и, наконец, в памятниках IX и X века, как Мастара и большая церковь в Талине³. Кроме того, тот же мотив встречается именно на столбах этого типа—на доставленном из Агарака в Анийский Музей Древностей (по обозначениям Я. И. Смирнова столб № 2), на столбе в сел. Ардви (недалеко от Узунлара) и на одном столбе так назыв. памятника Смбата в Узунларе. Если к первому

Рис. 54. Три орнаментированные грани фрагмента одного столбика.

болнисскому фрагменту есть несколько близких параллелей, то ко второму, пожалуй, ближе других именно Узунларский столб. В связи с этим оба болнисских фрагмента позволительно датировать VII—VIII и VIII—IX-ым веками.

¹ См. *Известия Археол. Комиссии*, вып. 7-ой, СПб. 1903, тбл. XV и III; Strzygowski, *Die Baukunst der Armenier*, 1918, Abb. 115, S. 115.

² Агарак—на восточном фасаде, Одзун (Узунлар)—западная дверь (ср. Strzygowski, Abb. 370, S. 325).

³ Strzygowski, Abb. 39 (S. 45)—Mastara; Abb. 202 (S. 173)—Thalin. Талин—еще Линч, *Армения*, I, 1910, рис. 62 на табл. к с. 417; и Tschubinaschwili, in: *Byz. Zt.*, Bd. 29, 1930, Taf. III и S. 260 ff., где дается обоснование указанной в тексте датировке.

Подтверждение данному определению этих орнаментированных камней, как фрагментов мемориальных стел, составляет фрагмент, обнаруженный при расчистке земли вокруг Сиона, произведенной во второй половине сентября 1937 года в связи с работами Отдела по охране памятников культуры при Управлении по Делах Искусств ГССР.

Рис. 55. Фрагмент столбика и резного куба в западке проема северной галлерей.

Рис. 56. Каменная орнаментированная бабка.

Найденный фрагмент столбика в сечении всего 14×14 см, а по высоте сохранившегося куска 32 см. Он песочного цвета и имеет резьбу по трем сторонам, четвертая же гладко обработана. На средней стороне сохранился полностью крестик в ровном круге, как бы на длинном шесте, и с листьями в нижней его части, на других же двух сторонах растительные мотивы—на одной тот же мотив и узор во всем построении и частностях, как только что рассмотренный второй фрагмент (на западном фасаде), а на другой иной, искусственно скомпонованный из листьев, как бы в овальных обрамлениях и с заполнением отрезков между ними¹.

¹ Рис. 54. Фрагмент взят в Музей Метехи 18.X.1937 г.

Четвертый фрагмент находился в позднейшей закладке проема северной галлерей. Видная сторона его имеет узор, который без наличия полной параллели в одном из столбов названного памятника Смба-та в Одзуне (Узунларе)—именно боковой стороны столба в пролете без колоколов, нельзя было бы читать вертикально¹. Так же как второй и третий фрагменты, ближайше сопоставляемые с названными памятниками, этот четвертый фрагмент стилистически невольно приходится сопоставлять и с двумя названными болнисскими фрагментами. Обработка краев его валиком имеет аналогию в столбе Усанетском из окрестностей с. Меджёрисхеви—они отделены двойной рамочкой. Осенью 1939 г., фрагмент этот был вынут из закладки проема, причем обнаружилось, что и по другой (левой) грани его сохранилось изображение двух штандартов с крестиками в кружках на них, стоящих на постаментах и еще часть постамента от третьего такого штандарта (шестой фрагмент и фрагмент из Болнис-Капанакчи, рис. 58). Из двух остальных гладких, без резьбы граней—одна имеет обработанное обрамление, другая же грубо стесана.

Пятый фрагмент, попавший также в закладку северного пролета внутри, имеет по главной, видимой и раньше поверхности изображение одного над другим двух крестов, стоящих на постаментах и над ними еще постамент третьего². Эти кресты трактованы самостоятельно стоящими, не как штандарты. Внизу фрагмента имеется небольшая гладкая часть, вставлявшаяся в базу. Остальные три грани—без узоров, на них только прочерчены рамочки. А переходы к соседним граням скошены под 45° и все четыре покрыты узором, известным как на аналогичных мемориальных памятниках (столб Григория Ипатия из Катаулы, фрагмент в мон. Гареджийском Натлис-Мцемели, а также на самом верху одного из столбов так называемого памятника Смба-та в Одзуне), так и из применения в качестве архитектурного орнамента (Атенский Сион, дверь Текорского храма в Армении³, бордюр в ранне-исламском дворце Каср Амман в Сирии⁴). Изображение крестов, одного над другим, на одной из граней таких столбов встречается

¹ См. рис. 55. Камень зеленовато-голубого цвета; высота фрагмента 103, а ширина 19,5 см; лежал в кладке горизонтально; полоса орнамента окаймлена здесь валиком. Из раскопок 1936 г. в Музей Рустанели доставлена каменная балка (инв. № 186) размером около 14 см ширины и 60 длины; обработана незаконченной полосой того же орнамента только одна сторона; три другие или гладкие или стесаны. См. рис. 56.

² См. рис. 57. Камень беловато-желтоватый, высота фрагмента до 75, а общая ширина около 21 см, среднего же поля—около 14 см.

³ Н. Я. Марр, *Христ. Восток*, т. III, 1914, тбл. 1, Strzygowski, *Die Baukunst der Armenier*, Abb. 37 (S. 40).

⁴ Кондаков, *Путешествие по Сирии и Палестине*, СПб. 1904, тбл. XXX.

несколько раз. Так на Усанетском столбе, на фрагменте стелы в западной стене внутри трехцерковной базилики Болнис-Капанакчи¹ и, наконец, также на фрагменте стелы в южной стене Мренского собора (Армения), на котором имеется маленький крест, а над ним низ большого креста на постаменте.

Рис. 57. Фрагмент столбика в закладке проема северной галлерей.

И здесь опять непосредственным подтверждением того, что видимая резная сторона попавшего в кладку камня есть показатель фрагментированного мемориального столбика, являясь обнаруженный при расчистке площади Сиона Отделом по охране памятников культуры в сентябре 1937 года фрагмент². Обнаруженный песочного цвета фрагмент столбика имеет 108 см в высоту, а стороны его сечения 20 и 24. При чем украшенная резбой сторона имеет только 20 см ширины и примыкающие грани очень грубо отесаны, так что у меня встал вопрос, не стесаны ли здесь изображения, что, пожалуй, поддерживала

бы и разница в ширине сторон. В резьбе имеем изображения крестов одного над другим: средний крест в круге из треугольников, какие упомяну-

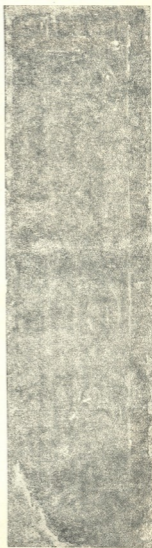

Рис. 58. Фрагмент столбика в кладке западной стены внутри трехцерковной базилики Болнис-Капанакчи.

¹ Рис. 58. Ср. *Христ. Восток*, т. V, Пгг. 1917, с. 219.

² Осмотрен 24.IX.1937 г.

ты в уборе самого Болнисского Сиона, утвержден на длинном узком шесте, стоящем на уступчатом постаменте. Этот постамент также украшен весь треугольничками. Мы получаем аналогию к декоративной разделке этого фрагмента в названных уже пятом фрагменте Болнисского Сиона и во фрагменте церкви Болнис-Капанакчи¹. Только от

Рис. 59 и 60. Две грани фрагмента седьмого столбика.

такой же композиции второго он отличается длинной штангой. Под описанным крестом на постаменте имеется опять медальон из рамы треугольничков и в нем крест, а ниже невысокая гладкая поверхность низа всего столбика, загнанного, очевидно, в постамент. Выше же описанной главной композиции сохранился только второй такой же уступчатый постамент, как в главной.

Седьмой фрагмент стелы обнаружен при расчистке южного фасада над восточной аркой в кладке стены. Этот фрагмент одним кусочком был виден снизу в шве кладки и указан мне арх. Ц. Г а б а ш в и л и. Ремонтируя стену прораб Отдела по охране памятников, которому было специально указано на этот ценный камень, извлек его из стены².

¹ Рис. 57 и 58. Последний воспроизводит снимок 1920 г.; в последние годы этот камень выдолблен кем то в кладке и таким образом погиб.

² Рис. 59 и 60. Осмотрен на месте 22.X.1938 г.

Это оказался фрагмент в 35—40 см высоты при 18 см ширины грани с полукруглыми валиками по углам. Резьбой покрыты только три грани: левая сохранила обрывок постамента креста (?) из треугольничков, как описанные на 5 и 6 фрагментах. А ниже его круг (со стесанным крестом) на штандарте, имеющем два больших, поднимающихся по сторонам его листа (ср. среднюю грань третьего фрагмента, рис. 54). На средней грани виток с лилией, гроздью винограда и усиками спиралью. Правая же сохранила фигуру мужчины (отломана от плеч), затянутую в талию и с расходящимся одеянием по колено, украшенным разделкой, как аналогичные фрагменты около развалины сел. Укан-Гори близ Дманиси и в самом Дманиси.

Рис. 61. Фрагмент столбика.

Рис. 62. Фрагмент в кладке стены над абсидой.

Восьмой фрагмент столбика доставлен из раскопок 1936 г. в Музей Руставели (инв. № 188). Он высотой 58—68 см¹. Сохранилась резьба только на одной грани и то один ее край стесан, как и вся соседняя и третья грани; только четвертая — достаточно гладкая, так что допускает возможность нетронутости. Сбит весь круглый валик угла и частично попорчен убор, сохранившаяся часть которого представляет сверху „болнисский“ крест в круге из треугольничков, на штандарте с уступчатым постаментом в треугольничках резьбы. От рамы креста свисают как-бы кисти вниз по сторонам штандарта. Из постамента его вниз идет растительный виток, в сохранившемся завороте которого виноградная кисть довольно грубая и условная. Т. о. здесь опять встречаем отдельные знакомые нам элементы из убора Болнисских стел.

Девятый фрагмент я полагаю также возможным считать по узору за фрагмент мемориального столба, попавшего в кладку восточного фасада (южнее окна над конхой)². Здесь мы имеем мотив, который и в основной части и в верхней дополнительной полосе встречается на верхних отрезках обоих столбов так назыв. Смбатова памятника в Одзуне³. На нем применен тот же геометрический узор, что на скосе пятого фрагмента.

Десятый фрагмент завершения маленького столбика, сильно обитый (из разобранного свода). Высота от 25 до 35 см, ширина стороны 29 см, а сбитых по 20. На трех гранях сохранился общий орнаментальный мотив (ср. рис. 62): поверху идет карнизик сухариками, а ниже этого сильно углубленные две подковообразные арки на пилястрах, пилястры из двух полуваликков и желобков между ними⁴.

Из закладки северной галереи осенью 1939 г. были извлечены еще несколько фрагментов таких же четырехгранных столбиков. 1. Фрагмент в 59 см длины и 17 см ширины грани; три грани — с узором; на левой — виноградный побег с гроздью и листом, как рис. 52; на средней — кружки с крестиками, отрезки заполнены листьями; на правой — тот же мотив, что и на рис. 56. — 2. Фрагмент около 50 см высоты и 17,5 см ширина грани; резьба переднего поля сбитая, на левой грани — виноградный побег (ср. рис. 52), на правой — миндалевидное обрамление листьев и пр. (ср. рис. 54 справа); задняя грань — гладкая, без резьбы. — 3. Фрагмент около 50 см высоты и 12 см ширина грани; две стороны *vis-à-vis* одна другой — гладкие, без резьбы, а две другие с мотивом виноградного побега на одной и листьев в миндалевидных обрамлениях на другой. — 4. Фрагмент около 44 см высоты и 17 см ширина грани; на одной

¹ См. рис. 61.

² См. рис. 62. Камень песочно-зеленоватого цвета частично потемневший. Размер около 33×20 см. Указан мне Циналой Габашвили.

³ Плохо видно на рис. 666 (с. 697) в книге Стриговского.

⁴ Отмеченный на с. 61—62 фрагмент со срезанными углами был, вероятно, тоже частью завершения столбика.

границы изображены два штандарта, на правой—виноградный побег, а левая производит впечатление стесанной; последняя грань—гладкая, без резьбы.—5. Фрагмент около 52 см длины и в 14 см ширина грани; резьба по двум граням узоров, как на фрагменте рис. 54.—6. Фрагмент столбика с тремя гранями, разработанными как средний полувалик и угловые сильные валики, и лишь на четвертой грани между угловыми валиками выступающая полоса с мотивом виноградного побега. Высота фрагмента 36 см, а ширина грани—18.—7. Изуродованный фрагмент столбика с мотивом восьмилепестковых розеток (ср. ниже на ажурных крестах, рис. 68, 69); углы под скос в 45°, размер фрагмента едва 25×23 см.—8. Сильно изъеденный фрагмент около 50 см высоты и 24 см ширина грани; узор—штандарт.

Как отмечено, больше сказанного нельзя привести к объяснению этих, да и некоторых других рассмотренных фрагментов, которые все, однако, настолько выпадают из характера и архитектурных рамок Болнисского Сиона, что с ним не могут быть связаны. Только благодаря указанному объяснению их назначения и фрагментарности получают они смысл и свое место в истории Болниса.

Разборка встроек северной галереи дала несколько фрагментов также от постаментов для только что описанных квадратных в сечении столбиков. Во-первых, обломок с изображением в круге креста по лицевой стороне. Общая высота постамента была бы примерно 50 см, а ширина стороны внизу 36 см, и по средней линии 42 см (ср. базы находящихся *in situ* перед южным фасадом Кумурдо древних монументов). Во-вторых, небольшой фрагмент с верхней узорной полосой пересекающихся кругов болнисского типа. Размеры около 20×42 см.

Далее совершенно специфическую группу памятников, до сих пор вовсе не отмеченную в нашем древнем искусстве, представляют собой фрагменты украшенных, вырезанных по контуру из камня крестов: они обнаружены были раскопками участка Болнисского Сиона в 1936 г. и во время ремонтно-укрепительных работ 1937 и затем 1939 гг. Это все только фрагменты. По доставленным в Музей фрагментам двенадцати таких крестов привожу воспроизведения, ввиду важности этого материала, падающего на ближайшее к основанию храма, и во всяком случае на древнейшее, время¹. Судя по сохранившимся у пяти примеров нижним тяблам с остатками клиньев, эти кресты были вставлены в какую-то базу, какой-то постамент; но они не могли быть венчани-

¹ Как сказано, еще несколько фрагментов (не менее 9) найдены при ремонте 1937 г. и извлечены из стены в 1939 г. Они дают интересные параллели, а может быть и куски, найденных при раскопках фрагментов. Хранятся в Болнисском Сионе. Один же фрагмент был мною замечен еще в 1916 г. в куче камней и тогда же доставлен в Музей Груз. Общ. Ист. и Этнографии (инв. № 2851); высота его 23 см, а ширина половины конца тябла 10 см. Фотографии с экспонатов Музея Руставели сделаны специально по моей просьбе Музеем (в одном масштабе).

ем вышеописанных мемориальных столбиков, благодаря крупным размерам, т. е. мы имеем в этих крестах, видимо, параллельную к столбикам и стелам форму памятников.

Цвет камня этих фрагментов различный — бледно-зеленый, песочный и винно-красный. Чрезвычайно важно, что при всем разнообразии форм и украшений мы имеем достаточно черт, объединяющих перекрестно все эти примеры между собой, т. е. красноречиво говорящих о хронологически тесно связанной группе, падающей при этом, как сказано, на древнейшую эпоху, которую можно условно обозначить V, VI и VII веками. Для наглядности необходимо подчеркнуть эти объединяющие моменты.

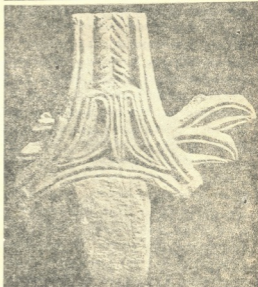
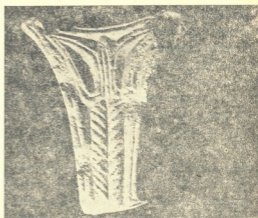
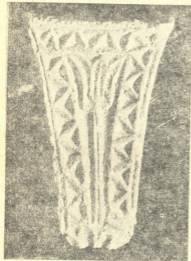

Рис. 63 и 64. Фрагменты ажурных каменных монументов.

Один фрагмент верхнего тябла покрыт по всей поверхности резьбой; основную часть занимает широкая рамочка из типичных в болнисской резьбе треугольничков; она обрамляет соединенные воедино три тонких острых листика („дилиу“) на тонком двойном стебле. Камень бледно-зеленого цвета (рис. 63).

Другой сохранившийся в двух кусках верхнего и нижнего тябла крест (инв. № 199 и 201) украшен по главному полю аналогичным изображением острых, тонких листьев на парном прямом стебле; стебель здесь

витой и, вероятно, поэтому более толстый. Рама только повторяет внешнюю борозду рамы первого фрагмента, а форма креста отходит от массивной первого фрагмента, делая более сильные кривые контуров. Специфической особенностью этого креста являются обломки вырезанных также по контуру из того же общего каменного блока листьев «процветения» внизу креста. На этом экземпляре сохранился гладкий, т. е. скрытый в базе, клин. Цвет камня — песочный (рис. 64).

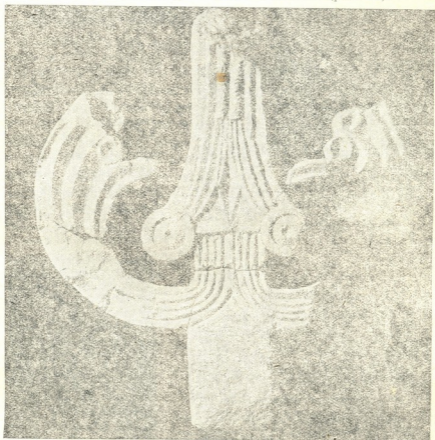

Рис. 65. Фрагмент ажурного каменного монумента.

Третий экземпляр представляет собой наиболее парадный и выдающийся образец, ставящий совершенно в новом свете всю эту группу. Когда пять его кусков (инв. № 202 А, В, С и 205 А, В) я сложил в одну фигуру, тогда значение этих фрагментов, как совершенно новой, еще неизвестной нам формы художественных памятников, стало для меня ясной. Это то заставило меня подобрать весь материал и посвятить ему несколько страниц в работе. Основной мотив

7. Известия ИЯИМК, т. IX.

разделки нижнего тябла тот же, т. е. тройной острый лист, здесь несколько иной формы, на двойном же витом стебле. Форма креста—как у второго фрагмента, но внешние углы тябла украшены круглыми бляшками, т. е. повторяют, пожалуй, обычную форму украшения металлических крестов. Здесь „процветшие“ у креста листья вынужены

Рис. 66. Фрагмент ажурного каменного монумента.

у дополнительного между тяблом и гладким клином звена, сливающегося разделкой бороздами с самими, подымающимися в полукруг сильным загибом, листьями. Листья эти были связаны одним острым углом с нижним тяблом креста, как видно по облому. Но все таки ажурность всего была слишком большая для камня, чтобы он мог долго простоять без изъяна. Цвет камня песочный¹ (рис. 65).

Еще один маленький фрагмент нижнего тябла с тонкими отворотами пророставших по краям листьев, и с обломом нижнего клина при гладкой, только обрамленной двойным валом поверхно-

сти поля найден при раскопках (инв. № 206). Цвет камня—песочный (рис. 66).

Пятый небольшой, бледно-зеленого цвета фрагмент (инв. № 190), покрытый косо сходящимися поверхностями Kerbschnitt-а, как и болнисские треугольнички, подходит ближайше к описанному первому фрагменту. И форма контура, и рамка бороздой, и цвет и размер камня, и характер густого сплошного орнаментального заполнения поля, и самый узор сетью из ромбов Kerbschnitt-ом, т. е. как бы двух соединенных треугольничков—все позволяет сближение их между собой (рис. 67).

Рис. 67. Фрагмент каменного монумента.

Фрагменты от верхнего и нижнего тябла шестого креста с украшением пяти- и шестилестничком в кружке и на длинном стебле слочкой найдены при раскопках в земле. Нижнее тябло с гладким клином было уже опубликовано А. В. Мусхелишвили в связи с сохранившейся на глад-

¹ Отделка тябла креста на фрагменте прямоугольной палиты (рис. 78), о которой ниже в отдельной группе, совпадает с только-что рассмотренными, особенно со вторым.

Рис. 68 и 69. Фрагменты резных каменных монументов.

кой оборотной стороне его древнейшей (VI—VII века) надписью¹. Здесь розетка шестилепестковая, на другом фрагменте—пятилепестковая. Цвет камня—темно-красный. Форма этого креста такая же массивная, как первого и пятого (рис. 68).

Седьмой маленький фрагмент конца тыбла с многолепестковой розеткой на стебле. Все поле и здесь, как на предыдущем кресте обрамлено по краю двойным валом (ср. фрагменты 2 и 5). Цвет камня — бледно-зеленый (рис. 69).

Восьмой крупный фрагмент нижнего тыбла с дополнительным до гладкого клина звеном, от которого также, может быть, подымались пророставшие

Рис. 70. Фрагмент резного каменного монумента.

листья, представляет опять очень массивный, почти прямого контура крест, бледно-зеленого же камня и с густым, сплошным орнаментальным покровом в раме из двойных борозд (инв. № 46). Параллели к орнаментальному мотиву располагаются хронологически до VIII века (рис. 70).

¹ ბოლნისი, с. 332, рис. 16 и 17.

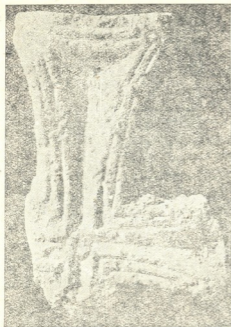

Рис. 71 и 72. Фрагменты резных каменных памятников.

Рис. 73 и 74. Фрагменты резных каменных памятников.

Имеются фрагменты трех простых по отделке крестов; два из них сохранились от перекрестья с частью и других рукавов; разделка состоит из углубленной косыми поверхностями узкой средней части и многобороздчатыми (2, 3, 5) рамами. Форма крестов с малым выгибом контуров, как у большинства других. Цвет камня у первого (инв. № 195) и у второго (инв. № 198)—песочный, а у третьего (инв. № 2851 Музея Ист. и Этн.)—голубовато-зеленый, обычный болнисский (рис. 71, 72 и 73).

Двенадцатый фрагмент (инв. № 110) представляет собой несколько особняком стоящий по отделке крест: единичное плетение с очень свободным, артистическим окончанием его заостренными тонкими концами. Но как по форме, почти без выгиба, так по обрамлению по краям и по круглым бляшкам на углах тябла и этот крест становится свободно в ряд с другими, переключаясь с 1, 5, 6, 7, 8, 10 фрагментами по форме, с 1, 2, 5 и др. по обрамлению и с 3 по бляшкам. Впрочем и артистические концы плетения невольно сопоставляются с тонкими острыми листьями на стержнях, особенно на фрагменте 1. Цвет камня бледно-зеленый (рис. 74).

Но помимо этих групп памятников, условно датируемых V-VII-IX вв., в Болнисском Сионе обнаружены также памятники, несомненно современные основанию храма по резьбе и композиции крестов в кругах с надписями. Это тонкие каменные плиты, обработанные, как стелы, с изображением сверху на одной стороне и с гладким нижним полем. Таков фрагмент с двумя позднейшими надписями—Иоанна Болнели на лицевой стороне и некой Шушаны на спинке¹.—Второй фрагмент открыт в конце 1937 года в земле; круг из треугольничков, в котором находится изображение креста, диам. 14 (19) см. Ширина всей стелы—21,5 см, а высота обломка 33—40 при толщине белой плиты в 10 см. Прямо под крестом рельефная подпись обычного болнисского начертания по вынужтому прямоугольному фону, в 17,5 см длины при 3,5 высоты букв: $\text{I}^{\text{C}}\text{C}\text{B}\text{D}\text{I}$ ².—Третья стела была в застройках северной галереи; высота ее 38,5, а ширина 26 см; толщина же этой белой плиты 6 см. Украшена на одной стороне изображением болнисского креста с ручкой в раме из треугольничков. Под изображением надпись в три строки рельефными буквами в незаглубленном поле:

$\text{I}^{\text{C}}\text{C}\text{B}\text{D}\text{I}$
 $\text{I}^{\text{C}}\text{C}\text{B}\text{D}\text{I}$
 - - - $\text{I}^{\text{C}}\text{C}\text{B}\text{D}\text{I}$

¹ См. л. მუსხელიძის, ბოლნისი, გვ. 337—339 и рис. 18—19.

² Рис. 75. Осмотрена на месте 22.X.1938.

Высота строк разная — первой и второй по 3 см буква, а третьей 2,3 см. Среди букв имеется δ и ζ — обе с закрытыми головками. Снизу ровный срез или скорее это окол плиты при вторичном использовании (рис. 76). — Четвертая оттуда же — с крестом в круглой раме из треугольничков; в каждом тягле креста и между ними по шарикку. Внизу обрывок надписи рельефными заглавными буквами; ясно различается буква γ .

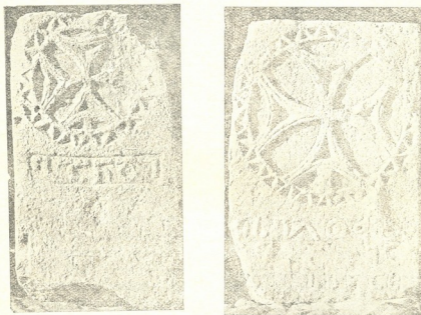

Рис. 75 и 76. Две стелы с изображением „болнисского“ креста и грузинскими подписями.

Ширина стелы 23 см, а высота нижнего зубца 28. — Пятая стела оттуда же — из голубовато-зеленого камня. Низ, видимо, отбит. Ширина 21 см, толщина плиты 10, а высота фрагмента около 22 см. Крест вырезан на этой стеле в гладком круглом ободке. — Шестая стела тоже из застроек северной галлерей; плита не имеет здесь ровных вертикальных боков; ширина ее в центре изображенного в гладком ободке рамы креста около 25 см, а внизу — 22. Нижняя часть под крестом гладкая. Плита толщиной в 10 см. — Кроме того там же в 1939 г. было извлечено еще три маленьких фрагмента с изображением креста в круге, б. м. также таких стел, и фрагмент (20×20×6 см, рис. 77), не обитый только снизу, где есть еще гладкое поле. На нем обрывок двух строк надписи рельефными буквами в 6 см высоты и с закрытой головкой γ :

ღაქღაქე (или ე)

ღა

Здесь же следует привести в качестве промежуточных решений между этой третьей и предыдущей, второй группой мемориальных памятников два найденных обломка, видимо, больших плит с декоративными изображениями крестов. А именно песочного цвета фрагмент, который был найден при раскопках в 1935 г. третьей (?) траншеи (ив. № 26): по верхнему борту идет цепь кругов с розетками в них, а основное поле было занято изображением креста, от которого осталась только часть одного тябла (рис. 78).

Рис. 77. Фрагмент плиты с остатками двух строк древней надписи.

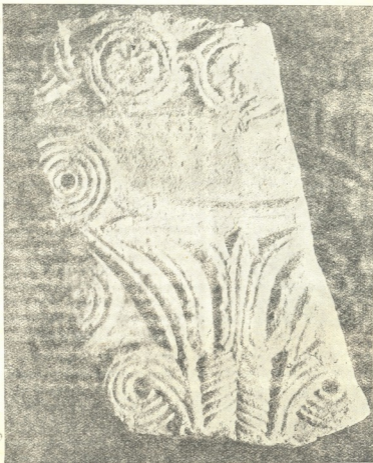

Рис. 78. Фрагмент мемориальной плиты.

Другая большая плита с совершенно такими же деталями мотива и такого же исполнения, как предыдущая, извлечена была при разборке застроенного проема северной галереи в 1939 г. Это—гладкая плита (высота фрагмента 66 см, ширина 60 см) с занимавшим центральное расположение изображением креста (от центра его до края—36 см).

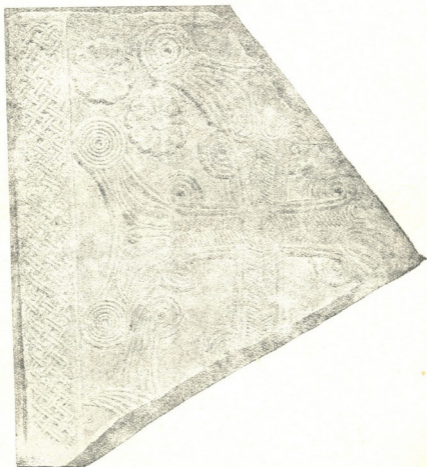

Рис. 79. Фрагмент мемориальной плиты.

Крест оканчивается линиями, а на концах бляшками; в плоскости поля вверху две розетки по сторонам; снизу поднимается лист; в перекрестьи—розетка; т. е. элементы, как на предыдущем фрагменте и как на ажурных крестах (рис. 63, 64 и 68, 69). По левому борту сохранилось обрамление двуленточным плетением в 8 см ширины (рис. 79).

Памятники этих трех групп могут, мне кажется, помочь, при объяснении до сих пор необъясненного перелома, сказавшегося в X-ом веке в Армении в замене мемориальных стел в виде стол-

биков так называемыми „хачкарами“, т. е. крестными камнями, однако, не вырезанными по контуру из камня крестами, а изображениями их на прямоугольных высоких каменных плитах в орнаментальной разделке.

Эти мемориальные памятники, особенно первая группа их (не менее восемнадцати примеров при Болнисском Сионе), довольно широко были распространены в древней Грузии и древней Армении; все они подтверждают общую мысль о выдающемся значении Болнисского Сиона в жизни Грузии в эпоху, предшествовавшую нашествию арабов и утверждению их власти в VIII веке в Грузии.

4. Мы не имеем, правда, прямых исторических сообщений о разрушении арабами Болнисского Сиона, но положение его на одной из больших торговых дорог из Армении в Тбилиси¹ говорит за несомненное разграбление и возможность насильственного разрушения храма прошедшими здесь не один раз арабскими полчищами, начиная с середины VII века и в течение части VIII века. Однако, никаких прямых, ясных показателей такого насильственного разрушения именно в эпоху арабских нашествий на храме обнаружить не удалось. Возможно, что известному разрушению подверглась северная галлерей, которая, как мы знаем по надписям и по крестам в северном нефе, являлась вместе с последним, вероятно, особо выделенным местом стояния магнатов, во всяком случае мужчины из числа местных феодалов², а потому могла сохранять в себе дорогие предметы и украшения. На это предположение меня наталкивает не полное исчезновение фрагментов разрушенной галлерей, на что, конечно, было бы вполне достаточно меньшего количества веков, чем протекло после арабов, а закладка наружных проемов галлерей хорошо тесаными, довольно крупными квадратами такого же материала и характера, какие находим в самом Сионе и главное в древних частях пристроенной с востока перед северным нефом церкви-придела. Единство материала, мне кажется, позволяет и подсказывает дату для закладки открытой галлерей, не оправдавшей, конечно, себя, именно, с этой северной стороны; а потому небольшой даже порчи было достаточно, чтобы дать толчок к закладке значительного числа ее проемов. А это естественно было произвести при возведении придела и заготовке для него каменных квадратов.

¹ Как подтверждение несомненности существования этого пути через Локские горы в Болнисское ущелье Н. А. Бердзенишвили указал мне на упоминание военного перехода Джелал-Еддина (ср. ниже с. 112). Об этой дороге см. также А. Мухелишвили, *ძალბობა*, с. 312, 315 (и 374, пункт 3).

² Ср. подобный же порядок входа мужчин через определенные двери, при чем они богаче отделаны и снабжены часто строительными надписями, который практиковался в Сирии (сводка у Н. W. Beuger, *Der syrische Kirchenbau*, 1925, в разделе „Liturgisches“, с. 33).

Придел возведен, как отмечено при описании его, на трехступенчатом цоколе, на подобие Сиона, причем этот цоколь непосредственно связан с цоколем Сиона, т. е. никакого запаса Сиона землей еще не имело места. Сама постройка придела (до последних восстановлений) была выведена очень четко, старательно, умело и хорошо (ср. нижние части конхи). Наконец, она имеет декоративную плиту на восточном фасаде, а в самой церкви уцелел каменный престол, специально и

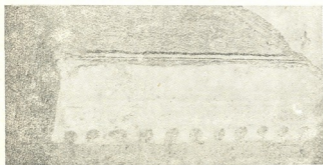

Рис. 80. Престол в северном приделе.

очень хорошо украшенный (130 см высота при 70×63 см mensa). Ничего подобного этому престолу ни в одной средневековой церкви Грузии мы не встречаем¹. Единственная аналогия—это каменный же престол в малой церкви Креста Мухетского (третьей четверти VI века), несмотря на совсем иную форму². Мотивы же украшения престола скорее всего указывают на VII век. Но наиболее многоговорящим показателем является большая декоративная плита восточного фасада этой церкви, помещающаяся над окном,—пожалуй, не без подражания мотиву алтарного окна самого Сиона, как и в узорах этой плиты замечается несомненно подражание резьбе Сиона же.

Декоративная плита восточного фасада этого придела размером примерно в 0,45×1,40 м, песочного цвета. По композиции украшение плиты очень неудачно; мало-мальски собранной является только средняя часть ее, остающиеся же с боков квадраты разделены каждый на две не равной ширины, обрамленные, вертикальные полосы, которые просто заполнены несколькими орнаментальными мотивами—без системы, без композиции³.

Среднее поле, также как и крайние, обрамлено гладким валиком. В центре среднего поля находится изображение креста на небольшой ножке, к которой привязан бант с выступающими по сторонам большими концами лент. По обоим сторонам креста стоят столбы с ответвлением вперед в сторону креста, на которых находились, судя по сбитым остаткам, изображения птиц. Под этой центральной группой и

¹ См. рис. 82.

² См. мою Историю грузинского искусства (по-груз.), I, рис. 41, с. 62.

³ См. рис. 81 и фото Ермакова № 18150.

по бокам ее идут три полосы, независимые друг от друга, с мотивом листьев, расположенных в изгибах стебля. Поверх описанной центральной композиции нет никакой орнаментальной полосы, а только одна рамочка. Оставшаяся между нижней орнаментальной полосой и валиком обрамления внизу узкая полоска покрыта зигзагом из треугольничков. Благодаря этому еще сильнее подчеркивается отсутствие над центральной композицией орнаментальной полосы и ее вдвигание под самую раму, т. е. неумелая на этом среднем отрезке плиты компоновка резьбы. Как отмечено, совсем неумелым является украшение боковых отрезков плиты с их различными орнаментальными полосами. Мотивом резьбы, примыкающей слева к среднему полю узкой полосы,

Рис. 81. Декоративная плита на восточном фасаде северного придела.

взят тот же лиственный мотив, что и в среднем поле; сверху же и внизу оstarлены отрезки, заполненные треугольничками. Справа от среднего поля дана простая сеть и опять по низу узкая полоска с мотивом зигзага из треугольничков. Крайние полосы, наконец, имеют общий рисунок из трех орнаментальных полос, расположенных здесь отчасти симметрично, для обеих. Но внутри каждой полосы по сторонам среднего широкого мотива—полосы разной ширины и сложности одного и того же зигзагообразного мотива.

Таким образом, как композиционное решение, вся плита в целом отмечена полным неумением построения. Но и в смысле качества исполнения она стоит не высоко, а по отдельным мотивам, несомненно, подражала и использовала мотивы орнаментального убора самого Болнисского Сиона.

Мотив зигзага из простых треугольничков встречается в уборе Болнисского Сиона как для обрамлений медальонов, так и дополнительным узором в капителях¹. Характерно, что мотив этот применяется здесь и для заполнения не только прямоугольных, а также

¹ См. ниже, с. 178, 183, 184 и 4 и табл. VI и рис. 33, 48 49, 111, 112.

скривленных полосок. Кроме того, сам узор усложнен разной трактовкой ребер. Средняя полоса крайних отрезков плиты тоже является ничем иным, как переработкой—однако, по существу своего построения уже непонятой мастером—мотива полосы полукругов, в разных вариациях встречающегося на капителях и базах Болнисского Сиона¹. Ибо дополнительные наружные кривые прерываются рамой и таким образом не являются частью наличного в узоре круга. Однако из Болнисского же заполнения переняты шарики в треугольных отрезках и этой плиты. Наконец, лиственный мотив является опять ближайше связанным с мотивом на средней капители северной галереи, хотя он, конечно, имеет более древние и более широкие корни².

Что же касается центральной, основной композиции этой плиты, т. е. креста во славе и с символическими птицами по сторонам его, то прежде всего необходимо оттенить странную форму креста с сильно удлинненным верхним тяблом при остальных трех равнобедренных, что лишний раз подчеркивает неумелость и неуклюжесть мастера, который только так смог разделить поперечные тябла от горизонтальных завофтов, фланкирующих крест столбов. Таким образом, эта форма креста есть отступление от нормы, вызванное случайными, единичными обстоятельствами. Вторым таким же примером изменения обычной формы креста чрезмерным удлинением верхнего тябла является декоративная резьба на перемычке одной из южных дверей базилики в Баш-Апаране (или Кассахе) в Армении³. В центре изображен крест с сильно удлинненным верхним тяблом, имеющим справа монограмматический придаток, очевидно, не понятый мастером и повторенный симметрично также с левой стороны. Внизу крест украшают „сассанидские“ крылья, однако за исключением контура совершенно утратившие свой настоящий вид. Аналогично сбитым изображениям болнисской плиты и сверху этой композиции также стоят животные на каких то висящих в воздухе, изогнутых помостах⁴. В довершение сходства в композиции резьбы обеих плит и орнаментальное обрамление, состоящее из поло-

¹ См. ниже, с. 199 сл. и рис. 105,—107 табл. III и VI—VIII.

² См. ниже, с. 171—172 и табл. VIII вверху.

³ У Стриговекого, рис. 326 на с. 289 изображена эта восточная дверь южного фасада. Другие подобные изображения выгнутого сверху креста имеются в малой базилике Кеинаута (Vogué, I, pl. 20) и на одной коптской стеле, где это удлинение благодаря ручке не чувствительно (Catalogue générale du Musée du Caire: C. G. M., Sarcoph. monuments, 1904, № 8601 et pl. XXXV). Характерно, что и в Италии VIII—IX веков находятся такие же грубые, искаженные, правда, иначе, изображения крестов (напр., Cattaneo, L'architecture en Italie du VI au XI siècle, Venise 1890, fig. 93a, p. 171; Rivoira, Origini del arte lombarda, Milano 1908, рис. 140, 424).

⁴ Быть может, их нужно считать по аналогии с животными на другой наддверной плите Баш-Апаранской базилики за оленей.

сы кружков, идет только по бокам и по низу описанной композиции, а оставшееся между ним и изображением креста место симметрично заполнено двумя побегам. Эта грубо резаная плита с уродливыми формами изображения не датирована, как и вся базилика¹. В целом обе плиты очень близки и повторяют как бы параллельные по значению изображения. В Болниси ко кресту приближаются птицы (голуби или павлины), а в Апаране—животные (олени?). И то и другое изображение довольно обычно в древне-христианском искусстве и вызвано, вероятно, очень простой и обще-популярной символической. Оно имеется и на одной капители самого Болнисского Сиона². К ножке креста на Болнисской плите привязаны расширяющиеся к концам „сассанидские“ ленты, а на Апаранской—крылья. Оба—атрибуты царственности, святости, применявшиеся в маздеизме и ставшие, очевидно, широко распространенными, как символ могущества и силы. На ряде капителей Болнисского Сиона ленты эти тоже имеют место, хоть и не в связи с крестом³.

Рассмотренная декоративная плита этого придела ясно показывает ее зависимость и примыкание к образцам резьбы самого Болнисского Сиона. Качество этой резьбы резко отличает ее от резьбы Сиона и вместе с параллелями и другими элементами позволяет отнести ее к VII—VIII веку.

Таким образом, отнесение этой церкви еще к древнему периоду строительства в Грузии мне представляется несомненным. Впрочем, высказаться определеннее за один, хотя бы, век—вторую половину VII, или VIII, а м. б. и начало IX, я пока не могу, отмечу лишь, что исполнение резьбы восточной плиты говорит уж явно об упадке искусства (как и „композиция“ ее убора), почему VII век едва-ли может идти в счет.

¹ Strzygowski, Die Baukunst der Armenier, S. 143—151; кроме разбираемой здесь плиты Стриговский дал на с. 415, рис. 444 также и заднюю дверь южного фасада. H. Glück (там же, с. 791) датирует Баш-Апаран (иначе Кассах) серединой V века.

² См. ниже, с. 158 и табл. IV 1 сверху. Ср., напр., рельефную плиту в церкви св. Аполлиария Нового в Равенне (Diehl, Manuel, fig. 138 на стр. 269), или же одну из капителей в Ереванской базилике в Армении.

³ См. ниже, с. 167—168 и табл. V. Я. И. Смирнов (*МАР*, № 22, с. 37), воспроизводя (рис. 1 на с. 1) печать Парижской Национальной Библиотеки № 1331-а с пехлевийской надписью и изображением креста с лентами, отмечает, что „эти ленты объясняют, как священные пояски маздеизма, называвшиеся Kosti“. См. еще Mschatta (*Jhb. d. Preuss. KS.*, Bd. XXV, 1904), S. 233, Abb. 14, равно в двух местах в Уауларской церкви (в Армении).

О крыльях в ранне-исламском искусстве см. Strzygowski, Mschatta, с. 314—316, 320—324, 362, 369. Fr. Sarre, Makam-Ah (*Jhb. d. Preuss. KS.*, 1908, Bd. XXIX), S. 68—70 и Abb. 7; Strzygowski, Altai-Iran und Völkerwanderung, 1917; Abb. 184—186 воспроизводит часть тех же гипсовых сассанидских фрагментов.

На громадной перемычке южного входа в церковь имеется надпись, высеченная на ней, как считается, примерно в IX веке. Надпись и ее приписка не содержат в себе достаточно интересных и ярких данных, но автор ее убогий Илья упоминает, что он удостоился быть поставленным в протоиереи церкви св. Григория. Так как в надписи говорится о приношении вина в день праздника и о взыскании нарушителям сего, то ясно, что она не может относиться ни к какой иной церкви, кроме как к данной. А между тем сама базилика Болнисского Сиона посвящена божьей матери, как то следует из названия ее „Сионом“¹ и как это засвидетельствовано историческими упоминаниями²; следовательно, естественнее всего предположить, что такой церковью св. Григория здесь является пристроенная перед северным нефом зальная церковь-придел, тем более, что убогий протоиерей Илья во вступительном призывании надписи пишет о своем назначении „помощью св. богородицы и св. Григория“, т. е. обоих патронов данной церковной единицы—Болнисского Сиона. Мы получаем таким образом, мне кажется, еще одну границу времени существования пристроенной церкви³.

5. Общий ход грузинской истории, несомненное процветание всего района расположения Болниси в последующую эпоху X—XIII веков говорят за то, что кафедральный собор болнисских епископов содержался в исправности и никаких зияющих разительных повреждений за это время на нем не должны мы искать. Не даром, как раз в это время выделяется здесь крупный проповедник—болнисский епископ Иоани, живший при царе Баграте III (978—1014)⁴. И это несмотря на то, что

¹ Конечно они поздние—(XV?) XVII веков, но освящение в честь иного праздника есть дело совершенно исключительное и—по всем данным—связанное с полным перерывом традиции, памяти об основном освящении. А здесь—в епископской кафедре—этого не могло быть и не было.

² Конечно, еще одним затруднением является употребление убогим Ильей слова *საფარბო* в своей надписи. Оно употребляется различно—и в значении престола, и кафедральной церкви, и в самом общем значении храма или церкви, как синоним слова *ეკლესია* (см. И. А. Джанашивили, Термины искусства и т. д., *Христ. Вост.*, т. III, 1914, с. 20—21). Время, когда *საფარბო* начали употреблять и в широком значении, как храм, не установлено, а потому, конечно, об известной трудности, условности в понимании текста надписи умолчать нельзя.

А. В. Мухедлишвили (*ბოლნისი*, с. 327, стр. 342), мне кажется, совершенно напрасно ставит вопрос о том, что по надписям церковь первоначально была освящена в честь троицы, затем в IX—X в. в честь св. Григория, а позднее и до конца известна была храмом богородицы.

³ Предисловие М. Г. Джанашивили в его издании проповедей: *ოცნებ ბოლნელ ეპისკოპოსის ქადაგებანი* (მე-X საუკუნის ბელაწერებთან), ტფილისი 1911, стр. III, на с. IV перепечатаны строфы 671 и 672 из *წუბილ-სიტყვაობა* Антония католикаса, касающиеся Иоанна Болнисского. Проф. К. Кекелидзе, История грузинской литера-

политически район Болнисского ущелья не входил в конце X и начале XI веков в состав абхазо-карталинского царства, а был захвачен армянскими правителями ¹.

Сохранился от этой эпохи, именно времен царицы Тамары, заключительный отрывок монастырского типикона, в котором упоминается один только географический пункт, именно, Болниси ². Таким образом, издатель, а равно акад. И. А. Джавахишвили ³ заключают, что типикон принадлежал Болнисскому Сиону или какому либо близ лежащему монастырю. Что им не мог быть Цугругашени, выдвинутый наравне с Болнисом С. Н. Какабадзе, явствует уже из того, что Цугругашени построен, конечно, позже эпохи царицы Тамары. Но кроме того, в числе различных экономических предписаний заключается упоминание о „великом уповании и ревности“, проявленных по отношению к „богоматери и ее обиталищу“ мсахурт-ухуцесом Иваном Мхаргдзели ⁴. Таким образом, несомненно, что монастырь был посвящен богоматери, что опять лучше всего подходит к Болнисскому Сиону. В сохранившемся обрывке типикона заключаются и данные о привилегиях, полученных монастырем от центральной власти, именно от „царя царей среди богом венчаных царей“, царицы Тамары, и выразившихся в пожертвовании сел и деревень, в освобождении от обложений других деревень монастыря и в обращении на монастырь государственных податей. Таким образом, общее предположение получает в этом историческом документе не только подтверждение, но и специфическую конкретизацию.

6. Только с появлением в XIII веке монголов картина резко меняется, и в частности для данного района есть все основания ожидать немаловажных опустошений и разгрома. И, действительно, я склонен относить отмеченные при описании храма восстановленные своды бап-

туры (по-груз.), I, 1923, с. 180—182 и 605, характеризует проповеди Иоанна, как выдающиеся произведения данного рода, отмечает не вошедшие в издание Джавахишвили другие его проповеди, а в отношении биографических данных высказывает предположение, что Иоанн Болнели и ушедший вместе с Евфимием Мтацминдели в 1012 году на покой Иоанн Хахулели одно и то же лицо. Во время раскопок обнаружены две надписи, палеографически относимые к X—XI в. с упоминанием Иоанна Болнели; одна из них—надмогильная эпитафия (см. Л. Мухелишвили, *ბოლნისი*, с. 337—338 и 341—342, рис. 18 и 21).

¹ И. А. Джавахишвили, *История грузинского народа*, (по-груз.) т. II, Т. 1914, с. 420.

² См. в издании С. Н. Какабадзе *წერილები და მასალები საქართველოს ისტორიისათვის*, წიგნი I, თბილისი 1914, с. 71—73.

³ *ქართული სამართლის ისტორია*, ტ. I, ტფ. 1928, გვ. 62.

⁴ *„იოვანე მკარგრძელმანცა მსახურთ უხუცესმან დიდი სასობეა და გულსმოდგინება აჩუბნა ამის დედისა ღმრთისა მიმართ და საყოფლისა მისისა და რომელ მონასტერსა...“* (დ. ი., с. 73).

тистерия и южного портика к починкам, именно, этого времени—к XIV-у (или, м. б., XV-ому) веку. Тогда же, вероятно, в связи также с повреждением наружных мощных перемычек, оба дверных проема с севера, поврежденных скорее всего в связи с разрушением самой галереи в XIII веке монголами или Джелал-Еддином, переходившим именно через Болнис¹, были сужены на две трети своей большой ширины, а выпавшая часть перемычки восточной из этих дверей с четырехстрочной надписью положена тут же в проходе внизу, где и была найдена при раскрытии этих проемов Отделом по охране памятников

Рис. 82. Орнаментированный камень кладки в добавленной над цоколем ступени западного фасада.

культуры в сентябре 1937 года. Закладка их подсказывалась сильным заносом Сиона со всех сторон земель, которую наносило с гор, подымающихся западнее здания. Примерный уровень заноса храма по крайней мере с запада намечает, мне кажется, прибавленная по западному фасаду ступень из желтого камня. Во всяком случае самый материал этой ступени, так и узор на одном из камней ее², скорее всего вызывает в памяти Цугругашенскую церковь, расположенную напротив Болнисского Сиона на другом берегу Поладаури. С конца XIV, начала XV века Болнисский Сион упоминается в составе принадлежащих Мухетской католикоесской кафедре Святи-Цховели церковных имений³. Очевидно, пора действительного расцвета и самостоятельности

¹ См. Картакс-Джвѣреба, текст по списку царицы Марии, *760, с. 588; по изданию акад. Броссе, т. I, *333, с. 357; французский перевод—I, 510.

² См. рис. 82.

³ Древнейший перечень сохранился в копиях, датирующих данный сигеллион 1392, 1397 и 1398 годами и царствованием Александра, что создает затруднения особенно при наличии нескольких копий и имеющихся в них мелких различий. (Ср. разные предложения ак. Броссе, Hist. de la G^e, Introduction, 1858, р. СХХI—СХХIII и თ. ქორეაბოა, ქობ., II, 1897, გვ. 195 и 262). Текст напечатан Ф. Жордания (ქობეკებო, II, 1897, გვ. 195—198) по копии, указывающей дату 1392 года, а кро-

для Болнисского Сиона миновала и он стал экономически подчиненным католикосской кафедре¹.

7. Благодаря значительному числу сигеллионов, дошедших до нас за последние столетия грузинской истории, а также большей конкретности историков, мы несколько чаще встречаемся с попутными упоминаниями Болнисского Сиона. Это особенно относится к XVII и XVIII векам. Атмосфера напряженной, глухой, лишь от времени до времени прорывающейся наружу вражды и борьбы местного грузинского населения из христиан с представителями персидской власти, стремившейся все сильнее и сильнее поработить страну и обратить ее жителей в магометанство, и вызываемые всем этим взаимоотношения отражаются в документах этого времени².

Пл. Иосселиани отмечает сильное разорение Болнисского Сиона персами до 1634 года и последовавшее затем восстановление его на средства жены царя Ростомы (1634—1658), царицы Марии³. Мне кажется, именно, ей мы обязаны сохранением здания Болнисского Сиона, в котором—как видно по объему ремонтных работ—были разрушены своды всех трех нефов базилики, разрушена в связи с этим задняя стена на значительную высоту и, наконец, стены пристроенной церкви, не говоря уже, конечно, о мелких разрушениях⁴. Все это было восстановлено по мере сил и средств, т. е., конечно, частью ста-

---

ме того на стр. 202—дополнительные выборки из копий, указывающих даты—1397 и 1398 г., при чем писцом одной назван известный Кликий Каклачасдзе, которым написаны многие сигеллионы Александра I-го). Текст с русским переводом, полученным от Буткова (с датой 1398 г.) напечатан в *Актах, собранных Кавк. Археографическ. Комиссией*, под ред. А. П. Берге, т. I, Тифлис 1866, с. 1—3 (перевод), т. VI, ч. 2 (1875), с. 769—770 (текст), французский же перевод по тому же переводу, переданному академику Броссе Бутковым (дата 1398 г.), напечатан в последнем томе *Hist. de la Gé., Introduction et Tables des matières*. 1858, pp. CXXVI—CXXII.

¹ Пл. Иосселиани, Описание древностей г. Тифлиса, 1866, с. 216 и 200—201, оттеняет по поводу грамоты царя Симона от 1628 г., что права пользования в числе прочих доходами с болнисских имений были „древними“ „по праву командорства“, именно, феодальными правами, перешедшими к Сионскому собору в Тбилиси от епископов в силу „ослабления или закрытия кафедры“.

² Очень ярко письмо болнисского епископа Данила католикосу Малахии, приводимое в русском переводе Пл. Иосселиани, Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей-магометан, Тифлис 1849, с. 28—32.

³ Пл. Иосселиани, Истор. взгляд на состояние Грузии..., с. 29 прим. О восстановлении Марию пишет также царевич Вахушти, *Description géographique de la Géorgie*, SPbg. 1842, p. 144—146; рус. пер. М. Г. Джанашвили, *Зап. Кв. РГО*, т. XXIV, в. 5, Т. 1904, с. 36. Ср. А. В. Мухелишвили, *ძეგლები*, с. 349.

⁴ Возможно, что литой свод в пристроенной церкви и в восточном конце разрушенной северной галереи сделан, именно, тогда.

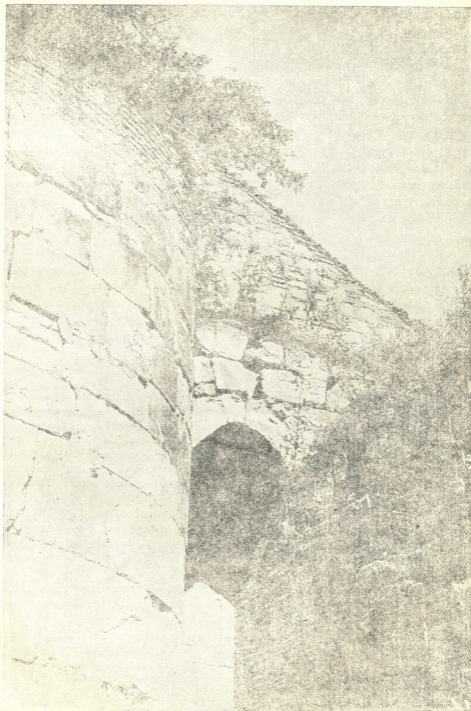

Рис. 93. Часть починенной стены северного придела и арка, соединившая кровли.

рым материалом, а в остальном кирпичом и при этом в ходках для XVII века художественных формах. И кладка, и арки, и своды, обработка оконных проемов западного фасада базилики и западной стенки в образованном из остатка северного портика приделе, наконец, обрамление прорубленного теперь только дверного проема с запада, прорубленного на новом, образованном благодаря заносу землею уровне поч-

Рис. 84. Отрезок кирпичного свода XVII века в главном нефе базилики.

вы снаружи Сиона,—все это ярко отражает вкусы XVII века, пожалуй ярче, чем аналогичные восстановления XVII века базилики в Урбниси и так называемой Анчисхатской базилики в Тбилиси. Тогда же, нужно думать, окончательно заложены оба северных входа и люнеты над ними.

В связи с этим восстановлением, очевидно, снова повышается значение Болнисского Сиона и в последнее двадцатилетие XVII века на кафедре болнисских епископов встречаем Николая, сына Мухранского владетеля Баграта¹, который распорядился украсить церковь внутри росписью, остатки которой мы фактически еще имеем в алтаре и на

¹ Ср. сигеллион 1683 года („Памятная книжка“ Д. Э. Бакрадзе, с. 267, თ. ქართული ენციკლოპედია, II, 497 (ср. 528), Д. Пурцеладзе, Грузинские церковные гуджари, Т. 1881, с. 111).

етолбах, затем встроить алтарную преграду, клирос (? სავსალმუნე), киворий над престолом, от которых также ничего не дошло до нас, как и от всей утвари, облачений, книг, пожертвованных им Болнисскому Сиону¹. Кроме улучшений самого Сиона, болнисский епископ Николай, сын Баграта Мухран-батони, построил там же по повелению царя Георгия XI (1675—1688 и 1691—1695) колокольную, караван-сарай и лавки. Что касается колокольной, то это явно только надстройка над уже стоявшей над входом башней с жилой внутри комнатой и—как показывают гнезда от балок—балконом на северо-восток; башня эта стоит и сейчас еще и совершенно четко выделяется линия добавления стен до горизонтальной линии и установка поверх созданной площадки небольшого сквозного помещения для колоколов². Комната же внутри имеет камин и нишу в противоположной стене, а на север два выходных проема на балкон. Какова была лестница, к сожалению, неясно. Что касается каравансарая и лавок, то их не видно; раскопки в ограде на них не натолкнулись, да, впрочем, конечно, не обязательно думать, что они были построены в ограде Сиона, а не где-либо в селении—одном из трех—Болниси, и что они были непременно монументальными каменными сооружениями.

Повидимому, это назначение сына Мухранского владетеля епископом в Болниси было последней попыткой власти поддержать, поднять значение данной кафедры, активизировать ее в борьбе, как форпост против все прогрессирующего магометанства и усиливавшейся власти персов. За Николаем последовал епископ Максим Мачутадзе, повидимому, человек влиятельный и сильной воли³. Но все таки дни Болнисской кафедры, как живой носительницы духовных и политических интересов Грузии, были уже сочтены, контингент населения был на-

¹ См. надпись на колокольной, разобранный выше, с. 76 слл.

² См. рис. 2 и 43 и ср. фото Ермакова № 18156 и рис. 23 на с. 351 у Мухелишвили. Конечно, хронологическое расстояние между ними не может быть большим. (Не постройка-ли она царицы Марии?). Ср. мнение А. Мухелишвили и приводимые им исторические соображения (с. 352—353 и 354—355).

³ Максим Мачутадзе появляется в Грузии в свите гурийской княжны Туты, выходявшей замуж за Левана, отца Вахтанга VI, около 1670—73 гг. (პ. კარბეღა - ზეგოც, ივრანქია საქართველოს ეკლესიის, I: კათალიკოსნი. თბ. 1904, გვ. 130 შენ.) или в 1662 г. (Grosset, Hist. de la G^e, II, 1 Add.). В грамотах он засвидетельствован в 1696 и 1697 гг. (ქრთბ., II, გვ. 516; Hist. de la G^e, Jntrod., 1858, p. CXXVII—CXXVIII; Па. Иоселиани, Жизнь великого моурава, Т. 1845, с. 155—не датированный акт, ок. 1700 г.). Но он же упоминается и в грамоте Онуфрия Мачутадзе от 1712 г. и подписывает ее (თ. ჯორჯანიძე, ქრთმ-კანბოს მონასტრების ისტორიული საბუთები, ფოთი 1902, გვ. 68, 70). А. Мухелишвили (ბოლნისი, с. 350 и прим.) пропустил упоминания о Максиме Мачутадзе и полагает, что упоминаемый в 1693 г. Иоани Ревиншвили и Ревиншвили 1701 г.—одно лицо

столько пропитан иноземными и иноверческими элементами, что с первых же годов XVIII века кафедра фактически упразднена, ибо присоединена к кафедре тбилисского митрополита. Епископ Доментий уже в 1702 г. именуется *თბილელ-ბოლნელი* в гуджарах, и так это идет дальше¹.

8. Удалению епископов и замиранию кафедры содействовали разорительные набеги лезгин. Записи сохранили упоминание о некоторых из них. Так, среди выписок царевича Вахушти по хронологии событий, под 1717 годом значится, что „в июле лезгины, разграбив Болнисские селения (*ბოლნისნი*), захватили пленных“². А хронист Папуна Орбелиани под 1755 годом описывает разорительное нападение лезгин, в котором различаются несколько стадий. Население искало спасения в „Болнисской крепости“, которую защищал Давид Иотамишвили. „Бывших в крепости женщин и детей“ поместили в церкви (*ბიუჯანეს საყდრის თავში*). Во время нападения лезгины приставили лестницы, по которым взобрались на стены, но им было оказано настолько стойкое сопротивление, что „кровью лезгин были окрашены все стены“. Это однако их не остановило³. Таким образом, в это время запустения кафедры не только ограда ее с башнею служит для отражения нападения, но даже и сама церковь Сиона.

Присоединение болнисской кафедры к кафедре митрополитов Тбилисских указывает на обезлюдение и обеднение паствы, также как на общую необеспеченность жизни, на что указывают вышеприведенные сообщения. Так что как раз в то время, когда вдали от Грузии царевич Вахушти заканчивал свой исторический труд, в котором он пишет, что болнисская церковь „и теперь служит резиденцией епископа,

¹ П. И. Иоселиани, Описание древностей города Тифлиса, 1866, с. 181, 214, 219; Д. З. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, Т. 1875, с. 27; *თახე ბოლნელ ეპისკოპოსის ქდავებანი*, изд. М. Г. Джанашивили, Т. 1911, с. III; *საქ. სიძე.*, I, 1899, № 259, გვ. 307. Характерно, что в болнисских актах XVIII века, как и в числе членов церковного собора, собравшегося в 1748 г. ради укрепления веры, не перечисляются болнисские епископы (*საქ. სიძე.*, I, 1899, №№ 254-258; გვ. 302-307; II, 1909, № 301, 343, გვ. 348-349 და 385-386; *ქართლის ცბ.*, II, 1854, გვ. 417—*Hist. de la Gé.*, II, 2, p. 140). Впрочем, в грамоте католикоса патриарха царевича Антония от 1749 г. говорится о назначенном болнисским епископом Тимофее (*ბ. ხახანაშვილი, გუჯარებო*, Кутаис 1891, стр. 36). Ср. также по этому вопросу ограничительные замечания у Л. Мухелишвили (*ბოლნისი*, გვ. 355-356).

² *ქართლის-ცხოვრება*, II, 1854, გვ. 253, 80—*Hist. de la Gé.*, II, 1, 1856, p. 4C1, 114. В армянском переводе этих выписок, находящемся в Парижской Национальной библиотеке, стоит прямо „разграбив четыре селения Болниса“.

³ *ქართლ.-ცბ.*, II, 466—*Hist. de la Gé.*, II, 2, p. 193—194.³ Ср. теперь подробнее об этой эпохе у Л. Мухелишвили с. 353 сл., где крепостная стена определена также началом XVIII века (с. 353, 355).

пастыря нынешней картлийской Сомхити¹, фактическое положение приняло уже резко иные формы. Они привели болнисскую кафедру в конце XVIII века к положению пустующей „вследствие разорения“, как то значится в перечне епископств Грузии этого времени, и надежды на заполнение ее не было². Официально кафедра объявлена упраздненной уже русским управлением, повидимому, в 1809 году³.

9. С этого времени, как патетически восклицает П. Карбелашвили, судьба Болнисского храма достойна оплакивания. Он покинут, заброшен и забыт. Только неутомимый и настойчивый путешественник-швейцарец Фредерик Дюбуа-де-Монпере пробирается в марте 1834 г. до Болнисского Сиона, копирует его надписи, которые затем издает и комментирует акад. М. И. Броссе⁴. Вторым не менее настойчивым исследователем, который посещает Болнисский Сион и опять собственно только копирует его надписи, чтобы акад. Броссе вновь издавал их со своими комментариями, является полковник И. Бартоломей в 1853 году. С тех пор на протяжении полувека мы ничего не слышим о храме, ни один исследователь не посетил его—ни Пл. Иосселиани, ни Дм. Бакрадзе, ни Дм. Пурцеладзе, ни Т. Жордания храма не посещали, во всяком случае никак в своих трудах этого не отразили. В 1903 году Болнисский Сион привлекает к себе внимание тогда только что приехавшего в Грузию молодого архитектора А. Н. Кальгина и его сверстников-художников; они первые дали обмер плана, разрез, фасад и несколько деталей храма⁵. Тогда же и в связи с этим фотограф Д. И. Ермаков делает в Болнисском Сионе свои полтора десятка снимков⁶. Позднее, повидимому, посетил Болниси и Е. С. Такайшвили, говоривший о нем в прениях на заседании Груз. Общ. Ист. и Этн. в 1916 году и

¹ Wakhoucht, Descr., 144—146 (рус. пер., с. 36).

² „დაცლილნი აობრებდისაგან: სავსიკობოლო ბოლნისისა...“ А. А. Цагарели, Грамоты и др. исторические документы, относящиеся до Грузии, Т. II, вып. 1, СПб. 1898, с. 17—18—т. II, в. 2, СПб. 1902, с. 245—246. Документ отнесен издателем к 70 гг. XVIII в., но еще в 1782 г., как значится в приказе царя Ираклия (см. Д. Э. Бакрадзе, с. 267 и V) епископом в Болниси числился преосвященный Николай.

³ ჰ. კარბელაშვილი, იერარქია, I, ტფ. 1900, გვ. 20, შეფ. 28.

⁴ Dubois de Montpéroux, Voyage autour du Caucase, t. IV, Paris 1840, p. 190—192. Brosset, in: *Mémoires de l'Ac.*, VI série, t. IV, p. 419—422.

⁵ Приобретены были Грузинским Обществом Истории и Этнографии для своего Музея.

⁶ Из числа этих снимков акад. И. А. Джавахишвили поместил один во II томе Истории грузинского народа, Т. 1914, ad. p. 294, а другой проф. И. А. Орбели в статье Грузинское искусство *Новой Энциклопедического Словаря* Брокгауза и Эфрона, т. 15, СПб. с. а., тбл. III к ст. 126—133.

посвятивший надписям его доклад в 1920 году. Следует еще отметить, что и проф. И. Стриговский (из Вены), посвятивший архитектуре Армении с привлечением и памятников Грузии большое исследование, бегло и частью с ошибочными сведениями затрагивает также Болнисский Сион, а кроме того, заимствуя сведения у Т. Клуге о базилике в „Капернакчи“, говорит опять о Болнисском Сионе с датировкой IX веком¹.

Мое изучение Болнисского Сиона, исходящее от постановки основных проблем по изучению архитектуры, именно в первую очередь проблемы базилик Грузии, начатое с проработки печатного о ней материала и некоторых фотографий Ермакова², было начато посещением памятника, которое состоялось 11-12 августа 1916 года. Тогда студентом Политехнического института в Ленинграде, ныне инж. А. И. Мухелишвили был сделан по моей просьбе обмер плана. Я сделал дюжины две фотоснимков, копии основных трех надписей Сиона, описание памятника и различные о нем заметки. Уже в докладе „О базиликах Грузии“, прочитанном мною на заседании Груз. Общ. Ист. и Этнографии 28 августа 1916 же года я коснулся и Болнисского Сиона для постановки общих проблем базиличной архитектуры в Грузии. Но первая проработка вывезенного материала, сравнение его с памятниками вне Грузии и т. д. были произведены в ноябре того же года в Петрограде и доложены в семинаре по истории искусства Востока у Я. И. Смирнова в Университете и затем подвергнуты дальнейшей обработке.

Следующий этап изучения—это поездка совместно с проф. А. Г. Шанидзе с 22—24.VI.1920, которая помимо углубления и дополнения наблюдений, а также ряда новых снимков, исполненных Т. Г. Кюне, ознаменовалась докладом проф. А. Г. Шанидзе о двух надписях Сиона, а также напечатанием самого исследования³. Затем до 1936 г. никакого изучения Сиона, требовавшего производства хотя бы небольших раскопок, организовать не удалось, а потому самый памятник я анализировал, конечно, с возможной полнотой и обстоятельностью, которых он заслуживает, на своих лекциях в Университете и Академии Художеств, но не мог ни подвергнуть его расширенной научной обработке, ни тем менее думать об издании результатов научных изысканий⁴.

¹ Die Baukunst der Armenier, Wien 1918, Bd. I, 152—153, 380; II, 613, 788—791. Th. Kluge, Versuch einer systematischen Darstellung der altgeorgischen (grusinischen) Kirchenbauten. (Braunschweiger Diss.) Berlin 1918, S. 47 (und Grundriss). Стриговский воспроизвел несколько фото из Ермаковского собрания.

² О существовании обмерного материала я узнал много позже, в 1920 году.

³ ტფილისის უნივერსიტეტის შრომებზე, ტ. II, ტფ. 1922-1923, с. 277-281.

⁴ Кратко эти данные изложены также в Истории грузинского искусства (по-груз.), т. I.

10. Только в 1936 году по инициативе и под общим руководством академика И. А. Джавахишвили были организованы раскопки Болнисского Сиона Институтом языка, истории и материальной культуры им. акад. Марра Груз. Филиала Академии Наук СССР. Руководство раскопками было поручено старшему научному сотруднику Музея Руставели и его эпохи Л. В. Мухелишвили, при моей консультации. В состав экспедиции была включена архитектор Циала Р. Габашвили и фотограф Иг. Гильгендорф. Раскопки имели кроме цели раскрытия архитектурного памятника также цель прощупывания в бытовую сторону жизни средневековой Грузии, поскольку она бы отразилась в погребальном инвентаре и иных находках, на которые можно было рассчитывать на данной площади. Таким образом, суммы на изыскания удалось еще дополнить от Юбилейного Руставелевского Комитета из сумм на подготовку выставки. Благодаря этим разысканиям освещены теперь все основные вопросы, поставленные предыдущими исследованиями. Некоторые мелкие детали, конечно, желательнее было бы уточнить, но в общем это существенного изменения в наше понимание памятника внести не может¹.

Организация этих больших исследовательских работ ознаменована не только результатами прямого научного значения, но возымела также колоссальное практическое следствие. Уже производство раскопок с восточной стороны, где кладка полукруглой абсиды сильно потревожена и разошлась от времени, а в одном месте внешний кожух даже отвалился, требовало закрепления для своего осуществления, но и другие части также требовали закрепления. Приступить к расчистке по всему восточному фасаду так и не удалось, так как закрепление абсиды было проведено Комитетом охраны памятников искусства и старины только поздней осенью 1936 года уже по окончании кампании. Но это закрепление обеспечивает памятник от неизбежного в противном случае дальнейшего развала; оно наглядно продемонстрировало местному населению, более склонному видеть в Сионе источник готового строительного материала, чем показател культуры развития и мощи, насколько Советская власть ценит, охраняет и поддерживает памятники былой национальной культуры и, наконец, оно открыло собой цепь тех мероприятий по охране и поддержанию этого исключительного по своему значению памятника грузинского искусства, которые проводятся нынешним руководством Отдела по охране памятников культуры Управления по Делах Искусств при СНК Груз. ССР и которые не только обеспечат дальнейшее существование памятнику, но и раскроют случайно обезображенные его части, а также приведут его в состоя-

¹ Отчет о работах экспедиции напечатан Л. В. Мухелишвили, *ძველბოლის ბენძილი-ს მკვლევარ, ტ. III, ტფ. 1938, გვ. 310—376* с русским резюме, на с. 377—382.

ние, отвечающее высокому культурному уровню нашей эпохи и нашей страны. Во время именно этих ремонтных работ осенью 1937 года произведена расчистка, открывшая новую надпись с упоминанием царя Пероза. К сожалению, производство работ, переданное тогда строительной организации, не проявившей не только интереса к научным вопросам охраны памятников исторической культуры, но отнесшейся с полным невниманием к указаниям и требованиям, выдвинутым перед нею, нанесло большой ущерб, как раскрытым раскопками частям здания по северному фасаду, так и облику и даже состоянию храма в отношении сохранности¹. Таким образом, перед нынешним руководством Отдела охраны наших памятников культуры встала дополнительная задача выправить, что возможно из сделанного и провести работы по раскрытию частей, не затронутых разысканиями 1936 года.

К осуществлению этой задачи и было, действительно, приступлено ранее осенью 1939 года: проведена расчистка засыпанных и заваленных частей из раскопок, проведена дополнительная расчистка с восточной стороны, раскрыта погребальная камера под восточной пристроенной церковью, при чем выяснилось, что вход в нее был с востока (все это оставлено открытым), затем раскрыто отстроек алтарное возвышение, проведено укрепление в различных местах, а также приступлено к осуществлению кровельного перекрытия по бетонной конструкции для полного обеспечения наличной руины. Но самое главное—это раскрытие уцелевшего восточного конца северной галереи от закладки арочного проема, от пристроенной с запада стенки и от позднейшей части свода; оно дало прежде всего новое пространственное впечатление для этой части здания, а затем обогатило нас двумя капителями *in situ* с чрезвычайно важной и отлично сохранившейся резьбой и большим числом (до 35) резных фрагментов и архитектурных частей здания². Все такие фрагменты, собранные за эти годы на территории Болнисского Сиона, положены на стелажах в помещении баптистерия под ключом сторожа. Сюда же доставлены и фрагменты, собранные при очистке трехцерковной базилики около сел. Болнис-Капанакчи, а также предположено свезти различные исторические фрагменты и надписи из ближайших окрестностей Болниси.

¹ Отделу по охране памятников культуры мною были поданы две обстоятельных записки (от 26.IX и 21.X.1937 г.) с изложением тех ошибок, которые допущены при ремонте, и с указанием необходимых к осуществлению изысканий и мероприятий.

² Поскольку еще было возможным—основные результаты этих открытий внесены в настоящую работу.

IV. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМ

1. Художественные проблемы в архитектуре Сиона

По объему художественных проблем, которые себе ставил архитектор, которые он осознал, грузинская архитектура на переломе V и VI веков—эпохи, когда был осуществлен Болнисский Сион—выдвигается вперед из числа архитектур того периода народов, имевших передовую архитектуру. Этим названы предпосылки для тех вершин художественного творчества, которых достигла грузинская архитектура через каких-нибудь сто лет и которые составляют содержание исследований, посвященных группе памятников типа Джвари и Цромскому храму. Если мы вспомним ведущие государства и их архитектуру V и VI веков на Востоке и на Западе, то мы увидим, что основной, ведущей и при этом новой проблемой, целиком поглощающей внимание и старания архитектора, является проблема создания внутреннего пространства. В сассанидских дворцах в Сарвистане, Фирузабаде, Каср-и-Ширин созданы большие купольные залы, которые отражают специфический характер и назначение их служить фоном, декорацией для царских приемов, церемоний и жизненного распорядка. Мы вправе предполагать аналогичное и о дворцах византийских императоров ранней эпохи и других царей христианских стран¹. Полноценное же выражение эта новая в архитектуре проблема получает в создающихся христианских храмах, которые согласно новой религиозной мысли являлись не жилищем божества, а домом общественных собраний общины. Естественно, что создание внутреннего пространства явилось тем, что приковало к себе внимание архитектора. Мы не можем останавливаться здесь на тех различиях, которые намечаются в различных сохранившихся ранне-христианских храмах разных стран в зависимости от различия заказчика, от времени, от дарования и психологического облика архитектора и т. д., отметим только, что и базилики Рима, Равенны или Константинополя IV, V или VI веков, и купольные храмы в роде св. Констанции в Риме, св. Виталия в Равенне, св. Лав-

¹ Жалкие обрывки дворцовых сооружений Юстиниана в Константинополе или Теодорика в Равенне и т. д. позволяют делать только предположения. Впрочем новейшая публикация Th. Wiegand und Ernst Mamboury, Die byzantinischen Kaiserpaläste zwischen Marmarameer und Hippodrom zu Konstantinopel, изданная Истанбульским отделением Германского Археологического Института (Berlin, W. de Gruyter, 1933) мне недоступна.

рентия в Милане, св. Георгия в Солуни, св. Ирины или св. Софии в Константинополе и т. д., и т. д. всецело и, можно сказать, без остатка поглощены, захвачены, как художественной проблемой, только проблемой создания внутреннего пространства.

Если мы обратимся к более внимательному рассмотрению сохранившихся христианских храмов Малой Азии, Сирии, Армении и Грузии тех же веков, то мы увидим и здесь, конечно, всеобъемлющую роль этой новой художественной проблемы, этого требования, брошенного в мир большой монументальной архитектуры. Но в каждой из названных здесь четырех стран мы не можем не отметить наличия желания хотя бы несколько закруглить, обдумать оформление также внешнего облика здания. Оставляя в стороне все фактические различия, частью даже расхождения, в приемах такого внешнего оформления храмов в отдельных странах, нельзя не заметить, что из века в век эта сторона в творчестве архитектора нарастает только в Грузии и Армении. К концу VI века в Грузии, как мы знаем, достигнуто полное равновесие обоих названных архитектурных проблем, да и еще некоторых других, чего нет, как сказано, в других странах. Болнисский Сион является в этом отношении тем памятником, который, благодаря своим внушительным размерам и своей исторической роли завершителя одной линии развития облегчает уяснение развития обоих намеченных проблем в ходе развития древней грузинской архитектуры.

Итак, в Болнисском Сионе в отношении художественных проблем архитектурной формы хотя архитектор и сосредоточивает, можно сказать, все свое внимание на проблеме создания внутреннего пространства и его оформлении, все-таки проявляются скромные зачатки также постановки проблемы наружной обработки здания.

2. Элементы плановой композиции

Композиция плана Болнисского Сиона состоит не из простой только трехнефной базилики, даже не из базилики с развитыми частями, а представляет собой комплекс простой базилики и самостоятельного назначения помещений по длине южного и северного фасадов. Таким образом, требовалось найти какое-то сочетание этих частей, добиться равновесия во всей композиции. И действительно, добавления к трехнефной базилике даны более или менее равномерно, как по всему северному, так и южному фронту. Сообщение с этими боковыми помещениями достигается по каждой стороне двумя проходами; по сравнению с боковыми нефами базилики, нужно полагать, что внешние помещения были сильно освещены.

1. Сама базилика представляет собой три, четко разграниченных двумя рядами столбов нефа, при этом средний в два раза шире боковых. Против среднего нефа, в восточном конце его раскрывается полукруглая в плане алтарная абсида храма. Это единственное дополнительное членение плана трехнефной базилики: ни специальных выделенных по сторонам алтаря помещений для жертвенника и диаконника (ризницы), ни особого западного нартекса здесь нет.

Каждая из этих черт плана является характерной. Отсутствие специальных помещений для жертвенника и диаконника наблюдается в

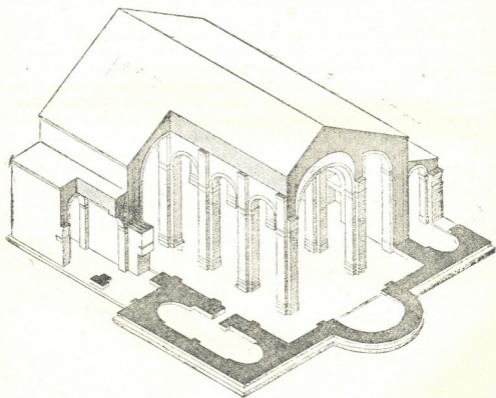

Рис. 85. Аксонометрия Болнисского Сиона, исполнена Ц. Г а б а ш в и л и.

Сирии только в христианских базиликах Гаурана более или менее широким слоем, т. е. в постройках арабского—по определению Генриха Глюка—происхождения, где абсида для христианского алтаря является искусственным придатком к органически выросшей архитектур-

ной форме¹. Зато в ряде других гауранских же базилик, именно, всецело примыкающих к заносным, римским художественным формам и имеющих, в частности, в языческом святилище (192 г. хр. эры) в Эс-Санамене развитой прообраз алтаря в форме полукруглой абсиды с камерами по сторонам ее², имеется эта вторая параллельная форма. Иное положение имеет место в Северной Сирии, являвшейся в христианскую эпоху районом господства эллинистических установок в искусстве (сообразно главенствовавшему слою населения): если троечастный алтарь в IV веке еще не является здесь типовым, то все-таки он с течением времени становится таковым и с V века боковые камеры по сторонам алтаря общеприняты³. Это членение является естественно подготовленным следствием эллинистических форм трехнефной, перекрытой деревянной крышей на стропилах, удлиненной базилики. Наличие, проявление „арабизма“ в некоторых IV века базиликах Северной Сирии сказывается—по Глюку—между прочим и в простом положении одного полукруга абсиды без пастофорий к корпусу здания⁴. И в памятниках Малой Азии намечается подобное раздвоение, но в ином хронологическом распределении. Прибрежные полосы Малой Азии, открытые эллинистическому влиянию, а где и прямо опорные пункты эллинизма, показывают преимущественное применение троечастного алтаря. В ранне-христианских же базиликах сердца Малой Азии, где подавляющее большинство построек не древнее V века, правилом является одна алтарная абсида, без пастофорий по сторонам⁵.

¹ Heinrich Glück, *Der Breit-und Langhausbau in Syrien*. Heidelberg 1916 (*Zeitschrift für Geschichte der Architektur*, Beiheft 14): Apsis, S. 27 ff., insbes. 33—35, 75 и таблица II, где дана сводка планов гауранских храмов. Таковы известны базилики Тафха (Vogüé, *La Syrie Centrale*, Paris 1865—77, t. I, pl. 17; H. C. Butler, *Architecture and other arts*, 1903, p. 408—411) и Шака (de Vogüé, pl. 18 et 22) и др. К сожалению, новейшие обобщающие работы, помертная работа H. C. Butler, *Early churches in Syria*, Princeton 1929 (изданная E. Baldwin Smith) и J. Strzygowsky, *L'art chrétien de Syrie*, Paris (Geuthner) 1930, мне недоступны.

² H. C. Butler посвятил связи этого Түчаион-а с христианским храмом специальную статью (*Revue archéologique*, 1906, II, p. 413—423), где отмечает местные черты. Также и H. Glück (с. 30—31) оттеняет в этом членении в Санамене проявление местных коренных тенденций, но ограничивает при этом широкое значение Санамена вне Гаурана.

³ H. Glück, с. 77—78, 34—35 и табл. III со сводкой планов из Северной Сирии.

⁴ Такова, напр., перестроенная, видимо из светской, базилика в Зебеде, относящая к IV веку (H. Glück, S. 46, 75 по H. C. Butler, p. 302, fig. 109).

⁵ Таковы прежде всего базилики Бинбиркиассе, впервые введенные в научный обиход в труде Стриговского, *Kleinasiens, ein Neuland der Kunstgeschichte*, Leipzig 1903; W. Ramsay and G. L. Bell, *The thousand and one churches*, 1909 (Бинбиркиассе №№ 1, 4, 5, 6, 7, 21, 15, 16, 25, 29, 42, 33, 34—pp. 43, 58 и 61, 64, 70 и 75, ad p. 89, ad p. 117, pp. 128, 138, 149, 150, ad p. 155, ad p. 167 и pp. 170, 182); C. Holzman, *Binbirkilisse* (1904).—Далее ряд других, см. H. Rott, *Kleinasiatische*

Если для древнейших примеров алтарей без пастофорий в базиликах IV и отчасти V веков объяснением является неразвитость христианского ритуала, то для дальнейшего времени, когда мы имеем уже массовое распространение пастофорий, отсутствие их в базиликах Малой Азии говорит об особенностях местной традиции. Что касается Месопотамии, то и здесь троючастный алтарь появляется в результате развития, а не сразу; впрочем трехнефные базилики, как архитектурная форма, чужды в основном всему району; троючастный алтарь в базиликах Месопотамии относят при этом за счет сирийского воздействия¹.

Что касается храмов Грузии и Армении, то выделение этих боковых помещений замечается сравнительно рано, но стойким и обязательным делается только в VI веке. Из крупных базилик примыкающей к Болнисскому Сиону группы, только в Цкаростави можно предполагать, что была одна выступавшая наружу абсида без пастофорий. Во всех же остальных пастофории на лицо и хорошо учтены во всей архитектурной композиции. Таково же положение и с большими трехнефными базиликами Армении перелома V и VI веков и последующего времени². Из них только одна развалина в Баш-Апаране не имеет пастофорий, но за то абсида выдается снаружи граненым пятигранныком³. Все дальнейшее развитие базиличного типа в Грузии и Армении неизменно культивировало троючастный алтарь.

Болнисский Сион особенно выделяется среди грузинских храмов тем, что алтарное помещение его является не вписанным в наружный прямоугольник, как это обычно в грузинских храмах, а выдается вперед мощным полукругом. Среди тысяч сохранившихся грузинских храмов только несколько единиц имеют полукруглые снаружи абсиды и затем еще десятка два — многогранные абсидальные выступы. В остальном же восточный фасад оформляется прямой стеной. Круглые снаружи абсиды мы знаем в Дманисском Сионе⁴, в трехцерковной базилике Denkmal, Leipzig 1908, S. 27. (Abb. 8: Döschembe в Писидии), S. 104 (Abb. 30: Eski Andaval в Каппадокии), S. 167 (Abb. 54: Panagia zu Göreme в Каппадокии), S. 287 (Abb. 106: Tüll в Каппадокии), S. 318 (Abb. 118: Aladja Jaila в Анкии 812 года); Miss G. L. Bell, Notes on journey through Cilicia and Lycæonia, in: *Revue archéologique*, Paris 1906, tome VIII, articles 4 et 5 : церкви Daouleh.

Для приморских же частей с эллинистическим, в частности сирийско-антиохийским влиянием, где базилики имеют троючастные алтарные членения, см. те же труды и затем S. Guyer und E. Herzfeld, *Meriamlik und Korykos*, Manchester 1930, особ. сс. 189—194; J. Keil und A. Wilhelm, *Denkmäler aus dem rauhen Kilikien*, Manchester 1931.

¹ C. M. Kaufmann, *Handbuch der christlichen Archäologie*, Paderborn 1922, S. 196.

² См. Strzygowski, *Die Baukunst der Armenier*, I, S. 144—158.

³ Там же, рис. 172 и 169 на с. 150 и 149. Стриговский называет ее „Кассак“.

⁴ См. план А. Н. Кальгина в *Album d'architecture géorgienne*, rédigé par M. Takaischwill, Tiflis 1924, pl. 36—37 и арх. Ц. Габашили в ст. о Дманисском Сионе в сборнике *შ. რუსთაველის ეროვნის მატერიალური კულტურა*, ივ. ჯავახიშვილის რედაქციით, ტფ. 1938, გვ. 364 (и 365).

Болнис-Капанакчи¹, в Метехской церкви в Тбилиси², затем в ряде церквей раннего средневековья в Абхазии и в примыкающих районах грузинской миссионерской деятельности на Северном Кавказе³, где имеем и многогранной формы абсиду, особенно распространенную в Мингрелии (напр., Нокалакеви⁴, Хоби, Коцхери, Цаленджиха). Многогранное обрамление снаружи абсидальных выступов мы имеем кроме того разрозненно в разных местах Грузии—в Эрүшетской базилике трехгранные выступы⁵, в Вачнадзианской купольной церкви пятигранные⁶, также в Гелати⁷, Шемокведи. Появление такой формы в Абхазии и Мингрелии, кажется, естественнее всего связывать с некоторым влиянием средневековой Византии; а в Гелати в свою очередь можно предполагать отражение Пидууды. В других разрозненных примерах, с IX века начиная, приходится выяснять конкретные индивидуальные моменты; как один из движущих творчеством моментов, здесь приходится по необходимости учитывать стремление к возможной подвижности и индивидуальности произведения. Остаются памятники заведомо относящиеся к древней эпохе, как Болнис-Капанакчи, Дманисский Сион, как выведенный с сохранением традиции на древнем основании Метехский храм в Тбилиси, в которых рамки творчества более жесткие и определенные. Совершенно несомненно, что в этих зданиях мы должны учитывать явление невыясненности, невыработанности своего типа и в связи с этим, конечно, притягательную силу чужих образцов. И действительно, если в Сирии тоже только единичные примеры показывают нам базилики с выступающими снаружи полукруглыми или многогранными абсидами⁸, то в Малой Азии, напротив того, такое решение является доминирующим и характеризующим страну⁹.

¹ См. мою статью в *Христ. Вост.*, т. V, Пгг. 1917, таб. XLVII.

² См. Grosset, *Voyage, Album*, pl. 25, исп. Муселовым.

³ См. *МАК*, IV.

⁴ См. мою ст. о Нокалакеви в *Bull. de l'Univ. de Tiflis*, 1928, и в моей *Истории груз. иск.*, I, 1936, с. 30.

⁵ *МАК*, XII, с. 69—70.

⁶ *Album d'architecture géorgienne*, 1924, pl. 65—68.

⁷ Д. И. Гримм, *Памятники византийской архитектуры в Грузии и Армении*, СПб. 1864, таб. Гелати.

⁸ Для Сирии см. выше цитованные в связи с вопросом о пастофориях сводки; в нашем случае особенно примечательна крупная базилика в Кальб-Лузе. В Джераше (древней Герасе) в Палестине христианские базилики строились—согласно характеристике акад. Н. П. Коидаква, *Путешествие по Сирии и Палестине*, СПб. 1904, с. 120, со ссылкой на фото-экспедиции за № 473 и 470—„по плану, принятому в IV веке, в три нефа с круглою абсидою, без нартекса, но с тремя входами без атриума“. Новейшие разрыскания Crowfoot-a (1929, 1931 гг.) подтверждают эти данные, как следует из передачи J. Ebersolt, *Monuments d'architecture byzantine*, Paris 1934, p. 135, notice 15. То же в коптских базиликах IV века в Абу-Мина.

⁹ См. вышеперечисленные (с. 125 прим. 5) примеры. А также еще Пергам,

Еще одна особенность плана привлекает к себе внимание в Болнисском Сионе. Это — отсутствие западного нартекса. Как известно, нартекс является по западному фасаду излюбленной формой в эллинистического типа базиликах Сирии¹; однако, с другой стороны, исследователи не оспаривают местного развития знаменитых башенных фасадов сирийских базилик, которые связываются с троючастными с запада нартексами². Аналогичное же положение отмечено и в Малой Азии, где также выделяются с боков двух- и даже трехэтажные башенные возвышения³. Однако, в самом выделении нартекса в сооружении без башенного западного фасада, как в Сирии, так и в Малой Азии исследователи склонны видеть скорее инспирированное эллинизмом, нежели коренное, местное явление⁴. Характерно, что и в других древних базиликах Грузии, а также Армении нартексов нет.

2. Как отмечено, помимо собственно трехнефной базилики в композицию Болнисского Сиона включены еще дополнительные помещения. Совершенно единичной особенностью плана его является южное закрытое помещение с двух абсидах, расположенных на восток и на запад. В этом, конечно, нельзя усмотреть примера одной из тех построек древнейшего времени, когда еще не установилась восточная ориентация алтаря; даже не говоря о том, что не имеем дело с постройкой, возведенной до середины V-го века, когда требование ориентации алтаря на восток приобретает характер обязательности, наличие в маленьком дополнительном помещении двух абсид одна против другой говорило бы против этого⁵. Поэтому-то приходится предполагать здесь

Приена, Нотиион, древняя ц. св. Софии в Никеи, Сагалассос (J. Ebersolt, там же, справки в notice 24, p. 137), Андавадь (Rott, p. 103), Тапурели снадисеями IV и V веков (Keil und Wilhelm, S. 95—96, Abb. 123; S. 97—98).

Что касается Западной Европы, то древнейшие базилики Рима, а также Равенны и др., как правило, имели абсиды, полукругом выступающие перед стеной, и не имели пастофорий (Fr. Wachsmuth; *Der Raum*, II, Marburg 1935, S. 48—52, 151 ff.; 130—131, 132); даже в Константинополе на Hebdomone была базилика с полукругло-выступающей абсидой, которую J. Ebersolt считает построенной или Юстинианом церковью св. Федота, или Константином—Иоанна евангелиста (там же, с. 134, notice 9).

¹ Glück, 83; H. W. Beyer, *Der syrische Kirchenbau*, Berlin 1925, 156.

² Glück, 83—84; Beyer, 148—153.

³ S. Guyer, *Die Bedeutung der christlichen Baukunst des inneren Kleinasien für die allgemeine Kunstgeschichte* (*Bug. Zt.*, Bd. XXXIII, 1933), S. 81; 326—327. Впрочем ср. Strzygowski, *Kleinasien*, 1903, S. 21—22.

⁴ Glück, 83; Beyer, 156. По замечанию Фр. Вахтсмута (*Der Raum*, II, 1935, S. 49) в Западной Европе древне-христианские базилики не знают, правда, как правило, нартекса, но за то его заменяет галерея атриума.

⁵ Carl Schnaase, *Geschichte der bildenden Künste*, III, 1869, S. 45—47; Strzygowski, *Kleinasien*, p. 183—184, 217; Кондаков, *Археологическое путешествие по Сирии и Палестине*, СПб. 1904, с. 203 (ср. A. Heisenberg, *Grabeskirche*, 1903, с его

какое-то специальное назначение всего помещения. Действительно, этот архитектурный мотив притвора о двух абсидах имеет несколько параллелей в мировой архитектуре, и, именно, V-го века. Так в Белом монастыре близ Сохага¹, между октогоном-капеллою св. Аквилино и самой церковью св. Лоренцо в Милане и в Латеранском баптистерии², в церкви св. Констанции в Риме, св. Виталия в Равенне³, Гюль-бахча близ Смирны⁴ и др. мы встречаем такие небольшие прямоугольные помещения с двумя абсидами друг против друга. Назначение этих помещений тоже не установлено. Возможно, что некоторые из них могли служить баптистериями так же, как такое предположение высказал акад. Я. И. Смирнов относительно Болнисского Сиона. На эту же мысль наводят и некоторые другие аналогии, как-то: конха с глубокой, выложенной из камня (сколько можно утверждать) купелью, находящейся в восточном конце открытой южной колоннады Ереверуйской базилики в Армении и, повидимому, аналогичная наружная ниша малой Талинской церкви⁵. В первые века распространения христианства баптистерии

реконструкцией восточного направления Константиновой базилики): M. de Vogüé, *Syrie Centrale*, t. I, pl. 19 и текст p. 59 (залинистическая базилика IV-го века в Кеннавате, ориентированная на юг). В вопросе о двух алтарных абсидах специальная литература касается только Западной Европы и не освещает нашего явления, ср. H. Holtzinger, *Beiträge zur Kunstgeschichte*, V: Über den Ursprung und die Bedeutung der Doppelchöre, Leipzig 1881; G. Dehio, *Die kirchliche Baukunst des Abendlandes*, I, Stuttgart 1892, S. 167—174; H. Graf, *Neue Beiträge zur Entstehungsgeschichte der kreuzförmigen Basilika*, in: *Repertorium für Kunstwissenschaft*, Bd. XV, 1892, S. 2, 10—11, 12—13, 14, 15, 16, 94, 96—97, 98; Strzygowski, *Kleinasion*, S. 216—219.

¹ В. Г. Бок, *Материалы по археологии христианского Египта*, СПб. 1901, с. 49 (план) и с. 52, равно таб. XVIII; Somers Clarke, *Christian Antiquities in the Nile Valley*, Oxford 1912, pl. XLV, XLVIII, 1 и fig. 34.

² Притвор этот у обеих с южной стороны: Dehio und Bezold, *Die kirchliche Baukunst des Abendlandes*. Atlas, I, 1887. Так как октогон св. Аквилино упоминается в V веке, то и дваабсидное помещение здесь в V веке уже существовало (ср. Wachsmuth, *Der Raum*, II, 165 сл.).

³ Ныне отступает: C. Schnaase, *Geschichte der bildenden Künste*, III, 1869, S. 146 und Abb 35.

⁴ J. Strzygowski, *Kleinasion*, S. 48—49; G. Weber, *Basilika und Baptisterium in Gülbagsche* (*Byz. Z.*, Bd. X, 1901, S. 568 ff.). Стриговский перечисляет еще большую церковь в Афродизасе и Неа-мони на Хиосе. Последняя, однако, также, как и Будрун-джами в Константинополе, относятся к позднему времени и, очевидно, в числе иных только реципированных элементов древности воспроизвели дваабсидное помещение.

⁵ Strzygowski, *Baukunst der Armenier*, I, Abb. 189, S. 161. Возможно, что такое устройство имеем в грузинской церкви древней эпохи в Иси, Тордумского ущелья (см. Каталог выставки грузинской архитектуры, 1920, с. 6, № 22).

Стриговский, останавливаясь на этих наружных нишах Ереверуя и т. д. (ц. с., с. 378), отмечает, что они северо-месопотамского происхождения и служили для служб в будни.

были редки; „было,—как говорит де-Вогюэ,—только по одному на епископию; обычай сохранял за епископом наблюдение за таинством крещения. Только в течение VI-го века начинает увеличиваться число этих зданий“¹. Таким образом, высказанное Я. И. Смирновым объяснение двуабсидного помещения в Болнисском Сионе находит поддержку в этих общих условиях. При рассмотрении вопросов эволюции грузинской архитектуры данное явление приобретает чрезвычайный интерес в художественном смысле.

3. Двуабсидный баптистерий занимает по длине южного фронта базилики только половину его протяжения. Архитектор заполнил другую половину своеобразным портиком с двойной входной аркой, расположенной в центре всего этого фронта базилики.

По северному фронту здесь помещена большая галерея, имевшая, как было установлено при описании остатков ее и на основании результатов раскопок и расчистки, пять наружных арочных проемов и абсиду в восточном конце. Сообщалась эта галерея с базиликой двумя большими дверьми. Назначение этой галереи (а может быть и южного портика также) заключается, вероятно, в требовании церкви о выходе из здания в известные моменты богослужения подготавливавшихся, еще не принятых в члены общины крещением, а лишь примыкавших, так назыв. „оглашенных“, о чем громогласно возвещалось во-всеуслышание: это тоже входило в состав богослужения, как один из актов ритуала². Это назначение приходится предполагать, ввиду того, что именно для этих целей в ту раннюю эпоху христианства, когда было еще значительное число переходивших в христианство взрослых, создавались так называемые нартексы с западной стороны храмов, которые, с тех пор начиная, удержались в большинстве храмов также и последующего времени, как архитектурная форма. В Болнисском же Сионе такого нартекса с запада не было, и это является несомненно особенностью его, характерной также и для местного типа базилик в Малой Азии и в Сирии IV и V веков. Вот почему естественно предполагать, что галереи по северному и южному фасадам выполняли названное назначение западных нартексов. Наша северная галерея

¹ Syrie Centrale, I, p. 132. Cp. H. Leclercq, s. v. Baptistère, in: Cabrol, Dictionnaire d'archéologie chr. et de liturgie, t. II, 1, col. 390—391, 398 et note 5. Действительно, как известно, при ряде древних и—по значению—центральных сооружений существовали баптистерии: в базилике св. Петра в Риме, напр., баптистерий находился в южном конце трансепта, у св. Софии в Константинополе был с южной стороны, аналогично в святилище Абу Мина, при базиликах в Тебесса, в Рувехе, в Тире и т. д.

² Впрочем Н. W. Beyer, с. 33 (со ссылкой на исследование Ed. Schwartz, Bussstufen und Katechumenatsklassen, 1911), как и Вахтсмут (Der Raum, Bd. II, 72), оттеняет, что на Востоке раньше отказались от разделения оглашенных и крещеных, полноценных членов общины.

служила кроме того, конечно, приделом для некоторых треб и, вероятно, также дополнительным помещением для отдыха и пребывания между службами. Что касается самой архитектурной формы таких галерей, то аналогию им находим по продольным фасадам некоторых сирийских базилик, в которых при этом также нет нартекса с запада¹. Развитие всего этого архитектурного мотива наружных колоннад по продольным, северному и южному, фасадам базилик Сирии и Кавказа (автору известен один пример Ереруйка), Ф. В. Биссинг возводит, как и само базиликальное сочетание масс здания в так назыв. им „башенных“ базиликах Востока, к иранским дворцам ахеменидской эпохи в Пасаргадах и в Персеполе, которым подражали-де наместники отдельных провинций, создав нечто в роде традиции². Из грузинских базилик той же эпохи, что и Болнисский Сион, открытая аркада охватывала по трем фасадам Цкароставскую базилику в Джавахетии³ и до некоторой степени в Уриатубани в Кахетии⁴, и в Армении колоннады тянулись по продольным фасадам Ереруйской и—предположительно—Текорской базилик⁵, а также купольной церкви в Узунларе⁶.

¹ Серджила, датируемая на конец IV века, с галереями по северному и южному фасадам; Срир-капелла близ Сердзблех, датируемая около 470 года, с галереей по южному фасаду; Дар-Симан—капелла южного монастыря с галереей с южной стороны (Н. С. Butler, II, В, ill. 132 и pl. XII; ill. 231, p. 229; ill. 285, p. 269); Дар Кита—церковь св. Сергия с датой 537 года, имевшая колоннаду с южной стороны; четвертая церковь в Иль-Андерие с колоннадой с двух сторон; далее заальная церковь в Нурийе с колоннадой по южной стороне и маленькая церковь Кефр Финше VI века с колоннадами по трем фасадам (Butler, II, В, 4, p. 185, ill. 191; В, 2, p. 58, ill. 51; Am. Exp., p. 91—92, fig. 30; p. 236, fig. 95) и известные давно, еще по публикации М. де Вогуэ, t. II, pl. 59 и p. 99—100; pl. 149 и pl. 137) Хирбит Хасс с открытым портиком с юга и запада большой церкви, базилика при баптистерии в Калат-Симане с колоннадой по северной и южной сторонам и Бехио с южной колоннадой. См. еще *passim* в книге Р. J. Mattern, *A travers les villes mortes de Haute Syrie (Melanges de l'Université St. Joseph, Beyrouth, t. XVII, fasc. 1)*, Beyrouth 1933. Наличие такой же галереи по южному фасаду базилики св. Феклы в Мериамлик (Киликия) С. Гуйэр относит за счет сирийских связей (Meriamlik und Korykos, 1930, S. 190); он датирует ее 460-ми или 470-ми годами (с. 32), а Вахтсмут (II, 82)—VI веком.

² F. W. von Bissing, *Der persische Palast und die Turmbasilika*, in: *Studien zur Kunst des Ostens*, (J. Strzygowski-Festschrift), Wien 1923, S. 4—57.

³ МАК, XII, таб. IX; История груз. искусства, I, Т. 1936, с. 34 и рис. 17 (по груз.).

⁴ Там же, I, с. 34 и рис. 21—24.

⁵ J. Strzygowski, *Die Baukunst der Armenier*, I, рис. 177 и 183; рис. 383, 388—389. По имеющимся данным, м. б., и на базилике в Апаране были галереи (Н. Я. Марр, Новые данные о базиликах Ереруйского типа, ЗВО РАО, XIX, 1909, с. 064—068; а также Алишан, Айратат, с. 250 сл. (по-арм.), которого цитует Стриговский).

⁶ G. Tschubinashwili, *Georgische Baukunst*, Bd. II, Тбилиси 1934, с. 69, 72—74 и рис. 39 и 41; приблизительные план и разрез были впервые опубликованы Д. И. Гриммом, Памятники архитектуры в Грузии и Армении, СПб. 1864 (повто-

На примерах средневековой архитектуры в Грузии и вне ее я здесь не останавливаюсь, так как подходы ее совершенно иные¹.

3. Оформление внутреннего пространства

Болнисский Сион представляет собой сложный организм, что в полной мере выявляется внутри его. Мы имеем четыре основных единицы его внутреннего пространства. Однако эти четыре единицы не равноценны. Трехнефная базилика является главным и основным элементом в здании и в архитектурной композиции; с ним связана, правда, северная галерея—она дополнительное к базилике пространство, которое однако имеет совершенно самостоятельное значение не только портика, но также и придела; другое аналогично связанное с базиликой пространство—это южный портик, но и он одновременно несет четкую самостоятельную функцию портика, так что связанность его с базиликой в пространственном отношении также не может быть выражена совершенно определенно. Наконец, баптистерий является совершенно обособленной пространственной единицей, но, конечно, второстепенного значения и назначения.

1. В оформлении внутреннего пространства трехнефной базилики Болнисского Сиона прежде всего внимание привлекают пять пар столбов, делящих его, именно, на три нефа. Столбы эти имеют в сечении четко выявленную форму квадрата с приложенной к каждой его стороне пилястрой, то есть крестообразную форму². Каждая пилястра завершается импостом в форме слабого наклона выкружки (рис. 87). А весь столб имеет общую высокую базу (до 0,80 м), при чем отдельные базы представляют легкие вариации по профилю и даже не все одной высоты³.

рены у Стриговского, рис. 208 и 207, с. 177 и 176); Rivoira, *Architettura Musulmana*, Milano 1914, с. 211 (общий вид), а также G. Millet, *L'école grecque*, P. 1916, fig. 34.

¹ Все равно будем-ли мы пытаться восстанавливать внешние аркады Мцхетского кафедрального собора (ср. И. А. Джавахишвили, *Термины искусств и др.*, ХВ, III, 1914, с. 27) или Алавердского, или остановим наше внимание на дворцовой архитектуре, как она рисуется согласно словам панегирика царя Давида Строителя (см. И. А. Джавахишвили, там-же).

² Эта же форма встречается в базилике св. Сергия в Рузафе и в базилике в Халабийя в Месопотамии, относимых к VI веку (см. Spanner und Guyer, *Rusafa*, Berlin 1926 и Sarre und Herzfeld, *Archäologische Reise im Euphrat- und Tigrisgebiet*, Band II, Berlin 1920, S. 370—372, Grundriss Abb. 353).

³ Ср. чертежи разрезов (рис. 4, 5, 6) и детали баз (рис. 86). Интересные параллели профилю баз столбов в Армении ср. в Текоре, Ширванджухе и в Егиварде (Стриговский, рис. 387, 159 А и 155 А).

Оттенено пространство алтаря в базилике резными капителями и резными базами приабсидных пилястр¹. Очевидно, мастер стремился подчеркнуть также направленность молящихся в сторону алтаря созданием, именно, здесь украшения в противовес остальным гладким капите-

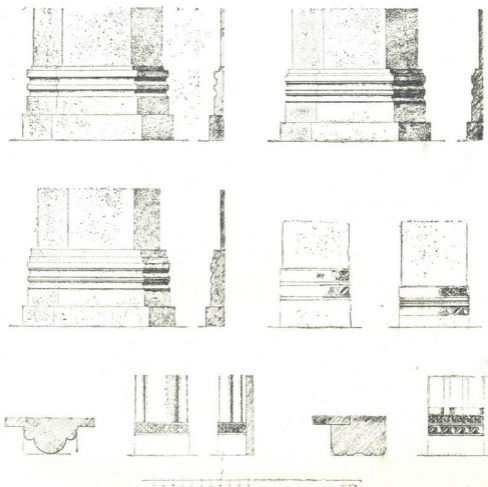

Рис. 86. Базы столбов и пилястр по обмеру

лям и базам. Это делается совершенно очевидным при сопоставлении с капителями пилястр в баптистерии, в северной галлерее и в портике, которые украшены резьбой. С другой стороны и базы пилястр по продольным стенам боковых нефов художник покрыл геометрическим орна-

¹ Базы раскрыты только при разборке позднего алтарного выступа. Резьба сильно попорчена.

ментом, резанным по прямым кубам этих баз, как ожерелья¹. Следовательно, он воспринимал украшение баз не как значительное, привлекающее внимание молящихся изображение, а только как делающее формы более приятными для восприятия. Характерно, что и все кресты на столбах даны с художественной прорисовкой форм, в обрамлениях и кое-где с дополнительной разделкой. Для понимания направленности, которую хотел дать молящимся художник, важно вспомнить, что они вырезаны на западных плоскостях пиластр; т. е. смотрящий на крест вместе с тем был обращен в сторону алтаря.

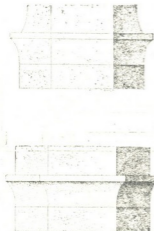

Рис. 87. Импосты арок на столбах по обмеру.

2. Все арки Болнисского Сиона, как связывающие между собой столбы трехнефной базилики, так и со стенами, а равно арки в остальных помещениях, были подковообразной формы². В истории архитектуры подковообразная форма арки появляется только в христианскую эпоху и преимущественно же в христианских зданиях³. Совершенно несомненно, что основным моментом в применении ее является чрезвычайная, подчеркнутая, повышенная декоративность этой формы арки. Действительно, такое значение ее и характер особенно явственно проступает при сравнении сквозных подковообразных арочных пролетов поверх горизонтальных дверных перемычек, какие мы имеем в Болнисском Сионе, с полуциркулярными арками над перемычками в большом числе сирийских построек. Если сильный свободный контур первых повышает, подчеркивает размах проема, то во втором случае арки только-только говорят о своем утилитарном значении разгрузки.

— Не останавливаясь подробнее на обзоре тех памятников, в которых применяется подковообразная форма, ибо она пользуется особенно большой излюбленностью в древних архитектурных памятниках Кахетии, в связи с которыми естественнее рассмотрение этого вопроса, я считаю нужным только оттенить применение ее в структурном виде в памятниках Месопотамии, Сирии, Ирана и Малой Азии того же

¹ Ср. табл. VIII внизу и рис. 86.

² Деталь сохранившейся такой арки в продольном направлении дана по обмеру (рис. 9), при чем выявлена и особая форма замкового камня. См. рис. 88 (по фото).

³ Sarre und Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, Berlin 1910, S. 235.

времени, что и Болнисский Сион, а также примыкающих к нему веков. Исследователи, как Стриговский, Герцфельд, Гуйэр, Глюк, пытались высказывать при этом свое мнение о „происхождении“ этой формы арки из того или иного района, но никакой убедительностью эти утверждения не отличаются. При этом нельзя не отметить, что та

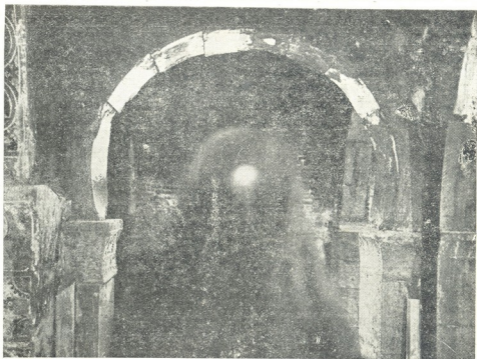

Рис. 88. Одна из подковообразных арок в фронтальном снимке.

же форма подковы в арке, но при этом исключительно декоративной, а не конструктивной арки, как, напр., ложные арки на каменных стенах, встречаются с первых же веков нашей эры на двух противоположных концах европейско-азиатского культурного мира — в Риме и в Индии.

Как упомянуто, подковообразная арка известна нам сегодня в значительном количестве архитектурных памятников древней Грузии. Известна она также и в древней Армении. В Грузии она встречается, начиная с древнейших сохранившихся памятников IV века, параллельно с полуциркулярной аркой и так применяется до IX—X веков. Не безынтересно отметить, что она применена и в ряде памятников примыкающей к Болнисскому Сиону группы крупных базилик, как Цкаростави,

Хашми, Уриатубани, Урбниси, так называемая Анчисхатская базилика в Тбилиси. В Армении также арки имеют подковообразную форму в крупных базиликах в Ереване, Апаране, Аштараке¹. К началу зрелого средневековья подковообразная арка и в Грузии и в Армении постепенно исчезает. Акад. Н. Я. Марр в связи с этим как раз и подчеркивал, что подковообразная арка пользовалась здесь применением до арабов, а при арабах, которые—как известно—прославились применением ее и доведением всех структурных линий ее до чисто декоративных, она почетом не пользуется².

В Болнисском Сионе подковообразная форма арки характеризует как абсидальные арки, так и арки, соединяющие столбы, а равно подпружные арки здания и арки дверные (окна не сохранили первоначальных форм); т. е. всюду, где применена арочная форма, видная зрителю и подчеркивающая, выявляющая архитектурную композицию, всюду она дана в форме подковы, т. е. очерчивает больше, чем половину круга. Архитектор расценивал, иначе говоря, художественный эффект этой формы. А потому всюду, где получалось две или более подковообразных арок вряд, он их ставил на таком расстоянии друг от друга, чтобы не получилось впечатление игры благодаря тонкости массива между ними. Врезывание закругления в толщу стены нигде не делает ее жидкой, неустойчивой или же только декорацией, а напротив того подчеркивает мощь всей композиции, всего здания силой и свободой размаха арок³.

3. Все пространство трех нефов базилики, четко контурированное в высь раздвигающими и подымающими границы пространства арками подковообразной формы, имело сводчатые перекрытия. Наиболее вероятной формой этих перекрытий представляется коробовый свод для среднего нефа и полукоробы сводов для боковых⁴. Возможно было бы сконструировать и крестовые перекрытия, но по времени постройки и по распространенности форм сводов в Грузии, я не считаю такое предположение вероятным. Напротив того остатки древнего свода в южном портике и в баптистерии⁵, выполненные как коробовые своды, ясно поддерживают высказанное предположение о формах свода базилики. В создании пространства эти своды, именно, сочетание

¹ Ср. Strzygowski, Die Baukunst der Armenier, Abb. 166, 170, 171, 181, 182 183 и др.

² Н. Я. Марр, По поводу работы архитектора Т. Тороманяна, О древнейших формах эчмиадзинского храма (*Записки Вост. в. РАО*, т. XIX), СПб. 1909, с. 057.

³ Ср. продольный разрез (рис. 4) и общий вид искаженного двуарочного южного входа (рис. 40).

⁴ Ср. аксонометрический разрез (рис. 85).

⁵ Ср. разрезы (рис. 5 и 6) и детали на рис. 17 (и 16).

со средним коробовым на подпружных арках сводом полукоробовых сводов, подходящих над каждым боковым нефом к пяте свода среднего нефа, образуют плавное замыкание пространства от самых стен, а не от линии столбов. Таким образом архитектор хочет, думает подчеркнуть связь боковых нефов со средним и в отношении пространственного восприятия. Между тем, конечно, в базилике это реально, т. е. зрительно, не до-

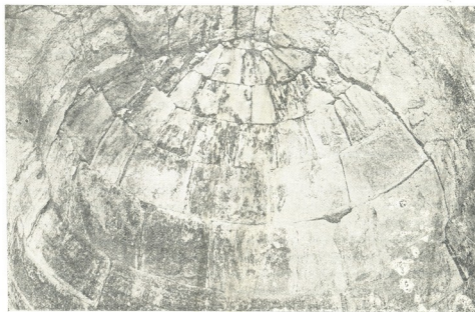

Рис. 89. Конха в абсиде северной галлерей.

стигается—тем более, имея четкое смыкание, переход от вертикальности стен или столбов к сводам, да еще на подковообразной, т. е. особенно выявленной арочной форме. Таким образом, здесь проявилась недооценка реальных базилических форм пространства архитектором в силу его привычки, традиционности мыслить архитектурное пространство в иных формах, чего коснемся подробнее ниже.

По работе кладки абсид и абсидальных конх в северном приделе и в баптистерии можем мы представлять и кладку древних сводов базилики¹. Конха выложена четкими проходящими рядами кладки из специально нарезанных квадров и замыкается в вершине свода камнями особой формы². Подобно этому и своды всех трех нефов бази-

¹ См. рис. 89 и 16.

² Ср. разрез на восток (рис. 5).

лики должны были быть выложены ровными рядами квадров, создавая четкий рисунок. Это утверждение подтверждает остаток древнего свода в южном портике.

4. Намеченной системе и формам перекрытий трех нефов базилики отвечает наличие общей двускатной крыши базиличной части Болнисского Сиона: подымающаяся линия перекрытий идет в одну общую линию и служит основанием для общей крыши. Таким образом, в Болнисском Сионе нет поперек арок, соединяющих продольные ряды столбов, возвышающихся стен, в которых бы находились окна для освещения среднего нефа базилики. Но и устройство сводов в форме полукороба над боковыми нефами говорит за то, что и в боковых нефках не было никаких окон по продольной линии, так как в вертикальных стенах для них нет места из-за примыкания галереи, баптистерия и портика. В сводах же грузинские архитектора древнего и средневекового периода никогда окон не делали, но и независимо от этого при отсутствии освещенности среднего нефа полосой окон с юга и севера, конечно, совершенно немислимо предположить такую освещенность боковых¹.

Мы имеем таким образом типичную для древнейшего времени разновидность оформления внутреннего пространства древне-христианской базилики, которая особенно часто встречается в базиликах IV и V вв. центральной Малой Азии, а отдельными примерами также и в Сирии и др. Как это ярко выявил Габриэль Милле на основании данных и разысканий Мисс Гертруд Белл и Стриговского, характерными чертами древних („восточных“) базилик Малой Азии, особенно четко отличающимися их от эллинистических базилик, являются сводчатое перекрытие, отсутствие окон в продольных стенах и нечувствительная разница в высоте среднего против боковых нефов (под общей двускатной кровлей)². Примерами таких базилик являются две впервые обследо-

¹ Теперешние окна в реставрированных в XVII-ом веке сводах наглядно показывают, как эта поздняя эпоха, привлекая, вероятно, мало квалифицированного руководителя работ, не поняла системы освещения. Благодаря окнам достигли не освещенности хотя бы боковых нефов, а просто ослепления входящих внутрь здания из отдельных оконных точек, мешающих спокойно созерцать и воспринимать архитектурное пространство здания.

² G. Millet, *L'école grecque dans l'architecture byzantine*, Paris 1916 (Bibliothèque d'École des Hautes Etudes, vol. XXVI), p. 16—17. Strzykowski, *Die Baukunst der Armenien*, 1918, S. 152, 789, трактует это явление, как параллель к собственно базиличной, т. е. с повышенным средним нефом, форме и называет „Hallenkirche“, применяя термин из поздней готической архитектуры. J. Ebersolt, *Monuments d'architecture byzantine*, 1934, p. 15. Совокупностью этих черт, которые выделал Милле, характеризуются именно древнейшие базилики IV и V веков. Все же приводимые им последние, и скорее даже поздние, „отзвуки“ или „отражения“ в нескольких отдельных

ванные Я. И. Смирновым базилики в Бинбиркилисе (№№ VI и XV)¹, Маден-даг² и Трапезунд³; однако другие подобные имеют или хоры над боковыми нефами, или все-таки известный уступ стен⁴. Из обзора примеров ясно, что это одна из древних разновидностей, сравнительно рано уступившая место типичному контуру базилики—именно к началу VI-го века.

Освещена базилика была, как было установлено при описании, только окнами с востока и запада, т. е. в каждом нефе могло быть только по одному окну с восточной и западной сторон. К сожалению, ни одно из существующих окон базилики не представляет древних, первоначальных форм—окна уменьшены, искажены в формах или переложены совершенно заново. Как видно по остаткам, первоначальное алтарное окно было значительно шире теперешнего; если только от средней оси дополнить протяжение его на север, получаем увеличение на одну треть, т. е. получаем окно до 1,20 м ширины. Но остается нерешенным, насколько длиннее было окно вниз,—очевидно, не менее одного (узкого) теперешнего ряда кладки, или до 1,30 м высотой. Можно полагать при этом, что это широкое алтарное окно было поделено на три части колонками, воспроизведение чего еще переживало в одной колонке суженного проема эпохи поздней реставрации храма⁵. Что окна были большие—широкие и длинные—подсказывает переделка восточного окна в южном нефе и тоже, как будто, намечает контур кирпичной закладки в восточной стене северного нефа изнутри. Подобно восточным окнам нужно реконструировать и окна с запада; они должны были давать много света, ибо это были единственные прямые источники света в громадном пространстве трех нефов базилики. Парал-

памятниках средневековой Армении, Грузии, на Кипре и Балканах, в Греции и во Франции (Auvergne и Poitou) можно только условно связывать с начальными, ибо повышение среднего нефа прививается очень скоро и соответственно прорезывается окнами. Стриговский (Kleinasien, 179, 43) подчеркивал этот момент даже как характерное, прогрессивное явление для базилик Малой Азии и Сирии.

¹ Strzygowski, Kleinasien, pp. 15, 16, 58—61, 64—65; W. Ramsay and G. L. Bell, The thousand and one churches, 1909, p. 59, fig. 19, 20; p. 140, fig. 105—106; p. 130, 308—310; S. Guyer (Die Bedeutung der christlichen Baukunst des inneren Kleinasien für die allgemeine Kunstgeschichte, Вух. Зв., [Bd. XXXIII, 1933, S. 80) оттеняет, что в центральной Малой Азии только некоторые крупные церкви—базилики с окнами в верхних стенах (именно по Ramsay-Bell, № 1, и 6. м. также 3, 6, 7, 21 и 31), вся же остальная масса—не освещенные с боков „Hallenkirchen“.

² Ramsay and Bell, p. 259, фиг. 223.

³ Millet, p. 39, n. 5.

⁴ Таковы цитуемые Милла—Бинбиркилисе № II, IV, V, XVI (по Стриговскому и Рамзай-Белл), далее Андаваьл (Стриговский, 67; Ротт 106); или базилика Студия в Константинополе и др. (Ср. ниже с. 148—149).

⁵ См. рис. 33 и фото Ермакова № 18149.

дели к предположенной форме главных, восточного и западного, окон мы имеем в двойных и тройных окнах древних храмов Сирии и Малой Азии, которые встречаются довольно часто в древнюю эпоху¹. Особенно важно отметить, что и в Армении имеем на западном фасаде Ереруйской базилики тройное поделенное окно², а в Аштаракской базилике и однефной церкви в Ширванджухе—двойное³. Что оно было не чуждо Грузии, мне кажется, на это определенно указывает применение его еще и в начале средних веков—в трапезной IX века Опизского монастыря с западной стороны⁴; во внутренних проемах хор Мцхетского и Кутаисского соборов, в Ишханском храме. Характерно и в этой архитектурной детали, что основным набором примеров она падает на раннюю эпоху, главным образом на V-ый век.

5. Незначительная сравнительно освещенность трех нефов базилики окнами естественно заставляет рассматривать дверные проемы, как дополнительные источники света. Обе двери на север в северную галерею представляют собой широкие и высокие проходы, которые поверх мощных каменных горизонтальных перемычек имеют еще сквозные подковообразные люнеты⁵. Таким образом, увеличено количество света, поступающего из находившейся перед этими дверьми галереи, прорезанной пятью большими наружными арочными проемами. Но мы уже выяснили, что северный неф базилики был местом стояния знати, а, следо-

¹ Ср. Strzygowski, *Kleinasiens*; H. Rott, *Kleinasiatische Denkmäler*, Abb. 65, S. 193, (Skupi), Abb. 31, S. 106 (Andaval), Abb. 8, S. 27 (Döschembe); и особенно Ramsay a. Bell, fig. 120—122, p. 158—9; а также fig. 134—5, p. 170; fig. 206, p. 247; fig. 219—21, p. 264—5 и другие (№№ 31, 33, Махалеч, Маден-дар); E. Herzfeld und S. Guyer, *Meriamlik und Korykos*, Manchester 1930 (базилика Фелмы в Мериамлике и кладбищенская церковь extra muros в Корикоце); J. Keil und A. Wilhelm, *Denkmäler aus dem rauhen Kilikien*, Manchester 1931, Tfl. 20; Abb. 62, S. 38; Tfl. 45, Abb. 148, S. 119; Abb. 68, S. 49; Taf. 39); A. C. Headlam, *Ecclesiastical sites in Isauria* (*Journal of Hellenic Studies*, Supplement, 1892); H. Spanner und S. Guyer, *Rusafa*, Berlin 1926 (базилика св. Сергия); в своей обзорной статье о памятниках сердца Малой Азии С. Гуйер (*Вуз. Зт.*, XXXIII, 1933, с. 80) оттеняет, что в ряде церквей (по Рамзай-Белл №№ 4, 5, 31, 33, 34 и Маден-дар), „которые может быть несколько моложе“ V-го века вместо двух и трех отдельных окон появляется одно двойное окно, разделенное столбиком.

M. de Vogüé, *Syrie Centrale*; H. C. Butler, *Syria*, Publications of the Princeton University Archaeological Expedition to Syria, Leyden 1909—1920, II, B, pl. XVI (Рувеха); III, 205, 222, 282, 290—292, 338, 382—383—тройное окно; III, 230, 340, 358 и pl. XXVI, 385—386, 391—двойное окно; H. C. Butler, *Am. Exp.*, fig. p. 144: Мшаббак—двойное окно; P. J. Mattern, *A travers les villes mortes de Haute Syrie*, Beyrouth 1933, *passim*.

² Strzygowski, *Baukunst der Armenier*, Abb. 179 и 181, S. 155—156.

³ Там же, рис. 168, с. 148 и рис. 159, с. 142.

⁴ МАК, III, табл. XXXII.

⁵ См. рис. 22, 23, 24 и 13.

вательно эта большая освещенность стоявших внутри подчеркивалась, специальные проходы для знати отделялись более пышно, наконец, галерея, куда должны были временно удаляться „оглашенные“, тем самым связывалась с самой базиликой.

Южная дверь из портика, как общяя дверь для входа всех слоев населения и как связанная с южным нефом базилики, являвшимся в противовес северному, вероятно, местом стояния остальных молящихся, обработана просто, она размерами меньше и ниже северных, хотя света, конечно, могла пропускать—южного солнца—более ярко и ослепительно, чем северные. Вторая же южная дверь ведет из церкви в баптистерий, очень скудно освещенный вообще¹; таким образом, эта вторая дверь в общем световом освещении базилики не играет никакого значения, не дает никакого пятна².

Обе эти южные двери базилики также, как северные, имеют над горизонтальными перемычками разгрузное отверстие—оно здесь в виде узкой щели над громадными цельными камнями. Над перемычками же северных дверей это большие, широко раскрытые благодаря своей подковообразной форме арки. Такая форма дверей в общем является, конечно, редкой. Примеры ее мы имеем однако уже во II веке нашей эры в дохристианских памятниках Сирии³, при Диоклетиане они применены в его дворце в Сплитте (Спалато) в Далмации⁴ и на Константинопольских Золотых Воротах⁵. В последующие века мы встречаем их в христианских храмах помимо сирийских и палестинских построек⁶, также

¹ Даже если удастся доказать, что он имел кроме восточного еще и южное окно.

² Это заметно даже на фотографиях (ср. рис. 8).

³ Храм Атиль в Гауране 151 в. (Butler, p. 345, фиг. 121); Хуср Сулейман 170 года (Strzykowski, Kleinasien, 164), Кайсария в Шапка III-го века (Butler, p. 371; Н. Кондаков, Археологическое путешествие по Сирии и Палестине, СПб. 1904, рис. 10 на с. 83; Vogüé, pl. 9); башня в Темерке, конца III—начала IV в. и Одеон в Аммане (Butler, II, В, ill. 9, p. 12; II, А, ill. 35).

Точно также в синагогах античной эпохи в Палестине: Н. Kohl и C. Watzinger, Antike Synagogen in Galiläa, Leipzig 1916 (Wiss. Veröffentlichungen der Deut. Orient-Gesellschaft), Taf. XIII und Abb. 180, S. 94; Abb. 166 и 251, а также стр. 161—162.

⁴ Kowalczyk, Palastarchitektur in Dalmatien, 1912; Rivoira, Origini della Architettura lombarda, Milano 1908, fig. 117; Strzykowski, Amida, S. 287 (рис. 233), O. Wulff, Die Koimesiskirche in Nicäa, 1903, S. 150; Ch. Diehl, Manuel d'art byzantin 1910, p. 106, fig. 44.

⁵ O. Wulff, 150; Ф. И. Успенский, История Византийской Империи, I, 1, табл. VI (по Гурантту).

⁶ Вогюэ, pl. 65, 140—141, 145, 150; 21 (и текст 62 к фиг. 3), 69, 119, 122—124, 132; Бултер, сс. 196, 216, 220, 225, 230; Бултер, II, В, илл. 3, с. 9, илл. 16, с. 18; илл. 45, с. 54; илл. 53 и 55, с. 60; илл. 166 и тбл. XV, XVI, илл. 210, с. 205, илл. 285, 287—289, 290, с. 272; илл. 300, 302 и тбл. XXIV; илл. 307, с. 287, илл. 356 (Иль-

в Малой Азии¹ и Месопотамии². Всюду здесь арки поднимаются над сплошной каменной балкой перемычки, как и в Болнисском Сионе. Кроме того отмечается, что такое устройство характерно было и для архитектуры северной Африки (Алжира), где арка полуциркулярная; наличие такого приема в алжирских раннехристианских храмах считается заимствованием из Сирии³. В Грузии оно известно кроме Болнисского Сиона только еще в так называемой Анчисхатской базилике того же периода в Тбилиси⁴. Характерно однако, что только редкие из этих примеров, напр., Низибисский баптистерий 359 года, имеют подковообразной, как и в Болнисском Сионе, формы сквозной люнет над балкой.

Приведенные примеры показывают широкое применение дверей этой формы, как в хронологическом разрезе (от II-го до VII-го века включительно), так и в национально-географическом. Но есть одно для них ограничение—это строительный материал. Только в постройках каменной квадратной кладки они находят применение. И только при подковообразной арке люнета они достигают художественной законченности.

6. Особый интерес и значение представляет отсутствие в Болнисском Сионе дверей с запада. Параллели из мировой истории искусства, которые удастся назвать для этого, ограничиваются несколькими примерами базилик Северной Сирии, падающих почти целиком на один

Андерин, Рувеха, Дер Симан, Калат Симан и др.); для круглого храма VI-го века в Босра см. кроме Бутлер, II, А., тбл. XVII, отчет о новейших разысканиях британской археологической школы в Иерусалиме (J. W. Crowfoot, Churches at Bosra and Samaria—Sebaste, *British School of Archaeology in Jerusalem*, Suppl. Paper 4, London 1937, pl. 1—II). Хорошие таблицы, изображающие Кальб-Лузе и Турмани даны J. Ebersolt, *Mon. d'arch. byz.*, pl. IV и V. Мон. св. Феодосия, под Иерусалимом (2-ой половины V века): Edm. Weigand, *Das Theodosioskloster*, in: *Byz. Zt.*, Bd. XXIII, 1914, Taf. I, Abb. 2 и 3. Церковь Иоанна Крестителя в Иерусалиме, IV или V века: Vincent et Abel, *Jérusalem*, t. II, fasc. 3, 1922, p. 663 et pl. LXV и LXIV.

¹ Рамзай и Белл, с. 261, 329, О. Вульф, с. 150, Мисс Г. А. Белл, *Revue Archéologique*, Paris 1906, т. VIII, с. 395, фиг. 5 и с. 399, фиг. 9.

² Sarre und Herzfeld, *Arch. Reise*, Bd. II, Abb. 317, S. 341 и 342 (баптистерий 359 года в Низибисе); Miss Bell, *Churches and Monasteries of the Tur-Abdin*, Heidelberg 1913 (Beiheft 9 zu *Zeitschrift für Geschichte der Architektur*), таб. XII, фиг. 1 (южная дверь базилики в Майафаркине); Spanner und Guyer, *Rusafa*, таб. 18 и с. 63—64; Miss Bell, in: *Amida*, с. 241, рис. 169, 170; Strzygowski, *Mschatta*, II, S. 239 и 240, Abb. 21 и 22; Bruno Schulz, *Mschatta*, I, с. 215; *Amida*, с. 305, 306—307.

³ Gsell, *Les Monuments Antiques de l'Algérie*, t. II, P. 1901, p. 133 с перечислением примеров в 7 примечаниях; см. тбл. LXXXIV и LXXXV (у с. 164).

⁴ Такова западная дверь (единственно древняя) в базилику, где люнет изнутри церкви закрыт пристроенным тонким нарощением стены. Сквозной люнет имеется также в Аванской купольной церкви в Армении (Strzygowski, II, Abb. 560).

период первой трети V века¹. А между тем отсутствие входа с запада, который для базилик всегда является главным и который решает, собственно говоря, само архитектурное восприятие, открывая ритмическое следование в базилике между рядами устоев, в корне изменяет установку. Мы натываемся и в этом пункте на какие-то коренным образом расходящиеся с восприятием базилик психологические установки грузина-архитектора. Отсутствие входа в корне меняет распределение молящихся в здании и его отдельных нефов; оно отрицает, откидывает дополнительный источник освещения базилики с западной стороны через вход. Из сохранившихся базиличных построек в Грузии это единственная, где бы не было входа с запада; но судя по тому, что есть целый ряд (ранних) так называемых трехцерковных базилик, которые не имеют входа с запада, а только с юга², и которые относятся к VI-му веку, естественно, видеть в этом приеме определенную художественную тенденцию.

Таким образом, в этом пункте мы вновь сталкиваемся с совершенно иной установкой, чем какую предполагает восприятие пространства базилики, т. е. удлиненного, с ритмическим следованием колонн или столбов от западного входа до алтарной абсиды трехнефного пространства здания³. Напротив того, мы опять можем уловить, что эта

¹ Таковыми являются постройки Маркиана Кириса—восточная церковь Бабиска 401 года, восточная церковь в Кседжбе 414—415 года и церковь Павла и Моисея в Дар Кита 418 года (Butler, 131—132, fig. 49 и II. В. 4, p. 163 sqq., pl. ad p. 164, ill. 177; Butler, II. В. 4, p. 159, ill. 170; Butler, 137, fig. 51 и II. В. 4, p. 179, ill. 186, 188; см. анализ и определение их связности: H. W. Wever, с. 39 сл., особ. 43 для хронологии). Кроме того, базилики конца IV-го века—в Баудэ 392 года, в Дальлозе, в западной церкви в Бакирха (Бейер, 89), в северной церкви в Банкуза и—по утверждению Бейера, с. 97—базилика Каср Иблису (с баптистерием 431 года), т. е. хронологически предшествующие постройкам Маркиана Кириса (Butler, II. В. 4, с. 162—163, илл. 174; с. 133, илл. 151; с. 196, илл. 201; Амер. Эксп., с. 88, фиг. 29; II. В. 2, с. 207, илл. 211) и, наконец, примеры конца V-го и начала VI-го века в Хирбит-ель-Хатиб 473—4 года и Хирбит-Хасан 507 года (Butler, II. В. 4, с. 203, илл. 207 и Амер. Эксп., 199, фиг. 78, а может быть также ц. троицы в Дар Кита, как условно отмечает Бутлер (II. В. 4, с. 187, илл. 194).

Затем, судя по снимку (и плану) в книге Стриговского об армянской архитектуре, не было входа с запада и в трехнефную базилику в Аштараке, которую он относит к середине VI-го века (рис. 168 на с. 148 и рис. 167), однако, в тексте он пишет о том, что м. б. откроется еще западная дверь с датирующей надписью (с. 146, прим. 4), а позднее даже прямо о заложенном западном входе (с. 394).

² Напр. Кондамини, Руиспири, Карданахи, Цинарехский Стефан, Павлиси, Болис-Капанакчи, Сагурамский „Касури“ Георгий, и др.

³ См. наилучшее выяснение этого в книге Aug. Schmarsow, Die Kompositionsgesetze in der Kunst des Mittelalters, I. Halbband, Leipzig 1915: Grundlegung, особ. с. 3—4, 55—56, 61—81 и 91—94.

установка, это художественное требование игнорирует, отбрасывает, м. б., не понимает, как таковое, грузин-архитектор. Вместо подчеркнутой продольной оси здания он стремится в длинном по природе своих форм здании затушевать, скрасить это восприятие продольности и по возможности разными средствами, частностями и мелочами содействовать симультанному восприятию всего пространства. Другими словами здесь подсознательная борьба двух различных тенденций—своей национальной, традиционно развивающей еще формы центрального пространственного восприятия, так сказать пространства с центральной вертикальной осью, и чужой и чуждой, но пропагандируемой и рекомендуемой представителями церкви в силу наличия на местах, отмеченных событиями из жизни и деятельности основателей христианской религии, храмов этой чуждой, именно, базиличной, формы.

7. Оформление пространства связанных с трехнефной базиликой остальных помещений, конечно, тоже обнаруживает совершенно определенный художественный подход со стороны архитектора. Как было уже отмечено, северная галерея является подчиненной базилике частью—и функционально, как предположено, и по соединению пространственных единиц посредством больших раскрытых дверных проемов. Прежде всего освещена была галерея; несомненно значительно ярче, чем базилика: из пяти равномерно расставленных, больших арочных пролетов лился свет и освещал галерею более или менее равномерно¹. Каждый такой арочный пролет представлял собой подковообразную арку на прямоугольных пилястровых устоях. По сохранившейся одной такой арке можно, кажется, с достаточной уверенностью утверждать, что как базы, так и капители были здесь украшены резьбой². Также и коробовый свод всей галереи подпирала подпружные арки подковообразной формы на полуколонках, имевших резные капители и резные базы. А в восточном конце галерея заканчивается абсидой, в которой пята конхи выступает вперед и покрыта орнаментальными резными полосами³. Т. е. в дополнение к алтарю трехнефной базилики здесь в галерее устроен придел с алтарем, придающий галерее кроме служебного, подчиненного значения портика, также и самостоятельную цель исполнения небольших служб второстепенного значения.

В абсиде северной галереи—единственной из всех абсидальных полукружий Болнисского Сиона—выделена пята конхи выступающей декорированной тягой. Несомненно, что художник хотел применением этого мотива украсить самый придел. Мотив такой отделки конхи и

¹ Понятно, таким образом, что надписи на перемычках дверей базилики сделаны со стороны галереи—они ярко освещались, как-бы просидясь на прочтение.

² Базы кубовой формы с геометрическим орнаментом одного типа и построения с таковыми северного и южного нефов базилики (табл. VI, VIII и рис. 86).

³ См. рис. 90.

абсиды был ему, очевидно, известен по памятникам Малой Азии и Сирии, где он встречается обильно и в IV, и в V веках, а также еще в VI и VII¹.

Форма полуколонн внутри северной галереи представляет собой соединение большой средней полуколонны (диаметром 35 см) с двумя малыми (диам. по 11 см) по бокам². Высота этих полуколонн, утверж-

денных на кубовой базе (60×30 см) равняется 3 м (а включая базу и капитель—4 м). Применение колони или полуколонн в грузинских храмах приходится считать редкостью. Если в средневековой архитектуре они стилистически вполне понятны, то в древней классической архитектуре Грузии применение их требует каж-

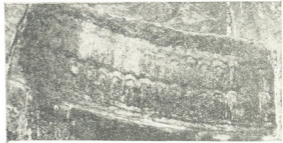

Рис. 90. Деталь декорированной тяги в абсиде северной галереи.

дый раз специальных разысканий для мотивации³. В таком же раннем памятнике ее, как Болнисский Сион, применение полуколонн, да еще с исключительно декоративными целями, может быть объяснено исключительно заимствованием. Однако, характерно, что такая комбинация полуколонн, как в Болнисском Сионе, остается без параллелей⁴. Но так как колонны в эту же эпоху достаточно распространены в залах

¹ Вител, III, р. 96, 103, 138—139, 141 (памятники IV века в Миджилейя, Рбеа, Дар Кита, Каср-иль-Бенат), рр. 143, 144, 147, 148, 149 (V века в Дана, Мшаб-бак, Коканайя, Серджиблэ, Кфер), рр. 187, 194, 223 (VI века в Калат Симан, Банкуза и Кальб-Лузэ); Ramsay and Bell, №№ 1, 4, 5, 31 и 34 (fig. 8, 19, 25, 120—121, 146, рр. 48, 58, 67, 158, 182); Rott, Abb. 10, 116, 124, SS. 33, 315, 331 (Адалия, Мукар и Миры Ливийские); Herzfeld und Guyer, Meriamlik und Korykos, Abb. 10 и 14, S. 11 и 14 (базилика св. Феклы в Мериамлик); Abb. 93—94, S. 100 (кафедральный собор в Корикосе), Abb. 141, 143, 145, 148, SS. 136, 138, 139, 141 (кладбищенская церковь extra muros там-же), Abb. 165, S. 156 (монастырский храм) и Abb. 191, S. 180 (юго-западная капелла в крепости Корикос); Keil und Wilhelm, Denkmäler des rauhen Kilikiens, Taf. 20 и 45 (Джамбазли и монастырская базилика севернее Корикоса).

² См. чертеж (рис. 86, внизу слева) и общий вид на табл. VIII внизу.

³ Напр., в Ишхани, Бана, Зегани, Некреси или из армянских памятников—в Звартноце.

⁴ К сожалению мы не знаем какую форму имели те колонны восьмиконховой залы дворца грузинского вельможи, о которых упомянуто в сирийском житии Петра Ивера (конца V-го века)—см. Petrus der Iberer, herausgegeben und übersetzt von R. Raabe, Leipzig 1895, S. 20; ср. И. А. Джавахишвили, Христ. Вост., т. III, 1914, с. 24.

10. Известия ИЯИМК, т. IX.

сассанидских дворцов, в христианских храмах Малой Азии, равно Сирии и Палестины, то—в связи с исканием формы для капителей, о чем сейчас подробнее—можно полагать, что для колонн художник мог пробовать свои комбинации.

Капители, находящиеся на полуколоннах северной галереи, имеют своеобразную форму: углы основного массива капители срезаны так, что образована новая треугольная поверхность, с основанием острого треугольника внизу¹. Такую же форму имеет, судя по описанию, капитель константиновой базилики в Андавале (Каппадокия)², нечто близкое известно и из южной церкви в Му'аллаке (VI—VII в.) в Сирии³. Интересно отметить, что эта, являющаяся, очевидно, продуктом искания, форма капители со срезанными описанным образом и украшенными листиками углами встречается в VIII-ом веке в Италии⁴.

Базы здесь имеют ту же форму куба, как и базы под пилястрами стен северного и южного нефов базилики. Узор геометрический также одного типа и построения узора⁵.

8. Южный портик по своему пространству выделяет кроме собственно портика, т. е. проходного, крытого, перед входом в храм пространства, западнее него еще соединенную с ним замкнутую часть. Таким образом, высказанное уже выше предположение, что мы имеем здесь аналогичное северной галерее пространство для „оглашенных“, нечто в роде нартекса, формами южного портика подсказано. Эта западная часть уже проходной передней; высота значительная, архитектурные детали уже известного порядка: подковообразная арка, пилястры, гладкие импосты и орнаментированные кубы баз под ними⁶.

Проходной же портик имеет снаружи двойной арочный проход—просторный и довольно высокий. Он дает много яркого солнечного света не только всему портику, но через дверь и в базилику. Освещенность громадной плиты каменной перемычки над входом была,—пожалуй, по примеру северных дверей—использована поновителем и украшателем храма для высекания здесь надписи⁷. Наружные арки портика, представляющие—по всем данным—если не главный, то как бы равноценный северной галерее, вход в храм, были особо украшены резными капителями. Так как они в первую очередь рассчита-

¹ См. табл. VII и VIII вверху.

² H. Rott, с. 103—104.

³ H. C. Butler, *Am. Exp.*, с. 306 (рис. 115).

⁴ Cattaneo, с. 98 (рис. 41) и 104 (рис. 47); Rivoira, *Orig.*, fig. 153—154, 182—3, 188—9, 241.

⁵ См. чертеж (рис. 86) и общий вид на табл. VII и VIII внизу.

⁶ См. рис. 17.

⁷ См. выше, 74—75 и 110.

ны на входящих, т. е. на выделение здания по фасаду, мы о них скажем ниже.

9. Баптистерий Болнисского Сиона представляет в отличие от северной галлерей и южного портика совершенно обособленное, самостоятельное помещение. Рассмотрение плана его показало особенность и наметило то пространственное решение, которое дал ему архитектор: это удлиненное пространство в почти 10 м длины и 3 м ширины, перекрытое коробовым сводом на подпружной арке посредине и с добавлением в обоих концах абсидальных полукружий, перекрытых конхами. Единственный вход ведет в баптистерий из базилики, а единственное окно освещает его с востока¹. Таким образом, получается совсем слабо освещенное, замкнутое и отгороженное от мира помещение, как и большинство сохранившихся баптистериев вообще. Конечно, от самого устройства купели в полу незаметно никаких следов. Едва ли и раскопки могли бы здесь обнаружить что-либо, ибо слишком давно уже изменился самый порядок и способ крещения, которые применяла церковь.

Как сама архитектоника этого дваабсидного помещения говорит о нарочитом, хорошо обдуманном решении подчеркнуть, выделить это второстепенное по сравнению с базиликой, но в смысле пропаганды христианства не менее значительное и при этом овеянное мистической серьезностью „таинства“, помещение крещальни, так это особенно подчеркивается декором помещения из резных капителей на углах обоих абсид и на пилястрах под средней подпружной аркой свода. В некоторых из числа изображений этих капителей несомненно включено и символическое значение, что еще раз подчеркивает особый подход архитектора, художника к задаче оформления этого помещения.

Капители в баптистерии имеют простые формы импоста с профилем выкружки и полочкой сверху. Угловые капители абсид двусторонние, а на пилястрах трехсторонние. Они близки по формам (впрочем, как увидим ниже, и по украшениям) к капителям сассанидских дворцов с одной стороны и армянских базилик Еревура и Текора с другой. На востоке выработался в эту эпоху новый тип капители², а потому вполне естественно, что и в Болнисском Сионе мы встречаемся с несколькими различными видами попыток создания форм капителей.

¹ Южное окно, как отмечено в описании, не заключает в себе показателей первоначальности. На чертеже (рис. 28) размеры восточного окна показаны без кладки позднейшего времени; в 1939 г. она удалена (см. рис. 31).

² Ср. J. Strzykowski, *Kleinasion*, S. 117 ff.; Mschatta, 256, 355, 359—361 (со ссылками на Lepoigt и Unger-a, как на высказывавших ту же зависимость); Amida, 270. Ср. формы сирийских капителей, которые приводил еще М. де-Вогюэ на тбл. 48, 49 и 33; или сейчас у Бутлера и Бейера.

4. Внешние массы здания и его фасады

Как было уже отмечено, внешние массы здания не составляли еще для архитектора той эпохи даже и в Грузии ясно осознанной художественной задачи: таковой было только создание внутреннего пространства. Но все-таки—в отличие от мастеров Византии, напр.,—грузин-архитектор даже такой неразвитой, не осознавшей еще себя ранней эпохи грузинской архитектуры, как эпоха Болнисского Сиона, в известных, скромных пределах все-таки думал и стремился внести в получившиеся от созданного пространства внешние массы здания возможную связанность их частей, систему и декоративность. Здесь опять, несомненно, сказалась народная традиция.

Весь главный массив здания, именно, трехнефной базилики, охвачен одной общей крышей на два ската—естественно от этого очень широкой и потому придающей всему зданию характер приземистости. Нужно отметить, что древняя крыша была, вероятно, более пологая и сидела ниже теперешней, поднятой поперечными по сводам стенками. Только благодаря самостоятельным скатам, образуемым крышами дополнительных помещений по бокам, Болнисский Сион приобретает снаружи приближающийся к обычному вид базилики.

Одну общую для главного и боковых нефов крышу имела согласно литературным данным Константинова базилика гроба господня¹, и две, впервые обследованные Я. И. Смирновым, базилики в Бинбиркилисе в Малой Азии². Помимо Болнисского Сиона некоторые из примыкающих по времени непосредственно к нему базилик Грузии, как Урбнисская, Кацаретская Самеба близь Хашми, так называемая Анчис-

¹ Aug. Heisenberg, Die Grabeskirche, 1908, p. 163. Впрочем против такого восстановления возражает Fr. Wachtsmuth, Der Raum, II, 147. (К сожалению, книга А. Баумштарка, Die modestinianischen und die konstantinischen Bauten am hl. Grabe zu Jerusalem, 1915, известна мне только по библиографическим сообщениям). Эволюционно это предположение об отсутствии повышенности среднего нефа в Константиновой базилике „Мартирия“ имеет обоснование в реставрациях античных синагог Галилеи (H. Kohl и C. Watzinger, Antike Synagogen in Galiläa, Leipzig 1916, passim., Fr. Wachtsmuth, II, 16—19, последний привлекает так же новейшую, мне недоступную, литературу специальных исследований), затем общественных „римских“ базилик, напр., в Помпее II века до нашей эры, или Кенавате (Сирия) конца III века (ср. также Кондаков, Арх. пут. по Сирии, с. 89).

² J. Strzygowski, Kleinasien, pp. 61 (VI), 64—65 (XV). Церковь же в Андавале (там же, 67—68), согласно описанию Ротта (с. 105) имела самостоятельные стены главного нефа, выступавшие снаружи более 1 метра над началом крыши боковых нефов. Таким образом, этот приводимый и Милле, L'école grecque, с. 17, пример отпадает. Точно также и в базилике Студия в Константинополе по A. van-Millingen была слегка повышенная над боковыми нефами двускатная кровля.

хатская в Тбилиси, имели в первоначальном виде также общее перекрытие одной двускатной крышей над всеми тремя нефами здания. К сожалению, от Ереверуйской базилики в Армении сохранились только наружные стены, так что внутреннее устройство, начиная от столбов, нужно восстанавливать. В главном нефе и здесь было, повидимому, сводчатое перекрытие на подковообразных подпружных арках; а боковые нефы при их высоких пилястрах, узости самих нефов, и ширине, т. е. другими словами высоте, подковообразного пролета между столбами с востока на запад, могли быть только полукоробовыми. Таким образом на получающейся общей линии мы вправе предполагать одну общую крышу. Открытые же портики по северной и южной сторонам Ереверуйской базилики давали возможность создания односкатных крыш, т. е. внешнего воспроизведения обычного абриса базилических форм, как мы это же имеем в Болнисском Сионе¹. Общая кровля над тремя нефами была несомненно в базилике в Аштараке; очень вероятно, также в Егиварде и Апаране².

С этим приемом перекрытия трех нефов базилики одной общей двускатной крышей никак нельзя сопоставлять тех древнейших сирийских базилик в Гауране, которые имеют общую крышу над всеми тремя нефами, но плоскую³, ибо там строительный прием совершенно особый⁴, обуславливающий и совершенно иное восприятие пространства, чем в базиликах⁵.

Сочетание крупного полукруга абсиды с приземистым, широким корпусом всего здания с далеко отставленными крыльями под односкатными кровлями, конечно, не имеет строгости, собранности, четко-

¹ Существующие попытки реконструкций, как приведенная Стриговским (*Die Baukunst der Armenier*, Bd. I, S. 158, Abb. 183), так и Герцфельдом (в его критике этой работы в *Wasmuth's Monatshefte für Baukunst*, IV. Jahrgang, 1919—20, Abt.: *Archiv für Geschichte und Ästhetik der Architektur*, S. 30) этой возможности не учитывали, а потому расходятся диаметрально, делая, мне кажется, оба натяжку.

² См. Strzygowski, там же, с. 144 и особ. рис. 168.

³ Это одна языческая и одна христианская базилика в Шакке и одна в Тафхе, датируемые де-Вогюэ,—II—III и IV—V веками (т. I, тбл. 15—16, 17, 18; Butler, 355 слл., 408 слл.; Н. Кондаков, с. 83 слл. и рис.; Н. Glück, 25, 27—29 и рис. 8—12 и тбл. II, 14—15).

⁴ Н. Glück, *Der Breit-und Langhausbau in Syrien* (Beiheft zur *Zeitschrift für Geschichte der Architektur*), 1916, S. 19 f., 24 f., определяет его как арабский.

⁵ Отмечу, что средневековые (или переходные к ним) трапезные в некоторых монастырях Грузии, как Олиза, Ошки, Отхта-Эклесиа, имели также три нефа и общую двускатную крышу. Но это совсем иная линия развития, не связанная с рассматриваемой нами здесь. Ср. также сказанное выше на с. 138 прим. 2 относительно увязывания Габриэлем Милле средневековых явлений слепого среднего нефа в церквах Армении, Кипра, Балкан, Грузии и даже романского юга Франции.

сти, а наоборот расплывчато, не устанавливает точных контуров. Какого-либо дополнительного членения восточного фасада архитектор тоже не создал¹. Не создал он даже просто каких-либо украшений на нем, ибо хотя надпись строителя епископа Давида выполнена несомненно старательно и можно сказать красиво, все-таки помещение ее над алтарным окном вызвано желанием оповестить о событии и вызывать к молитвам, но никак не стремлением украсить фасад. Для этого исполнение надписи, включая даже крест в двойной раме в центре ее, слишком просто, наивно просто и в отделке креста: несомненно он был задан художнику, как символ и напоминание веры². Но все, что художник мог допустить в этой плите в смысле придания ей элемента украшения, гармоничности, он сделал. Вот почему все-таки она воспринимается, как легкое украшение фасада. Вероятно, впечатление украшенности было несколько сильнее, когда алтарное окно было, как предположено, трехчленным с колонками, ибо оно объединялось тогда с плитой надписи. Но импозантность и мощь имел этот фасад Болнисского Сиона чрезвычайно внушительные, именно, благодаря своей выступающей полукруглой абсиде.

Массы южного фасада даны такими, какими они получились от внутренних помещений. Если он разбил массы и создал уступ перед двойной аркой входа, то—повидимому—это вызвано желанием дать вход, несколько отступя от передней линии стены. Ибо расширению портика до общей с баптистерием ширины, конечно, ничто не препятствовало. Следовательно, архитектором руководил чисто художественный мотив. Если он не получил удовлетворительного разрешения, то повинна в этом неразвитость эпохи. Самый же факт искания чрезвычайно знаменателен, как и неудача его.

Самый вход архитектор постарался украсить. Прежде всего это две арки на среднем прямоугольном устое. Арки были подковообразной формы, т. е. подчеркивали форму, давали ей размах и силу. В оформлении устоев арки архитектор опять, мне кажется, задался определенными художественными задачами; впрочем, опять решения их не найдены. Восточный устой пришелся у него как бы посреди стены и он его трактует поэтому на подобие устоев внутри северной галлерей: это полуколонка с двумя малыми по бокам, над которой установлена трехсторонняя капитель со срезанными на треугольнички углами того же типа, что в северной галлерее. Только вся колонка здесь короче³.

¹ Даже оконные проемы у него не создают равновесия: в северной галлерее окна нет, а в баптистерии оно имеется.

² Это положение поддерживает и крест над его же надписью, открытой в 1937 году в северной галлерее.

³ См. рис. 18. Такое же решение дано в арке около абсиды северной галлерей.

Между тем западный устой трактован как притолка двери, так как арка прорезана в стене; так же трактован и средний устой. Капитель западного устоя на этом прямоугольном основании дана двусторонняя— по фасаду и в пролете арки, внутри же портика она не выделяется из гладкой поверхности стены, т. е. отделка арок рассчитана только на входящего и, следовательно, если мы отметили трехсторонность капители восточного устоя, то это результат положения ее, но не замысла художника. И действительно, средний устой изнутри никак не выделен— пилястра проходит до самой пяты свода вверх. Мне кажется, что камень с крестом в круглой раме из треугольников, который сейчас помещен, правда, боком, над средним устоем арок снаружи, в починенной кладке, занимал и в первоначальной постройке примерно то же место и, таким образом, оттенял символически и декоративно самый вход в церковь.

Как уже было замечено, северный фасад организован был сходно с южным—здесь тоже выступающая, более низкая, под самостоятельным скатом крыши, часть здания. В отличие от южного фасада здесь эта часть представляет сплошной корпус, без уступа. А сверху фасада, под верхнюю крышу, т. е. поверх передней крыши, подымалась высокая, в первоначальной постройке глухая, стена,—что вполне отвечает южному фасаду. Но вся нижняя стена, как мы знаем, прорезана сплошным рядом из пяти арок подковообразной формы на довольно массивных устоях. Т. е. всему фасаду дан подчеркнутый парадный представительный вид. Принимая во внимание, что отсюда из галереи вели в базилику два больших, отделанных входа, можно считать, что по мысли заказчика и архитектора это и был главный фасад здания. А если вспомнить, что в этой северной галерее мы имеем еще самостоятельную абсиду для придела, то, пожалуй, можно высказать догадку о том, что заказчик Болнисского Сиона, его епископ Давид, жил именно с северной стороны Сиона, любовался им и мог непосредственно и просто ходить и совершать небольшие требы в приделе.

Архитектор применил в оформлении этой галереи открытой наружной аркадой на столбах тот же, как отмечено, по плану, мотив, что и в ряде сирийских церквей IV, V и VI веков¹, а также жилых домов, сохранных в большом числе руинами Сирии² и повторявшихся

¹ См. выше, с. 131.

² H. C. Butler, *Am. Exp.* p. 115—129, 164—179, 251—266 и затем на протяжении обоих томов II, A и B, в второй его экспедиционной публикации; Ф. И. Успенский, *История Византийской империи*, I, 2, стр. 525—526 и рис. 63; J. Mattern, *A travers les Villes mortes de Haute Syrie, Beyrouth* 1933, fig. 2, 7, 10 et pl. VI, XIV, XV, XXX, XXXII, XXXIII, XLII, XLIII, XLVII.

по сирийскому, как считается, образцу и в Константинополе¹. Но в отношении формы расхождение самое значительное—грузинские базилики создавали аркатуру и перекрывали эти галереи коробовым сводом, в то время как во всех сирийских примерах—в церковных, монастырских, общественных зданиях или жилых домах—эти галереи созданы наружным рядом колонн, объединенных архитравными балками, и перекрыты плоско².

Этот архитектурный мотив Г. Милле считает эллинистическим и происходящим из Сирии, а Стриговский ставит его в связь с Месопотамией³. Может быть внешний толчок для его применения в Болниси, Цкаростави или в Ереуе и Текоре⁴, действительно, дан эллинистическими памятниками Сирии, Малой Азии. Но нельзя все-таки не вспомнить, что подобный мотив открытого портика на устоях со времен древних культур Переднего Востока является в разных видах постоянно присущим жилому дому—от бит-хилани хеттских дворцов начиная и ахеменидскими в Персеполе замыкая; что он издревле и до новейшего времени держится в рядовом деревенском жилье у разных коренных народов Кавказа, Ирана и т. д.; что он, видимо, отразился в архитектуре ликийской, лидийской Малой Азии, а потому по существу не был чем-то новым или чужим, а только переработкой коренного и хорошо известного местной архитектуре, как впрочем и архитектуре других народов, мотива⁵. Недаром поэтому мотив этот держится, или вернее, проходит новые стадии развития и в монументальной архитектуре средневековой Грузии⁶.

¹ J. Ebersolt, *Monuments d'architecture byzantine*, 1934, p. 92, 93—94.

² На наличие таких галерей и в некоторых храмах Малой Азии (Библириклиссе VII и II), повидимому, есть указания (Strzygowski, *Kleinasien*, с. 55—56, 104; 62—64), как равно в Равенне в церкви S. Spirito, переданной Теодорихом приверженцам армянства, т. е. стоявшей уже ранее его времени (Вахтсмут, II, с. 128 и рис. 173) и в Солунской ц. св. Мини (Милле, с. 131—132 отмечает, что эта церковь до пожара XIX века была окружена по трем фасадам портиком на 11 колоннах).

³ Милле, с. 132; Стриговский, II, 671; ср. еще вышеприведенное мнение фон-Биссинга.

⁴ См. выше, с. 131.

⁵ Вёрман, *История искусства*, II т. (рус. пер.), с. 106 отмечает, что вдоль продольных стен базилик Испании IX—X веков шли открытые галереи, а именно в S. Maria de Naranco в Овьедо, S. Salvador de Val-de-Dios близ Вильявиегосы, S. Miguel-de-Escalada близ Леона. А Haupt, *Die älteste Kunst, insbesondere die Baukunst der Germanen*, Berlin 1923, 2. Aufl., отмечает, что Наранко в основе дворцовая зала (с. 225 сл.); но говорит также об открытых галереях в Валь-де-Диос и Эскалада (с. 213).

⁶ Ср. выше прим. 1 на с. 132.

Западный фасад Болнисского Сиона архитектору не удалось абсолютно ни в чем подправить в художественном смысле против того, что продиктовало внутреннее пространство его сооружения. Перед смотрящим колоссальная, не имеющая сдерживающих абрис его, ясных, структурных линий, как бы расплывающаяся, гладкая поверхность, делающая только один небольшой уступ от пониженных боковых частей к повышенной коньком средней. По всей этой громадной поверхности, где наибольшая высота (метров 25) примерно в два раза меньше, чем наибольшая ширина фасада (метров 47), имелась от линии метров 12 вверх только три окна, по одному в каждый из трех нефов базилики. Как отмечено в описании, ни форма, ни размеры древних окон неизвестны и только более или менее вероятное предположение может рисовать среднее из них двойным или тройным, поделенным колонками, а боковые ординарными.

По этому фасаду есть одна, остающаяся без пояснения деталь— это утолщение на 35—40 см всей стены от края до края западного фасада в его нижней, метра на 2 над цоколем, полосе. Строительной надобности в этом нет никакой, художественного замысла вычитать не удается,—или он остался невыполненным.

Рассмотрение архитектурных форм Болнисского Сиона с художественной стороны подчеркивает так сказать переходный характер памятника, т. е. наличие в нем разнородных составных частей. Наравне с элементами, совершенно оформленными в художественном смысле и прогрессивными в разрезе эволюции грузинской архитектуры, как точная квадратная кладка проходящими рядами из хорошо тесаных крупных камней, как четкая форма столбов, подковообразных арок, каменных сводов, мы отмечаем в здании элементы искания, идущие ощупью, не дающие решения удовлетворительного, как освещенность базилики, как соединение баптистерия с базиликой, как проблема входов, как формы капителей и баз, наконец, как все вопросы масс здания и художественности фасадов, выше подробнее охарактеризованные. Но мало этого. В Болнисском Сионе имеется еще ряд черт, которые придется рассматривать, как переживания предыдущей эпохи, как устаревшие, оттягивающие назад, задерживавшие развитие грузинской архитектуры моменты. Таковыми прежде всего является незначительность повышения свода среднего нефа сравнительно с боковыми, отсутствие продольных стен среднего нефа с окнами, и самое главное, что нужно оттенить, это перенос на грузинскую почву плана и форм развитой трехнефной базилики, заимствованных из чужих краев, хотя бы и с

Востока, из краев с совсем другой, чуждой психологией восприятия пространства.

Соединение этих разнородных элементов и позволяет мне считать памятник переходным и заставляет высоко ценить его за искания монументальности задач в архитектуре Грузии, как в целом композиции, так и в частностях ее, и видеть в нем необходимый этап в подготовке классического периода грузинской архитектуры, которого она достигла через сто лет—в конце VI века. Отдельные частности перенесенных извне элементов этого архитектурного типа показали нам, как тесно увязывается он с памятниками Малой Азии, а в некоторых частях Сирии. При этом хронологически это, именно, черты живые в этих странах в последней четверти V века, т. е. дата, вскрытая ныне для Болнисского Сиона, показывает, что это произведение, непосредственно черпавшее из художественного опыта названных стран Переднего Востока.

Уточнение даты Болнисского Сиона благодаря открытию новой надписи вносит и в картину эволюции на территории Грузии базиличной формы желанное уточнение. Повидимому, непосредственно рядом с Болнисским Сионом можно рассматривать Джавахетский Цкаростави в его первоначальной форме, что поддерживается и сообщением хроники о возведении его сыном Вахтанга Горгасала Мирдатом. Отсюда развитие плана устремлено было на композицию с троечастным делением алтаря и всеми последствиями этого в отношении архитектурных форм. Такая композиция, действительно, получает свое полное выражение в Урбнисской и в так назыв. Анчисхатской базилике в Тбилиси, где пастофории и архитектурно являются совершенно обособленными частями здания. Переходными же формами между этими группами можно считать Хашми и Уриатубани.

V. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ОРНАМЕНТИКИ БОЛНИССКОГО СИОНА

Болнисский Сион, наравне с явлениями чисто архитектурного порядка, представляет для изучения грузинского искусства чрезвычайное богатство и интерес также и в отношении тех декоративных деталей, которые в редком изобилии украшают капители разных частей здания и кое-где являют еще дополнительные акценты в нем. В качестве орнаментальных мотивов использованы, как геометрические узоры, так и изображения растений и даже животных; втянут в декор здания, использован в этом смысле также и христианский символ—крест.

Все это многообразное и разнохарактерное по составу украшение храма является очень однородным по своему исполнению, по формаль-

ным моментам стиля. Благодаря этой творческой силе художника, благодаря которой любой по сюжету и техническому происхождению декоративный мотив удастся ему переработать и претворить в единые художественные нормы стиля, он совершенно свободно, не задумываясь, играючи, соединяет на одной и той же капители геометрические узоры с растениями, растения с животными, те и другие с крестами, крест с надписью и т. д. Таким образом, в нижеследующем разборе этого убора Болнисского Сиона я пройду отдельные капители, базы и т. д. не топографически, а группируя их преимущественно по мотивам. Нередко придется при этом как бы расщеплять убор одной и той же капители для рассмотрения, но за то это легче покажет взаимную увязанность всего убора в стилистическом единстве и характерности его. После такого анализа можно будет просмотреть капители и в синтезе их убора.

1. Мы остановимся прежде всего на рассмотрении тех капителей, где имеются изображения животных, как наиболее трудной темы для исполнения и одновременно с этим сравнительно малочисленной, как вообще, так в частности в Болнисском Сионе.

Рис. 91. Южная прабабидная капитель по обмеру.

Правая, южная капитель пилястры около алтарной абсиды храма, обращенная на запад к молящимся, имеет на лицевой стороне давно обратившую на себя внимание исследователей сложную композицию¹. Эта сторона капители разбита на два поля фигурных изображений, разделенных таким же рантиком, какой составляет обрамление и по сторонам. Верхнее, более высокое поле заполнено изображением трех фигур животных с дополнением трех деревьев. По сторонам изображены два симметрично сидящих льва; между ними — серна в стремительном беге слева направо; над нею в центре капители деревцо, равно по углам, позади львов по дереву. На нижней, более узкой полосе изображены опять три отдельных фигуры. Слева направо изображены — многоветвистое дерево, преследующий медведь и убегающая серна. Верхняя полочка капители украшена полосой ложчатого мотива, а по

¹ См. рис. 91. Она воспроизведена (по фот. Д. И. Ермакова) акад. И. А. Джавахишвили во 2-м томе его „Истории грузинского народа“, Т. 1914, к стр. 294.

низу ее выделен тонкий жгут¹. По боковым граням капители помещено на каждой по одному симметрично построенному дереву со свешивающимися концами ветвей, которое заполняет целое поле².

В построении композиции этой стороны капители совершенно ясно можно проследить, как впрочем и на всей капители и вообще на всех капителях храма, что художник не повторяет готовых заученных форм, а что он пробует свои силы сам, что он пытается создавать композиции капителей. Отсюда разноречивый в подходе к компановке, в выборе „сюжетов“, узоров и, как уже было сказано, форм самих капителей.

В композиционном замысле есть определенное противоречие между движущимися фигурами животных и двумя сидящими. Тем более это противоречие оказывается подчеркнутым, что бегущая лань верхнего поля, которую, очевидно, в этом древнем искусстве нужно считать бегущей не от одного льва к другому, а пробегающей между ними, получает добавление и усиление в нижнем поле в движении медведя и опять лани в том же направлении слева направо, как изображена лань верхнего поля. А статуарная часть композиции в свою очередь тоже имеет еще подкрепление—это расставленные вверху три дерева и затем густой куст внизу³. Получается таким образом к отмеченному противоречию в замысле композиции еще разрыв в ней. Если деление несколько закругленной поверхности капители на два поля не оправданы формой ее, то оно по крайней мере подчеркнуто и закреплено разделительным валиком и обрамлением каждого поля—смотрящий поставлен перед фактом так же, как при вынужденном изображении бегущей лани в профиль в верхнем поле. Но постановка в нижнем поле растения слева производит разрыв между ним и следующими животными, который воссоединить в художественном восприятии невозможно. Характерно еще и то в композиции, что художник—как мне кажется—сам подпал под ту часть своего композиционного замысла, которая передает движение, когда левое растение верхнего ряда дал не в статуарном, симметрическом построении, а выпустил сильно вытянувшиеся вправо две ветви: они как-бы исходный толчок всего движения. И в нижнем поле тоже нижняя правая ветвь дерева построена не симметрично левой, но она начинает зато движение той кривой, которая подымается в фигуре медведя и, переходя в лань, опускается с нею, создавая как бы одну плавную кривую композиции.

¹ См. табл. I.

² См. табл. II внизу.

³ Интересной параллелью в композиционном построении убора капители бегущими животными и фланкирующими их деревьями является одна капитель в Чардаге (Малая Азия), которая впервые опубликована была по рисунку Я. И. Смирнова, а позднее в фото Роттом (Kleinasiatische Denkmäler, 1908, Abb. 87, S. 247).

Если, таким образом, преобладающая часть замысла этой композиции состоит в передаче движения,—а мы увидим ниже, что это же свойственно почти всем остальным изображенным им животным,—то, пожалуй, и сидящих по сторонам львов придется понимать в замысле художника не как спокойные, статуарные фигуры, а как хищников, приготовившихся броситься на лань. Для понимания процессов роста искусства в ту эпоху грузинской культуры это неожиданное положение в высокой степени драгоценно, так как оно показывает искания эпохи, попытки художника приспособить, использовать элементы, навыки искусства иного порядка для своих художественных задач и требований. Это ему не удастся решить в положительном смысле без остатка; хотя мы достаточно ясно понимаем его замысел, но он не обрел адекватной формы. Новое борется, ищет, рождаясь несет с собой еще остатки старого, уже не отвечающего новому, как во всякую переходную эпоху, венцом которой будет затем законченное классическое решение.

Если обратиться к рассмотрению того, как художник изображает предметы, то приходится подчеркнуть чрезвычайное упрощение, доведенное до минимума. Помимо контура фигуры выделяются лишь два-три перехода рельефа в ней, которые сразу же исчерпывающе характеризуют построение ее. Обрисовывает он сверх этого только конечности и морду, собственно, глаза животного. Зато в построении всей фигуры, ее характерных движений он вполне уверенно и ярко передает типические черты. Точно также с большим мастерством выделяет он для характеристики растений те или иные из их форм и создает на рассматриваемой поверхности нашей капители три разного вида растения¹.

Только в изображении львов мы видим значительную, орнаментальную проработку передней части туловища. Несомненно, это изображение крылатых львов, т. е. каких-то мифических созданий. В самом рисунке крыльев однако не выделены две части, обычно различаемые при изображении птиц—мелкие перья верхних частей крыльев и длинные перья их нижних частей. Само положение крыльев, как и в сасанидских изображениях, напр., здесь искусственное, типичное для таких мифологических животных²—они стоят вверх, а не сложены вниз, и, конечно, трактованы чисто и исключительно орнаментально. Крылатые львы и другие животные известны нам в рассматриваемую эпоху, как довольно живой в народном воображении персов сасанидской эпо-

¹ Ниже мы сведем вместе все растения его капителей (см. рис. 96—101).

² Ср. изображения у Я. И. Смирнова, Восточное Сребро, СПб. 1909, тбл. XXI, XXII, XXVII, XLII, XLIX, L, CXV; И. Орбели и К. Тревер, Сасанидский металл, Москва 1935, тбл. 22, 23, 35, 40, 48 и 49.

хи религиозный образ, как видно, по произведениям искусства. Свя-зано это, повидимому, с тем, что крылья сами по себе символизировали божественность, благодать¹. Мы имеем здесь, таким образом, интересное явление помещения в христианском храме, на самом видном его месте—около алтаря—олицетворений дохристианской народной веры и ее установок. Ибо думать, что это просто внешнее воспроизведение персидских художественных образцов без понимания их содержания и символики было-бы менее вероятным для той эпохи, чем видеть в этом образе выражение внутренне-близкого, сродного, сходного с широкими народными верованиями². Так как художник здесь использовал, применил готовый уже, т. е. художественно оформленный, образец, то и трактовка его оказалась до некоторой степени под впечатлением этого образца: крылья сплошь разделаны орнаментально, пасть передана оскаленной. Остальные же части корпуса, которые были—по аналогии—хорошо знакомы и понятны художнику, он трактует также упрощенно, как и у остальных животных.

Другая капитель, где преобладающими мотивами являются животные, находится в баптистерии. Это капитель над южной пилястрой под подпружной аркой свода. Лицевая сторона капители сильно пострадала в верхней части, вероятно, отбита при падении свода³. Она была также поделена на два поля, но уже не горизонтальной полосой, а как бы фронтоном, упиравшимся вершиной в полочку капители. Фронтон сделан крупным валиком и выступает высоким рельефом вперед. Из центра фронтона свешивается равнобедренный крест, по сторонам которого два павлина. Все, что было выше фронтона, как и по полочке над ним, сбито. Судя по двум остаткам резьбы над левым скатом, можно предположить, что здесь были растительные мотивы. Левая боковая поверхность капители, обращенная к окну баптистерия и потому хорошо освещенная, украшена головой быка en face с небольшим равнобедренным крестом между рогами. Остальная часть поля гладкая и только по верхней полочке, в плоскость которой заходят рога быка и крест, слева цельный широкий лист, а справа часть стебля с двумя треугольными листиками плюща⁴. Правая же сторона капители украшена крупным изображением виноградного побега с гроздьями и двумя

¹ О крылатых фигурах ср. у Стриговского, Mschatta, стр. 311—312 (313 и 314), а о самостоятельном мотиве крыльев с. 314—316, 320—324, 362.

² Недаром в народных сказках переживают такие фантастические крылатые животные.

³ См. табл. IV.

⁴ См. табл. IV внизу слева; большего размера изображение этой головы помещено в Ист. груз. иск., I, рис. 28 на с. 44.

листьями. На полочке же стебель с гроздьями и треугольными листьями плюща. Таким образом, как вероятное восстановление орнамента полочки по лицевой стороне можно предположить тоже стебель плюща¹.

Композиционно эта капитель еще сильнее, чем рассмотренная абсидальная, выявляет несобранность, неподчиненность одной ведущей мысли, а напротив того разброд мыслей или наличие нескольких мыслей без системы. И опять повторяется здесь использование готовых образцов наравле с совершенно независимым творчеством. Но особенно требует оттенения, что каждая грань капители украшена, совершенно не считаясь с тем, забывая, что-же намечено для других граней. Таким образом, в целом, весь убор ни в какой мере не производит впечатления капители, т. е. органически необходимой части архитектурного целого со специфическими, характеризующими ее формами, а как бы случайного резного камня.

В смысле выполнения убора тоже знаменательное упрощение. Павлины характеризованы оттененным хохолком на головах и глазками в длинном хвосте. То же и крест обработан только прочерченной по контуру бороздой, в остальном же гладкая, ровная поверхность. Исполнение бычачьей головы на первый взгляд производит впечатление как бы большой моделировки и разработанности. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что моделировка нижней части морды дается также только сочетанием разных плоскостей и вызванных этим линий стыка их, как в очертании форм животных приабсидной капители. Разрез рта быка дан просто чертой, а ноздри круглыми углублениями. Глаза же обведены не двойным контуром, как у павлинов или на приабсидной капители, а тройным вокруг средней точки. Отмечена также челка на лбу быка, как основание для креста. Рога же, уши, поверхности всей морды совершенно ровные. Художник достигает полной выразительности здесь также самыми ограниченными средствами. И с этим особенно гармонирует размещение головы быка на плоскости—голова поднята высоко с гладкими полями снизу и по бокам. Крест между рогами исполнен также, как крест между павлинами. Таким образом, приемы выполнения и бычачьей головы те-же самые, что и в других рельефах, только благодаря значительно более крупным размерам головы и, вероятно, под влиянием какого-то отстоявшегося образца внесены некоторые усиления в прорисовке.

Совершенно несомненно, что для бычачьей головы художник использовал воспроизведение, которое имеет громадной давности традицию и в мелких деталях исполнения, как тройная контурная линия

¹ См. табл. IV внизу справа.

глаза¹. Имел ли он уже образец такого фронтального исполнения в качестве рельефа и при этом в воссоединении с христианским символом креста между рогами, конечно, не имея параллелей, решить трудно. Но наш художник обладал достаточной творческой силой, чтобы доверить ему такой акт.

Что же касается композиции двух павлинов по сторонам креста, да еще все под фронтоном, мне думается, что она взята им в готовой форме. Символика воскресения, вечной жизни в образе павлина настолько была распространена еще и до христианства, что применение здесь их совершенно очевидно и естественно, так как мы имеем дело с баптистерием.

В том же баптистерии на двух обращенных друг к другу узких гранях угловых приабсидных капителей, именно, на обращенных на находящихся внутри помещения гранях северо-восточной и северо-западной капителей баптистерия, имеются опять изображения животных. Названные две капители этими своими гранями составляют pendant одна к другой, а не просто обращены друг к другу.

На западной—изображены в витках растений, заполняющих пустые пространства всей грани, два оленя (без рогов). Один по-больше расположен повыше и щиплет листья у растения, другой маленький под ним, сосет верхнего. По полочке вьется стебель с гроздьями и с треугольными листьями плюща².

На восточной—изображен олень, который вытянул к дереву морду и щиплет его листву. Если считать изображенное животное за оленя—что мне представляется более вероятным,—то рога прижаты к спине, морда вытянута вперед, он тянется за листвой: все вполне хорошо передает в упрощенной форме реальные наблюдения из жизни. Перед оленем и позади него на втором плане растут деревья. Внизу капители попорченный выступ,—скорее всего какие-то детали растения. По верхней полочке идет геометрический узор³.

Композиционно оба раза вариации одной и той же жанровой сцены и с одними и теми же животными—оленьями. Композиционное по-

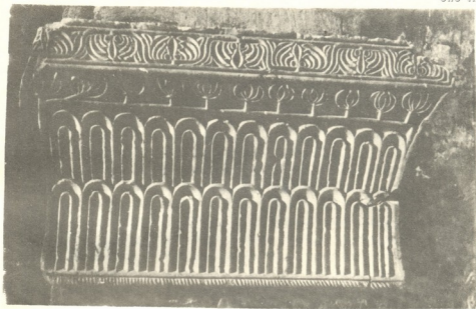
¹ Здесь можно назвать глиняную фигуру быка из Каппадокии в Переднеазиатском отделении Kaiser-Friedrich-Museum в Берлине, или раненого быка из группы VI века с акрополя в Афинах, или изображение на набатейском алтаре в Суведе (Сирия) I века н. э., где всюду повторяются три контурные линии глаз и т. п.

Л. А. Мацулевиц останавливается на вопросе о значении нашего бодливого изображения быка, как охристианизованного церковью объекта векового языческого культа (Никордминистра и ее место в культуре Грузии, *Сборник Руставели*, Груз. ФАН Институт ЯИМК, Т. 1938, с. 63—65).

² См. табл. III внизу.

³ См. табл. III сверху.

строение ясное, но не обладает качествами четкости, необходимости, законченности. В сочетании самки и маленького в полной мере отобразен примитивизм искусства. Изгибы ветвей и стеблей носят случайный характер¹. Поскольку имеются не пострадавшие вовсе или мало части обоих рельефов, исполнение их такое же упрощенное по подходу, с применением минимальных средств характеристики, как и на рассмотренных выше.

Изображения оленей не редки в раннем христианском искусстве и обычно воспринимались, как символ верующей души. Скорее всего и здесь эти композиции нужно понимать, как символическое изображение верующей души, получающей в изобилии пищу веры.

На одной капители в проходе южного портика, именно, на двусторонней западной капители, на ее южной грани заметно среди двух больших и развитых деревьев сбитое, правда, изображение четвероногого животного². Изображение особенно попорчено в верхней своей части. Насколько удалось проследить по оригиналу, животное это можно считать оленем. Голова его повернута назад, а потому рога оленя, движущегося справа налево, распластаны вправо и влево от фронтального вида (как это нередко встречается на изображениях известных „рачинских“ блях бронзового века). Из-под оленя между обоими парами его ног вырастает ствол дерева, который позади туловища (от зрителя) подымается над ним немного вправо и кроме того отходит за ним еще влево, изгибаясь, и выходит вперед перед грудью оленя и подымается вверх. Вверху ствола были ветки, листья. Деревья по сторонам животного здесь опять новых форм; кроме того, правое в своей левой части сбито, так что точный рисунок можно восстановить лишь гадательно. Полоса на полочке—геометрического узора, а по низу жгут сверх выступающей ровной рамочки, обходящей здесь композицию по низу, по левому прямому краю и, повидимому, также по правому наружному.

Сохранность фигуры животного настолько плачевная, как видно и по фотографии, что говорить нельзя с полной уверенностью о композиции, не только что о стилистических моментах исполнения.

В раскрытой осенью 1939 года арке северной галлерей обе капители имеют также изображения животных и птиц в своем уборе. Вос-

¹ Не лишено интереса отметить, что похожее расположение фигур, как бы вразброд, между побегими, как на этих капителях, имеется на одном сасанидском кувшине Британского Музея: Я. И. Смирнов, Восточное Серебро, тбл. LI (№ 86).

² См. табл. V вверху; ср. фото Ермакова № 18147. Эта капитель воспроизведена по Ермаковскому снимку в ст. И. А. Орбели, Грузинское искусство, в XVII томе *Нового Энциклопедического Словаря*, изд. Брокгауза и Эфрона.

11. Известия ИЯИМК, т. IX.

Рис. 92. Раскрытая в 1939 г. восточная капитель северного проема галлерей — средняя грань.

Рис. 93. Раскрытая в 1939 г. восточная капитель северного проема галлерей — боковая грань.

Рис. 94. Раскрытая в 1939 г. загадкая капитель северного проема галлерей—
средняя грань.

Рис. 95. Раскрытая в 1939 г. западная капитель северного проема галлерей—
боковая грань.

точная из этих капителей со срезами обоих углов, левый—испорчен, правый—гофрировка (ср. табл. VII вверху справа), имеет на лицевой поверхности (рис. 92) по краям дерева нового рисунка, хотя в левом деревце тот же элемент, что и в дереве западной капители южного портика. Между деревцами можно проследить стесанное изображение бегущей лаи. Полочка—с новым рисунком растительной стилизации в роде аканта, напоминающим узор по полочке левой приабсидной капители. Правая грань заполнена вся изображением летящей снизу вверх налево птички с венком в клюве; она дана резко выделяясь от фона, полочка тоже (рис. 93). Левая же грань вся испорчена.

Западная капитель той же формы, что и рассмотренные в абсиде храма и в баптистерии; она имеет по лицевой грани (рис. 94) изображение трех больших листьев нового рисунка, а между ними вверху и на полочке—известный нам уже мотив. На левой грани изображение животного с большой головой, в роде коня, щиплящего с дерева листья (рис. 95). Весь рисунок этого изображения исполнен рельефным контуром. Также исполнено дерево (нового рисунка) и за спиной коня какое то еще попорченное изображение (дерево?). На полочке лицевой стороны левая часть украшена орнаментальной сеткой из треугольничков Kerbschnitt-ом, а правая часть и полочка над левой гранью—общего узора. Вся правая грань погибла, открытая для непогоды.

Последняя капитель, где были изображены животные, сохранилась в чрезвычайно испорченном виде при стене церкви в северной галлерее—это капитель четвертой пары колонок. Перед подлинником можно на главном поле проследить очертания симметрично изображенных в верхней части двух животных, сидящих с поджатыми ногами, слегка наклонно к центру. Между ними, но в нижней части заметны также очертания какого-то животного, но меньшего размера. На левой грани этой капители по сбитым контурам можно проследить очертания фигуры животного в движении слева направо с высоко задраным над спиной хвостом,—повидимому льва. На правой грани ничего не сохранилось. Верхняя полочка украшена над левой гранью геометрическим орнаментом, а над главной—витком стебля с листиками в завитках.

2. Второй группой мотивов на капителях Болнисского Сиона, к рассмотрению которой мы приступаем, являются растения. Растения не занимают такого самостоятельного и значительного места в уборе капителей, как животные. Они являются по преимуществу дополнительным элементом в композициях, где животные занимают главное место. Но даже в тех случаях, где растение целиком заполняет все поле, это последнее является второстепенным, дополнительным полем, боковой гранью капители, или является полоской ее полочки.

На южной приабсидной капители базилики, помимо растений, до-

поляющих композиции обеих частей лицевой грани, каждая из боковых граней заполнена целиком одним многоветвистым растением с центральным стволом и опускающимися ветвями¹. На левой (северной) боковой грани листья имеют так же острую, треугольную форму, как дерево в нижней полосе лицевой стороны той же капители. Только здесь все длинные ветви образуют полукруги от ствола, тогда как на лицевой стороне все ветви тянутся вверх и листья продолжают это движение. Построение дерева симметричное—от оси прямого ствола, только в верхней части вырывается одна ветвь диагонально прямо вверх в угол с таким же стремящимся вверх острым листом на конце ее.

На правой (южной) боковой грани листья имеют продолговатую форму с расширением посередине и группируются на концах ветвей по три, а кроме того есть и отдельные. По форме своей они близки к деревцам верхней полосы на лицевой стороне той же капители. Ствол дерева здесь гладкий, как и у всех деревьев лицевой грани, тогда как у дерева левой грани он весь в насечках. Построение дерева и здесь симметричное от оси прямого ствола; мелкие отклонения однако проходят, начиная от нижней пары ветвей до верхних двух, где это различие выражено опять значительно сильнее, хотя и не достигает такого движения, как на левой грани.

Таким образом и в этих спокойных по замыслу, симметричных изображениях проявляются те стороны дарования мастера, которые непременно заставляют выступать за рамки уравновешенной композиции, как мы это видели при рассмотрении композиции лицевой стороны той же капители и как это проявляется у него повсюду.

На западной капители южного портика, на которой находится вышерассмотренное сильно сбитое изображение животного, растения занимают по площади доминирующее место². На грани с изображением оленя два больших дерева и при левом еще два маленьких внизу. Правое дерево, ветвистое, состоит из трех ветвей, расходящихся в стороны из одного места сверху искусственного постамента, а не от ствола³. По форме листьев оно ближе всего к левому дереву верхней полосы лицевой стороны приабсидной южной капители: здесь на ветвях отдельные продолговатые листья, и только верхушка средней ветви объединяет три листа в единую группу. Поскольку отколота часть резьбы в середине капители, пострадала также левая часть дерева; однако, судя по свободному месту над крупом оленя, можно считать, что левая ветвь дерева на много выдвигалась в сторону по сравнению с симметричной при начале с нею, правой ветвью. Т. е. здесь имеем бли-

¹ См. табл. II внизу (и первые схемы на рис. 96 и 97.

² См. табл. V.

³ Ср. схему 3 на рис. 97.

Рис. 96. Схемы с острояйцевидными листьями.

Рис. 97. Схемы с лодкообразными листьями.

Рис. 98. Схемы нерастительного типа растений.

Рис. 99. Схемы отдельных растительных мотивов.

Рис. 100. Схемы побегов винограда и кисти.

Рис. 101. Схемы широколопастных листьев.

Схематические рисунки растительных мотивов на капителях Беланского Свода. Исполнены Ц. Габалишвили.

жайшую аналогию в том же дереве приабсидной капители. Близкое к этому изображение ветвистых деревьев со многими листьями имеем на перемычках дверей в Ереванской базилике (в Армении)¹.

Левое дерево той же передней грани представляет собой в отличие от всех уже рассмотренных нами полную выдержанность симметрии, иератически застывшие, замороженные формы; в отличие от других здесь не чувствуется дыхания жизни, движения, свободы². И действительно, при ближайшем рассмотрении приходится признать только верхние два ряда за листья, при чем уже во втором ряду добавлены какие-то условные шарики в чрезвычайно стилизованные, заворачивающиеся книзу листики. Без шариков такие деревца, состоящие только из двух верхних рядов листьев, стоят на приабсидной капители позади лани и правого льва. Третий же ряд представляет собой воспроизведение лент, как символа царственности или божественности, как они известны в памятниках сасанидского искусства³. На этих деревьях ленты даны в застывшей форме, совершенно ровно подымающимися вверх. На памятниках сасанидского искусства они чаще даются в форме развевающихся по ветру, но есть в поздних представителях и такая же неподвижная схема, как здесь⁴. По сторонам этого иератического дерева, как бы отростки от корней, стоят маленькие деревца о трех листьях каждое, повторяющие упрощенно схему большого дерева. Такие маленькие деревца сплошным рядом мы увидим ниже, как полосу под полочкой северной приабсидной капители.

Восточная грань той же капители южного портика вся занята повторенным трижды иератическим деревом с его двумя отростками⁵. Характерно, что мастеру было мучительно высекать их совершенно одинаковыми, делая сколок одного с другого: он меняет разделку ствола, форму ствола у отростков, от руки повторяет детали рисунка и, наконец, дает иной поворот одному из концов лент. Кроме того, он как бы вздохнул свободнее, закончив это возложное им самому себе ограничение, и высек на левом углу в расширении поля маленький, боковой из рамы побег о трех листиках. Это вносит движение, разряжает чо-

¹ Ср. Strzygowski, Abb. 442, S. 413.

² См. первую схему на рис. 98.

³ Высказывавшееся условно Я. И. Смирновым (*МАР*, № 22, с. 37) предположение о значении этих лент, „как священной повязки маздеизма“, называвшихся *kosti*, принята теперь.

⁴ См. капитель, изданную впервые Sarre und Herzfeld, *Iranische Felsreliefs*, Berlin 1910, S. 211, Abb. 100; или Herzfeld, *Am Tor von Asien*, Abb. 28, S. 111; или на знаменитой чаше Хозроя в Парижской Национальной библиотеке: Я. И. Смирнов, *Восточное Серебро*, 1909, тбл. XXIV; Sarre, *Die Kunst des alten Persien*, Taf. 144.

⁵ См. табл. V внизу.

порность композиции¹. Такое же легкое, вольное добавление из маленького лепесточка, где-нибудь в углу капители на едва заметном месте он делает и в других случаях, так на двух капителях баптистерия и на третьей капители северной галлерей².

На трех капителях баптистерия в качестве растительного мотива использован плющ с его острыми, треугольными листьями, которые были уже применены художником на двух деревьях приабсидной капители базилики. Мягкий, извивающийся побег плюща с его завитками и листиками заполняет пустые места на обоих обращенных друг к другу сторонах угловых капителей абсид—северо-восточной и северо-западной, на которых изображены олени³. В сохранившихся частях воспроизведен гладким валиком довольно плотный стебель и таким же завитки усиков и затем острые, треугольные листья, совершенно совпадающие по исполнению и форме, как сказано, с листьями двух деревьев на капители при абсиде базилики. Композиционно эти побеги плюща только дополнительное заполнение к основному сюжету—оленим, щиплющим листья плюща; поэтому самостоятельного рисунка они не образуют. Конечно, не лишне отметить, что некоторые завитки пропорционально остальным колоссальны, как впрочем, конечно, вообще никакой реальной пропорции в величине растений и животных не соблюдено—художник преследовал одну цель быть понятным, и это достигнуто вполне.

Кроме того, побег волнообразный с такими же острыми треугольными листиками и с маленькими круглыми гроздьями помещен на верхних полочках двух капителей баптистерия—на северо-западной, где есть одна грань с оленем, и на средней капители пилястры⁴. Изображение гроздей вполне совпадает с таковым на правой грани той же средней капители, об изображении которой сейчас ниже.

На двух капителях баптистерия использован, как мотив, побег винограда. На правой грани средней капители под только что разобранной полочкой сохранилась большая часть композиции этой грани⁵. Побег просто наброшен на поверхность и от него распределены в разные стороны усики, два листа и две грозди—одна большая, а другая

¹ См. шестую схему на рис. 99.

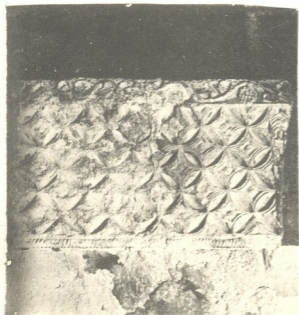
² См. также 4, 5 и 7 схему на рис. 99. Ср. ниже, с. 173 прим. 1. Интересно, что до некоторой степени схожий художественный прием встречается и в ранне-христианских памятниках Италии, напр., на импосте храма в Градо (571—586 г.): Cattaneo, *L'architecture en Italie du VIe au XIe siècle*, Venise 1890, fig. 15, p. 62.

³ См. табл. III сверху слева и внизу справа. Ср. 3 и 4 схему на рис. 100.

⁴ См. табл. III слева внизу и табл. IV справа внизу; ср. 1 и 2 схему на рис. 100.

⁵ См. табл. IV справа внизу; ср. вторую схему на рис. 101.

малая. Брошен этот побег приблизительно в симметричном распределении частей, но только приблизительно. Наружный край этой композиции отбит вместе с верхней частью примыкающей лицевой грани¹. Так как на всех капителях храма каждый раз убор отдельной грани строится сам в себе без слияния с убором примыкающей грани, даже можно сказать без учета последнего, то и для данной капители, где, напр., левая грань просто контрастирует с лицевой, как и эта последняя с правой, не приходится предполагать связанность побега правой грани с несомненно украшавшими лицевую грань над фронтоном какими-то растительными побегами, как видно по незначительным их фрагментам. Другими словами и в эту симметричную, уравновешенную в себе—по замыслу—композицию врывается движение, динамика неожиданным ассиметричным разрешением ее на внешнем углу. Изображение виноградных гроздей дано сплошной рельефной поверхностью, разбитой на правильно расграфленные клетки с закругленными краями, которые должны передавать отдельные ягоды винограда. Только от этого изображения грозди с ее типичной удлиненной и суживающейся к низу формой можно было признать виноградные грозди в аналогично разделанных кружках на стебле плюща по полочке той же капители, о чем было сказано выше².

Другая капитель баптистерия, именно северо-восточная, воспроизводит аналогичного строения листья, как в только что рассмотренной композиции, т. е. плоские широкие, с зубцами по краям и резко выявленными в ответ им внутренними делениями самих листов и с сильнее отделяющимися нижними их звеньями, закручивающимися крючками³. Здесь такие листья использованы для совершенно условной комбинации: мы встречаемся с одним из наиболее ранних примеров позднее широко развившейся и по праву прославленной страсти грузина-художника к различного рода плетениям, в том числе, как здесь, замкнутым плетениям, узлам. Это плетение узлом из двух петель составлено двумя стеблями, на каждом из концов которых вытягивается означенного типа лист. Опять совершенно правильно сконструированная из центра композиции. Но бурный, подвижной характер нашего художника заставляет его и здесь произвести динамическое

¹ Растительный стебель с листиками и виноградной гроздью в заворотах проступает и по верхней полочке лицевой грани сильно попорченной четвертой капители северной галереи.

² На левой грани этой же капители, над бычачьей головой совсем низким рельефом высечено изображение большого листа, близкого по типу к только-что рассмотренным виноградным; см. табл. IV слева внизу и З схему на рис. 101.

³ См. табл. III справа вверху и первую схему на рис. 101.

изменение, приплюснув одну из петель, растянув один из листьев, и таким образом занять своей, построенной из центра, симметричной композицией не все поле капители, а оставить справа не широкую полосу. Это место он занял отдельно поставленным искусственным изображением дерева, какие изготовлялись для народных ритуалов¹. Ближайшую аналогию этому деревцу по рисунку составляют некоторые древнехристианские и итальянские рельефы не позже VIII века², а также на сасанидском металле. В центре узла помещено попорченное изображение креста. Он имеет такую же форму, как и оба креста на средней капители тут же в баптистерии; только соответственно всему рельефу капители и крест здесь более плоский, чем кресты средней капители. И как в иератическом изображении деревьев на капители южного портика включены в завитки шарики, так и здесь в четырех просветах плетения помещены шарики.

Эта грань северо-восточной капители баптистерия особенностями построения плоских, широких, но с ясными членениями структуры листьев своей композицией имеет довольно много аналогий в одновременном, раннем искусстве разных стран. Так на капители V века в Адалия (Малая Азия)³, в соборе Паренцо (535—543 гг.) и в ц. св. Виталия в Равенне (526—547 гг.)⁴, на саркофагах из Вальбоннь, Бордо, Пуатье в Галлии⁵, в мечети Давида в Иерусалиме⁶.

Капители северной галереи сохранились очень плохо. Таким образом, кроме констатирования в самых общих абрисах композиции, или части ее, ничего другого сказать нельзя. Кроме того уцелел только южный ряд капителей, а от северного сохранилась одна первая *in situ*. На трех из этих капителей есть остатки украшения растительными мотивами.

Первая капитель южного ряда в северной галерее имела на главном поле посредине в двойном круге из треугольничков крест⁷. Он сбит ныне, как и большая часть медальона. По сторонам последнего подымались ветки, составленные из листьев того же строения и формы, что и листья на правой грани южной приабсидной капители, на левом

¹ Ср. схему 8 на рис. 99.

² Капитель Чардага в Малой Азии: Rott, рис. 87 на с. 247; рельеф кивория в Баньякавалло (783—826 гг.), балюстрады баптистерия в Чивидале (762—776 гг.): Rivoira, Orig., fig. 113 и Cattaneo, fig. 36, p. 97; в церкви св. Монтана в Орлеансвилль в Алжире (VII века): Cattaneo, fig. 26, p. 82.

³ Rott, Abb. 12, S. 35.

⁴ Rivoira, Orig., fig. 109—110 и 64—66.

⁵ Edm. Le Blant, Les Sarcophages chrétiens de la Gaule, Paris 1886.

⁶ Н. Кондаков, Археологическое путешествие по Сирии, рис. 48 на с. 235.

⁷ См. табл. VII слева вверху.

верхнем дереве ее лицевой грани, на правом дереве капители южного портика (ср. рис. 97).

Судя по минимальным остаткам от ветки справа на второй капители того же ряда, можно и на ней предполагать сходную с первой капителью композицию¹.

На третьей капители, сохранившейся сравнительно хорошо, опять применен прием разделения поверхности на самостоятельные поля². В верхнем, более высоком поле лицевой грани три креста в нишках, между которыми и по бокам как бы узкие листья, поставленные по нескольку в ряд³. В нижнем узком поле своеобразного строения листы, поставленные попеременно то вверх, то вниз, и образующие таким образом сплошную, непрерывную полосу орнамента⁴. На боковых гранях капители, сохранившихся плохо, повидимому, такое же деление полей. На левой грани были, судя по остаткам, также изображены длинные прямые листья. На правой же—скорее одно центральное растение иного строения, а на углу три листа. Треугольные срезы углов всех этих капителей украшены одинаково как бы тремя рядами нависающих одна над другой завес в ровных складках. Верхняя полочка украшена геометрическим орнаментом, а под всей капителью, огибая все закругления полуколонок, обегает плотный жгут⁵.

Композиционно эта третья капитель разделена на части, каждая из которых декорирована более или менее самостоятельно. Характерно, что в главном поле этой композиции опять проявился неровный, беспокойный характер ее мастера. Три нишки с крестами расставлены не равномерно: не взята для композиции средняя ось и от нее на равном расстоянии боковые нишки, а сделано, повидимому, распределение на глаз с одного края, почему пришлось изменять число перебивающих нишки листьев.

Для растительной полосы узкого поля лицевой грани параллельны имеем по верхней полочке северной приабсидной капители в базилике⁶. Только на приабсидной капители каждый листик более осложнен, чем на капители северной галлерей, которая и своими размерами

¹ См. табл. VII справа сверху.

² См. табл. VIII сверху (также фото Ермакова № 18155).

³ Можно бы трактовать и как орнамент ложчатой формы, но, так как верх заострен и подчеркнут желобок, я полагаю, что это скорее листья.

⁴ Ср. первую схему на рис. 99.

⁵ Четвертая капитель привлечена выше, так как на ней различаются контуры животных изображений и виток с лозой. Пятая же капитель изношена со всех сторон так, что вообще ничего не сохранила от декоративного убора.

⁶ См. табл. II сверху и 2 схему на рис. 99. Более поздний отзвук этого композиционного приема применен на резной плите восточного фасада пристроенной к Болнисскому Сиону северо-восточной церкви (см. выше, с. 106 и 108 и рис. 81).

меньше ее. Трактовка каждого отдельного листика известна нам уже по другим растениям (особенно группа II: рис. 97). Параллель к этому построению орнамента и характеру его исполнения встречаем на консолях атриума купольной церкви в Мериамлике (Малая Азия), датируемых С. Гуйэром второй половиной V-го или VI-ым веком¹ и в резьбе боковых дверей нартекса в Адалиа, а также такой орнамент—по трактовке очень жесткий и колючий—на церкви V-го века в Аладжа Кисле в Ликий². Продолжение этого мотива имеем, как сказано, на плите северного пристроенного к Болнисскому Сиону притвора³, на церкви Вале близ Ахалдиха, датируемой VIII веком и на агаракских столбах с древне-христианскими рельефами в Армении⁴. Отчасти подходит по характеру исполнения и узор на поясе Ардашира II-го (379—384 гг.)⁵.

На капителях северной галереи все треугольные срезы украшены, как было выше отмечено, одним общим узором из трех как бы нависающих друг над другом завес⁶. Такой же треугольный срез на восточной капители южного портика, которая вся покрыта геометрическим орнаментом, заполнен одним большим с завернувшейся вперед, как у акантов, верхушкой, листом, точно скомпанованным по данному полю⁷. Это, конечно, совершенно искусственное формообразование, но в сообществе остальной резьбы Болнисского Сиона оно кажется вполне естественным, настолько отдельные образующие его элементы, как основной ствол, как отдельные лопасти листа, как верхушка его, неразрывно связаны с нею.

Этим самостоятельным растительным заполнением треугольного среза как бы завершается цикла композиционных фантазий художника Болнисского Сиона на растительные темы, которые—как видно—очень сильно привлекали его внимание, ибо он покрывал не только более или менее крупные и самостоятельные плоскости таким убором, но даже и ряд остававшихся у него, совершенно маленьких по размерам, пустых мест он заполнял той или иной фантазией или комбинацией из

¹ E. Herzfeld und S. Guyer, Meriamlik und Korykos (Monumenta Asiae Minoris Antiqua, Vol. II), Manchester 1930, Abb. 47, S. 49 und Abb. 48 und 49, S. 50, и стр. 52; Fr. Wachtsmuth, Der Raum, II, Marburg a. L. 1932, S. 89—90, купольную церковь считает построенной во вторую половину V века.

² Rott, рис. 14, с. 37 и рис. 121—120, с. 323 и 321. Ср. еще борт на коптских тканях VI века: O. v. Falke, Kunstgeschichte der Seidenweberei, Bd. I, 1913, Abb. 59 u. 60.

³ См. выше, с. 106 слл.

⁴ Особенно на сохранившемся в двух кусках (фото б. Анийского Музея Древностей).

⁵ Herzfeld, Am Tor von Asien, 1921, Abb. 16, S. 64.

⁶ См. табл. VII вверху и табл. VIII вверху.

⁷ См. табл. VI внизу и 3 схему на рис. 99. Ср. Voguë, pl. 97 (на саркофаге IV—V века), равно в Италии VIII—IX вв.: Cattaneo, p. 97, fig. 36; p. 171, fig. 93a, p. 287, fig. 157; или в резьбе Так-и-Бостана: Am Tor von Asien, Abb. 18, S. 75.

растительных мотивов¹. Тут же нужно отметить, что на только что привлеченной восточной капители южного портика вместо жгута, обходящего под капителью все полуколонки, создан специфический мотив какого-то растительного прообраза².

Но все-таки, несмотря на такой явный интерес художника к узорам этого содержания, они не занимают, да и не могут занимать у него доминирующего места, поскольку оставались только декорацией и не приобретали символического значения. Только один раз, как мне кажется, когда он изобразил трижды подряд иератические, украшенные лентами деревья, он усвоил этому изображению также какое-то символическое значение, и занял, действительно, всю большую грань капители. В композициях же с животными этот момент инсказательного значения всегда налицо и потому вполне естественно, что таким композициям отведено более видное, вернее говоря, теснее связывающее их с молящимися, место.

Сопоставляя резьбу двух рассмотренных тематических групп между собой, нельзя не отметить известной нюансировки в высоте рельефа, которую применяет художник. Как было отмечено уже во вступительных замечаниях, вся резьба отличается стилистическим единством формы, которой свойственна большая сила выразительности. Вот этот то момент и решает в каждом отдельном случае вопрос о высоте рельефа. Если сопоставить капитель крылатых львов или бычачьей головы непосредственно с капителью иератических деревьев, или виноградных побегов на северо-восточной и средней капителях баптистерия, то раз-

¹ Ср. искусственное дерево справа на большей грани северо-восточной капители баптистерия и заполнения прямыми листиками промежутков между тремя крестами третьей капители северной галереи, и в особенности угол правой грани той-же капители, уголок западной капители южного портика, уголок северо-восточной капители баптистерия, оба уголка юго-восточной (геометрического узора) капители баптистерия (ср. схемы на рис. 99 и рис. 105).

На двух раскрытых только осенью 1939 года капителях северной галереи также применены растительные мотивы, при этом новых по сравнению со всеми разобранными рисунков. Так на лицевой грани восточной капители два дерева и полочка с иной стилизацией аканта. А на западной капители на лицевой грани три больших листа нового рисунка, и на боковой также (см. детали выше, на с. 164 и рис. 92—95).

² См. ниже с. 178—179 (и рис. 18). Создается впечатление, не использовал ли архитектор здесь эллинистический прием листового бордюрика по низу капителей, как, напр., сохранившиеся в примерах V—VI в. в купольном храме в Мериамлике и в мечети Эль-Акса в Иерусалиме; Herzfeld und Guyer, *Meriamlik und Korykos*, Abb. 57, 58; Кондаков, *Археол. пут.* по Сирии, рис. 41, с. 226; Strzygowski, *Felsendom und Aksamoschee (Der Islam, II, 1911), Taf. III. 2 b.* Кондаков датирует капитель V веком, а Стриговский, с. 89, шестым. Тоже на столбиках парапета из Измита в Музее Истанбула (см. сообщение Арифа Муфита в *Archaeol. Anzeiger*, 1931, Sp. 199—202, Abb. 20—23).

ница в высоте рельефа кажется столь существенной, что грозит произвести разрыв в них. Но уже обратив внимание на стебли последних или на сочность закругляющихся листиков, выдвигаются более рельефные, а для данных изображений максимально допустимые по рельефности части композиции, которые к тому же вполне отвечают высоте рельефа в растительных изображениях тех же капителей с животными (в частности, например, лист над бычачьей головой). И тогда делается понятным, как моделирует мастер, сообразно реальным особенностям, объекты, привлекаемые им из реальной жизни для включения в свои композиции: виноградный лист он дает плоским, низким рельефом, стебель закругленным, ягоды винограда также подымает в ровную плоскость, а туловищам животных дает впечатление закругленности по контурам и в линиях внутреннего рисунка, нигде не переступая однако рамок рельефа. Конечно, этот формальный момент более высокого и сильнее моделированного рельефа в фигурах животных по сравнению с изображениями растений также играет свою роль во впечатлении большего значения первых из этих сюжетов.

Наши попытки подыскать непосредственные параллели к убору капителей Болнисского Сиона дали—как видно из приведенных выше примеров—мало удовлетворительный материал: они только очень отдаленно могут быть привлечены, как параллели. Это скорее только напоминание известной общности направления, того, как претворяется тот или иной мотив. Не более. Таковы суховатость деревьев, широколопастные листья и т. д., что наводит на память так называемые сасанидские произведения или ранне-христианские Малой Азии и др.

3. Третью тематическую группу составляют капители с основным декором из геометрического орнамента. На капителях Болнисского Сиона применены два мотива—ложчатый орнамент и орнамент из пересекающихся кругов. Есть, конечно, еще другие мотивы, но они имеют значение только дополнительных заполнений мелких переходов и т. п.

Мотив ложчатого орнамента составляет основное украшение всей левой (северной) приабсидной капители базилики¹. Он расположен в два ряда один над другим по всем трем граням капители, но на каждой грани построение в себе замкнутое, отделенное рамочкой и не соединяющееся с соседними гранями². Однако, этим не исчерпывается весь убор капители. Еще в поле ее сверху протянут горизонтально прямой стебель, от которого поднимаются короткие стебельки, венчаемые тремя листиками (цветками): это тот мотив, который фланкирует каждое из иератических деревьев капители южного портика³. Здесь

¹ См. чертеж по обмеру на рис. 102.

² См. табл. II сверху и рис. 86 в 87.

³ См. четвертую схему на рис. 98.

опять интересно оттенить известную уже нам, бурную натуру художника, всегда грозящую нарушить стройное, спокойное ритмическое течение или симметричное построение: в левом конце этого ряда растений на лицевой грани он вдруг пускает на самом краю значительной увеличением и сильнее раскрывшийся цветок, а рядом с ним такой же, но на косо идущем стебельке¹. Наконец, на полочке этой капители также мотив растительный, выше отмеченный². Таким образом, в целом капитель эта декорирована совершенно просто, но очень выдержанно и художественно законченно, что особенно проявляется в умелых пропорциях двух рядов ложчатого орнамента между собой и ко всей капители, в старательно выполненных обрамлениях и в дополнительном по низу жгуте.

Этот же мотив ложчатого, или каннелюрного, орнамента только в одну, и не такую высокую, полосу пущен по полочке правой приабсидной капители с изображением крылатых львов³. А опять в два ряда, один над другим, он украшает тягу в конхе абсиды в северной галлерее⁴. Полочка этой тяги покрыта полосой орнамента из пересекающихся кругов.

Ложчатый орнамент восходит, как отметил уже Стриговский к мотиву, украшающему входы древних ахеменидских дворцов в Персеполе и повторенных в штукатурке в сассанидском дворце в Сарвистане⁵ и в Фирузабаде⁶. Встречается он и в поздней римской архитектуре, напр., в перистиле Диоклетианова дворца в Сплитте (Спалато) начала IV-го века⁷. Но наибольшее распространение получает, повидимому, имен-

Рис. 102. Северная приабсидная капитель (по обмеру).

¹ Ср. табл. II сверху и рис. 103.

² См. вторую схему на рис. 99.

³ См. табл. I.

⁴ См. рис. 90. Сохранность плохая, а потому с полной уверенностью не могу утверждать полного тождества построения с капителью.

⁵ *Iranische Felsreliefs*, 153 (рис. 70), 15 (рис. 5); Dieulafoy, *L'art antique de la Perse*, t. IV; F. Stolze, *Persepolis*, Berlin 1882, Bd. I, Taf. 8.

⁶ Perrot et Chipiez, *Histoire d'art dans l'antiquité*, t. V, 1890, fig. 366 et 367 (р. 573—4 по Фландэну и Коет) и fig. 368 (р. 575 по Дьеулафу). Преемственность и подражание ахеменидскому искусству являются характерными для сассанидской поры (ср. *Iran. Felsreliefs*, S. 98, 129).

⁷ Kowalezyk, *Die Denkmäler der Kunst in Dalmatien*, Bd. I, Berlin 1910, Taf. 9 и 10 (капители крайних пилястр); O. Wulff, *Die Koimesiskirche von Nicäa*, Strass-

но в ранне-христианскую эпоху и в странах Передней Азии. Так он встречается в Малой Азии, в Сирии, Армении и Грузии, а также в Византии¹.

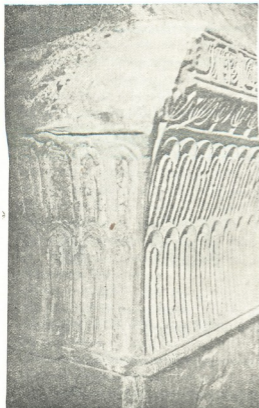

Рис. 103. Северная грань северной приабсидной капители.

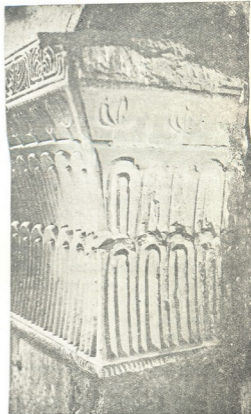

Рис. 104. Южная грань северной приабсидной капители.

burg i. E. 1903, S. 58 und Note (и раньше: *Виз. Врем.*, VII, 1900, с. 343—4) и M. Bühlmann, Die Entstehung der Kreuzkuppelkirche (Beiheft 10 zu: *Zeitschrift für Gesch. d. Arch.*), 1914, S. 65—66 (он перечисляет еще примеры из римской архитектуры, в том числе на известной Maison carrée в Ниме), Н. Кондаков, Археол. пут. по Сирии, тбл. X—приводит дверь III века из Эль-Хита.

¹ Strzygowski, Kleinasien, S. 67, Abb. 57 (Konstantinskirche bei Andaval) und Abb. 138; Ramsay a. Bell, p. 360 (fig. 280); O. Wulff, fig. 14 und 30-b (Klemenskirche in Ancyra) и дверь в жертвенник в Никее; ср. еще O. Wulff, *Вуз. Зл.*, XIII, 1904, S. 567. Vogüé, pl. 15, 104 et 148; Butler, 1903, p. 30, 367, 381; Weyer, Abb. 22 и 24. Текорская базилика—наличник двери: Н. Марр, *Христ. Восток*, т. III, 1914, тбл. 1. Ближний вариант имеется на капители южного входа в малую ц. Креста Мцхетского (см. мои *Untersuchungen...* I, 1, T. 1921, илл. в тексте и табл. VII, или *История*, I, рис. 43 на стр. 63).

Wulff, с. 58—61 и 167 (и раньше: *Виз. Врем.*, VII, 1900, с. 343—344) приводит ряд примеров развития в византийском искусстве. См. также Bühlmann, рис. 9, 25, 27, 30 двух храмов Пароса (собора и св. Николая).

Второй мотив геометрического орнамента, который применен для заполнения основных поверхностей капителей в Болнисском Сионе, может быть кратко обозначен, как узор перекрещивающихся кругов. Если выделить один элемент этого выполненного уже орнамента, то мы получаем круг двойного контура, в котором заключается особая квадратная фигура также двойного контура, но с вогнутыми сторонами квадрата. Этот мотив был, видимо, очень мил художнику, так как он его применял в четырех капителях Болнисского Сиона на больших плоскостях, а кроме того еще

применил на многих капителях в качестве узора полочки выделенную из этого мотива одну полосу кружков с частями пересечений, а кое-где только полосу из половины кружков. И в этих же двух разновидностях полос он использовал этот мотив также для отделки баз пилеастр и полуколоннок в базилике, в северной галлерее и в южном портике. При этом он вносит, конечно, различные вариации в деталях узора и в способе вкомпановывания его в то или иное поле.

Рис. 105. Юго-восточная капитель в баптистерии.

Обе южные капители абсид баптистерия, т. е. юго-восточная и юго-западная, покрыты не только по обращенным друг к другу сторонам, но и по другим также, этим орнаментом из перекрещивающихся кругов, как по основным полям, так и по верхним полочкам¹. При этом кружки в полосе полочек раза в два меньше кружков основных поверхностей: больших кругов на большей грани помещено по длине 4, а маленьких $8\frac{1}{2}$, а на меньшей грани — больших $2\frac{1}{2}$, а маленьких $5\frac{1}{2}$. В центре каждого квадратика, а кое-где и полуквадратика сделан шарик, а по средней линии скрещения кружков сделаны большие круглые углубления с дополнительным внутри кружком контура. Обе эти капители на самом внешнем углу сверху дополнительно разделяют капитель и даже включают миниатюрное украшение растительного мотива. Конечно, каждое поле обрамлено, а по низу протянут жгут.

Аналогично этому украшена мотивом перекрещивающихся кружков также северная грань северо-западной капители баптистерия². Толь-

¹ См. рис. 105 и 106—107.

² См. табл. III внизу слева.

ко здесь кружки мельче—их по высоте три (вместо двух—на предыдущих капителях), а по длине в каждом ряду $5\frac{1}{2}$ (вместо 4). Верхняя полочка, как выше разобрано, украшена побегом с листьями плюща и гроздьями. Выступающий вверх край заполнен нарезками без определенного рисунка. Рама не всюду выработана так точно и ясно, как на других капителях. По низу же проходит жгут. Шарики и здесь сделаны в центре ромбов, но углубленных кружков по средней горизонтали в стыках скрещений нет.

Рис. 106. Юго-западная капитель в баптистерии—восточная грань.

Тем же мотивом перекрещивающихся кругов покрыта единственно уцелевшая средняя грань восточной капители в южном портике¹. Эта капитель той особенной формы с треугольными срезами углов, которая применена для установления на полуколонках, а потому по косому срезу края при-

шло сделать дополнительные кривые нарезы для заполнения пустот. В ромбах—шарики, углублений же по средней горизонтали здесь нет. По высоте капители здесь помещаются опять два круга. На полочке кружки меньшего диаметра, а шарики в них не одинаковы по величине. Вероятно, при высекании рисунка произошла ошибка в процессе работы, ибо иначе нельзя объяснить, почему бы после высеченных от угла полутора кружков снова высекли полукруг, а не целый: очевидно, начав с левого угла, работа была прервана и продолжена с правого, без предварительной точной разметки. Впрочем, как раз на главном поле этой капители видны линии первоначальной графы для выполнения всего рисунка². По сторонам капители идет узкая полоска из треугольничков. Кроме того под капителью, из одного с нею блока высечен как-бы жгут, обходящий однако по контуру не капители, а полуколонок. Это между тем не жгут, который

¹ См. табл. VI.

² См. фото Ермакова № 18148, хотя отчасти заметно и на табл. VI. Такими линиями намечена общая разбивка, а затем проведены были циркулем кружки.

имеется под другими капителями, а своеобразное накладывание как-бы акантовых листов на валик, с глазком¹.

Этот же орнаментальный мотив покрывает полочки ряда капителей в качестве выделенной полосы из перекрещивающихся кругов. Так,

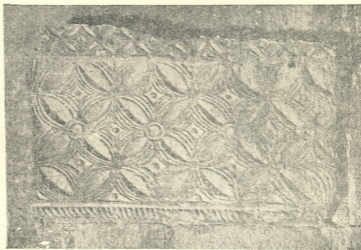

Рис. 107. Юго-западная капитель в баптистерии—
южная грань.

западная капитель южного портика имеет этот мотив по обеим граням, при этом характерно, что по восточной грани в центре ромбов шарики, по южной-же маленькие крестики². По полочке северо-восточной капители баптистерия кое-где по наружным очертаниям полосы также проставлены шарики, как и в центре ромбов³.

По всем капителям северной галлерей, где только сохранилась полочка с геометрическим орнаментом, там она представлена половиной полосы перекрещивающихся кругов, т. е. узором почти так называемых ланцеток. Обрывки или следы этого убора имеются на обоих капителях первой пары⁴, на второй⁵ и в хорошей сохранности на третьей⁶, заметны следы и по левой грани четвертой капители этой северной галлерей. И на полочке открытого в 1939 г. в кладке свода

¹ См. выше с. 173 (ср. рис. 18).

² См. табл. V.

³ См. табл. III вверху.

⁴ Ср. табл. VII вверху слева.

⁵ Ср. табл. VI вверху справа.

⁶ См. табл. VIII вверху.

северной галлерей фрагмента капители тоже была полоса из переплетающихся полукругов. Высота полочки 7,5 см, а ширина одного звена 13 см¹.

Для украшения резьбой кубических баз пилястр и полуколонок базилики и притворов также применен мотив перекрещивающихся кругов в виде полосы их или полуполосы.

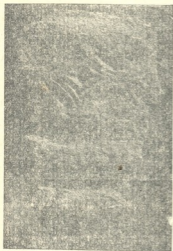

Рис. 108. Фрагмент базы из находок 1916 года в Болнисском Сионе.

Базы пилястр базилики сохранили в очень потревоженном от времени состоянии соединение полосы кругов, затем валиков (двух или одного) и внизу полосы полукругов: ясно различимые остатки сохранились *in situ* на 2-й и 4-й пилястре северной стены². Обломок, очевидно, одной из таких баз пилястр был мною случайно обнаружен в первое посещение 1916 года в куче камней внутри базилики и тогда же передан в Музей Грузинского Общества Истории и Этнографии³. Другой фрагмент использован в кладке северной пристроенной церкви, внутри ее, в северной стене около западного угла, в первом нижнем ряду кладки⁴. Здесь

имеем полосу из перекрещивающихся кругов, а под ней оригинальный рисунок из розеток и листьев.

Базы под полуколонками северной галлерей открыты были благодаря раскопкам. На всех пяти, сохранившихся по южной стене—один и тот же убор из полосы перекрещивающихся кругов по всем трем сторонам куба, заключенный в валики обрамления⁵. Здесь тоже по внешнему контуру кое-где шарики.

Как отмечено в описании, база устоев была и в наружных пролетах северной портика кубовой формы с полосами орнаментальной резьбы. Сохранившиеся два примера воспроизводят в первой арке по

¹ На описанном выше (с. 61) обломанном блоке (58×72 см) капители (?) этот узор заполняет всю поверхность только пересечением в пределах двух полных кругов.

² См. выше рис. 86 во втором ряду справа, а в нижнем ряду—базы полуколоннок северной галлерей и базы в наружном западном проходе.

³ См. рис. 108.

⁴ См. рис. 109. Перевернут при использовании в кладке.

⁵ См. табл. VIII внизу, воспроизводит хорошо сохранившуюся 5-ую базу.

северному фасаду полосу из пересекающихся кругов, а в пятой арке— в проходе с западной стороны—полосу из пересекающихся кружков, а под нею вторую из ланцеток высотой вместе 23 см¹.

Также только раскопки открыли базы под полуколонками в проходе южного портика² и под западной пилястрой его у северной стены. Характерно, что обе эти базы украшены мотивом в полосинную полосу кругов, хотя помещены под совершенно различными по форме устоями. К сожалению, обе сильно изъедены сыростью и солями покрывавшей их земли.

Орнаменты такого принципа построения Алоиз Ригль называет «unendliche Rapport», а Стриговский «Muster ohne Ende»³. По существу, конечно, он возможен и встречается в самые различные эпохи. Но как раз в ту эпоху, когда был создан Болнисский Сион и когда с такой эффективностью большое монументальное искусство было оплодотворено искусством широких народных масс, пропиталось насквозь его духом, его радостью и его декоративными мотивами, узоры этого типа справляют триумфы своих высших достижений. Мы встречаем его уже в древнейших христианских постройках Сирии, Египта, Рима⁴. В ходу он

Рис. 109. Фрагмент базы в кладке стены в северном приделе.

¹ См. табл. VII внизу.

² См. выше, рис. 18.

³ *Stilfragen*, Berlin 1893, S. 308 sqq; *Spätromische Kunstindustrie*, 1927, S. 79 sqq; *Amida*, S. 154; *Altai-Iran und Völkerwanderung*, 1917 S. 150 u. a.

⁴ Напр. на сирийской гробнице 420 года: *Vogüè*, t. II, pl. 81; там же V и VI вв.: pl. 49 и 50; в сирийской резьбе по дереву V—VI века: *Strzygowski*, *Koptische Kunst*, Kairo 1904, Abb. 189 на с. 130 (№ 8792); в Бавите: *Clédat*, in: *Mémoires de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire*, tome XIII, fasc. 1, 1911, pl. XXV; на дверях S. Sabina, Roma: *Colasanti*, *L'art byzantin en Italie*, pl. 71 или *Venturi*, *Storia dell'arte italiana*, t. I, fig. 327.

также в уборе сассанидских дворцов¹, а также на золотых сосудах известного Микложского клада Венгрии, датируемого VIII—IX в.², где он уже потерял свою логичность и живую связь со своим происхождением и построением. Как раз обратное нужно подчеркнуть на примерах применения его для декора Болнисского Сиона—совершенно свободного, естественного, то с одними, то с другими вариациями, то сплошной поверхностью, то одной лишь полосой кругов, то даже половинной их полосой. Этим ярко выявлено, что данный мотив был совсем живым, новым, не превратившимся в шаблон и трафарет.

Рис. 110. Крест в гладком круге на северной приабсидной плитах.

4. Последнюю группу резных украшений Болнисского Сиона составляют изображения креста. Конечно, цель и задача вырезывания креста была чисто религиозная, но так как основная масса этих крестов, заказанных, очевидно, вкладчиками-же на постройку Сиона, была выполнена по указаниям архитектора, то получились они художественно оформленными, т. е. действительным украшением здания.

Как отмечено в описании, по фасадам Болнисского Сиона имеются три резных в камне кладки креста, а внутри его значительно больше—9 в кругах и 5 удлиненных. Кроме того, изображения креста включены еще в композициях убора капителей северной галерей и баптистерия.

Доминирующей формой креста, изображенного на стенах Болнисского Сиона, является равнобедренный крест, вычерченный сегментами круга с четкой прорисовкой контуров и с небольшой ручкой внизу. Кресты этой формы заключены в круглые рамы. Одни из этих круглых рам состоят только из кругов (двух, один раз трех), в других же эти круглые обрамления заполнены треугольничками, составляю-

¹ Так на куске орнамента, резанного по штукатурке среди стених украшений одного иранского здания VI—VII века и доставленного экспедицией в Самарру в Берлинский Kaiser-Friedrich-Museum (Islamische Abteilung), имеется такой же орнамент из перекрещивающихся кругов и с шариками в центрах. Ср. также предварительные отчеты о раскопках Ктезифонской экспедиции 1928-29 и 1931-32 годов, изд. Отделения исламского искусства госуд. музеев Берлина; равно Mschatta, рис. 117 на с. 354. Интересно, что тот же мотив переплетающихся кругов встречается опять и в Италии VIII века в Бреши (Cattaneo, fig. 65, p. 137).

² Riegl-Zimmermann, Spätromische Kunstindustrie, Bd. II, Wien 1923, Taf. XXX, XXXI und Abb. 81, также Н. Кондаков, Византийские эмали, 1892, и др.

щими непрерывный зигзаг¹. Особо необходимо отметить, что такая рама зигзагом удвоена вокруг креста на плите со строительной надписью епископа Давида над алтарным окном²; а в отделке креста над южным входом³ и в меньшем объеме над северным входом⁴ применены шарики, как мы их отмечаем на капителях с орнаментом из перекрещивающихся кругов и на некоторых растительного мотива. Нако-

Рис. 111. Надпись Давида с крестом в центре.

нец, дополнительно совсем особо декорирован подписной крест на третьем столбу северного ряда⁵: здесь не только сделаны в тяблах шарики, но и поля между тяблами разделаны насечкой как бы в виде больших листьев с жилками; из обрамляющих крест концентрических кругов средний выполнен как бы жгутом; наконец, все это охвачено стеблем с двумя трехлопастными листьями на его концах.

¹ См. рис. 93 — крест на северной приабсидной пиллястре. Такого рисунка круглого обрамления крестов встречаются в Болниси и его районе довольно часто и Л. Мухелишвили справедливо именует такие кресты для упрощения „болнисскими“.

² См. рис. 111, а также рис. 33 и 48.

³ См. рис. 112.

⁴ См. выше, рис. 49.

⁵ См. рис. 113. Такой же разделки крест вывезен Дманисской экспедицией 1936 года из Орозмани (25×25 см), а другой в раме из треугольничков зафотографирован (на фрагментированном блоке камня) в Укап-Гори в эксп. 1937 г. в Дманиси.

Этот набор изображений равнобедренного креста в круглых рамах своим исполнением входит неразрывно в общий состав декоративной резьбы Болнисского Сиона. Мелкие детали исполнения, как листья Варданова креста, или шарики креста южного фасада, или профиль обрамления повторяют те же формы, которые встречаются и в резьбе капителей. Узор зигзагом в рамках части крестов и, что особенно ценно, в раме креста на обоих надписях епископа Давида, нам

Рис. 112. Крест над арочным входом с юга.

повстречался уже на восточной капители южного портика¹, а также в композициях декора двух капителей северной галлерей *in situ*, где включены такие же рамы с крестами. Итак, не только общий характер исполнения резьбы крестов, но отдельные элементы ее совпадают с остальным убором Болнисского Сиона и этим лишней раз подчеркивают одновременность исполнения.

Рассмотренные изображения креста равнобедренного и в медальоне являются по выражению Стриговского — типичным воспроизведением креста победы Константина на Востоке². В наших изображениях несомненно воспроизведение чеканных металлических крестов с их ручками внизу³. Но при этом нужно оттенить, что никакого знакомства или подражания отделке знаменитого позднее вотивного креста

удлиненной формы, установленного на Голгофе в эпоху Юстиниана, в рассмотренных равноконечных крестах нет так же, как и в удлиненных, о которых ниже. Именно, нет завершения каждого тябла креста двумя шариками по углам, воспроизводившим драгоценные камни вотивного креста на Голгофе⁴.

¹ Ср. табл. VI.

² *Amida*, 1910, S. 193 (и 200).

³ Н. П. Кондаков, *Археологическое путешествие по Сирии и Палестине*, 1904, с. 156—157 и 159, говорит о постановке именно драгоценных крестов на Голгофе в начале V века.

⁴ Д. В. Айналов, *Голгофа и крест на мозаике IV века*, в *Сообщениях Православного Палестинского Общества*, 1894, с. 7—11 отд. отт. *Ею же*, *Эллинистические осно-*

Изображение этого легендарного, явленного Константину, креста в медальоне встречается как самостоятельно, так и в изображениях не-

Рис. 113. Крест с надписью В-на Н-п-а

сомого ангелами креста. Для первых сравни изображения на храмах V века в Малой Азии, Сирии и др.¹, затем на капителях (и, кажется, вм визант. искусства, 1901, с. 182, 198, 204, 222—223. Ср. Strzygowski, *Etschmiadsin-Evangeliar*, Wien 1891, S. 22, 34—35, 220—222.

¹ H. Rott, *Kleinasiatische Denkmäler*, Leipzig 1908, Taf. II (bei S. 16) zu S. 323, 319 (36, 164, 337) где нет стилистического сходства; Butler, 1903, p. 33, где один диск

в абсиде Ереруйской базилики в Армении¹, где медальоны выполнены таким же зигзагом, как некоторые в Болнисском Сионе, равно во Мрене и Текоре, где медальоны из гладкого двойного круга². Кроме того еще близкие по форме кресты в кругах, возвышающихся на ножке и постаменте, вырезаны на одном столбе в церкви в Одауне, тепешний Узунлар в Армении, и в Дманисском Сионе³. Группы несения креста ангелами встречаются в крупных монументальных композициях из камня на некоторых храмах Грузии-же. Так на б. ц. Креста Мцхетского (Джвари), относящейся к 590—604 гг., на церкви Успения в Сафарском монастыре и др. Рассмотрению ее с привлечением параллелей из всеобщей истории искусства посвящены страницы в 3-ей главе моей ненапечатанной монографии о Памятниках Джварского типа⁴.

В трех композициях резьбы на капителях баптистерия, как было указано выше, также имеются изображения крестов. Они небольших размеров и по своей форме воспроизводят распространенный тип массивных нагрудных крестов. Два из них так и изображены подвешенными, а третий хотя стоит, но по легендарному смыслу тоже скорей подвешен между рогами быка⁵. И здесь контур каждого креста еще раз обведен линией. Как прообраз этих крестов—нагрудный крест—они имеют почти равнобедренную форму, настолько несущественно удлинение нижнего тябла.

Также небольших размеров три креста вряд, вырезанные в нишах на лицевой стороне третьей капители северной галлерей. Эти три креста имеют уже отчетливо выраженную удлиненную форму с очень короткими поперечными тяблами. Очертания каждого тябла здесь, как и у крестов на капителях баптистерия сделаны прямыми линиями, слегка расходящимися от перекрестья. В форме тябла сделаны выемки того же характера, каким отмечаются отдельные звенья листьев⁶.

(№ 15) имеет аналогичную рамочку из треугольников, как болнисские кресты, и многие другие. См. еще собор в Градо (571—586 гг.): Cattaneo, fig. 5, p. 62.

¹ Фото Анийск. Муз. Дрвин. 1907, 1908 и 1915 гг. Не вполне ясное воспроизведение такого креста на восточной двери южного фасада см. Strzygowski, Die Baukunst der Armenier, Abb. 442, S. 416.

² Во Мренском соборе (639—640 года) на тимпане южной двери, в Текорском храме на западном фасаде.

³ ლ. მუსხელიშვილი, დმანისი (შოთა რუსთაველის ეპოქის მატერიალური კულტურა, პრეტ. ივ. ჯავახიშვილის ზედაქვეით), ტფ. 1938, გვ. 366 (рис. 2).

⁴ Орнаменту зигзагом Стриговский уделил особое внимание в своем исследовании о Мшатте (с. 263—266).

⁵ Ср. табл. III и IV.

⁶ См. фото Ермакова № 18155, сделанное лет 35 тому назад, когда капитель была еще в лучшем, чем теперь состоянии. С трудом различимы на табл. VIII.

Удлиненность формы крестов на этой капители явственно отвечает особенностям всей композиции¹.

Изображение трех крестов встречается согласно разысканиям проф. Д. В. Айналлова до VII—VIII века примерно. Нередко боковые кресты бывают меньше среднего. Это изображение является воспроизведением трех крестов, которые в древнейшее время показывали в так назыв. Мартирии на Голгофе, и считается как бы сокращенной, символической редакцией изображения распятия Христа².

Таким образом, в твердом наборе резьбы Болнисского Сиона мы встречаемся с крестами не только равнобедренными в медальоне, но также и с крестами удлиненной формы. Этот факт имеет для нас существенное значение, так как на западных пилястрах северных столбов базилики вырезаны на той же высоте человеческого роста кресты удлиненной формы с едва сходящимися к перекрестью прямыми линиями, которыми они означены, без каких-либо украшений, в том числе и воспроизведениями драгоценных камней; на сохранившемся лучше других кресте пятого столба внизу выделены ножки³. Если эти кресты мы и не можем считать вырезанными по указаниям и рисункам архитектора, то все-таки не видим основания к тому, чтобы по времени их оторвать от периода возведения храма. Я полагаю из рассмотрения их резьбы, что они непосредственно примыкают ко времени окончания постройки так же, как и подписной крест Вардана⁴.

Кресты, вырезанные внутри Болнисского Сиона отмечают, очевидно, те места в храме, где стояли вкладчики больших сумм на храм во время службы. И в отношении вырезанных по рисункам архитектора можно с достаточным вероятием полагать, что это были участники самой постройки, т. е. тот упомянутый епископом Давидом „сбор“⁵,

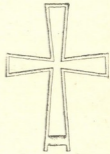

Рис. 114. Прорись креста удлиненной формы на пятом столбе базилики.

¹ Ср. еще фрагмент (высотой 42 и шириной около 45 см) навершия окна, извлеченный из закладки в 1939 г., где на горизонтальном профилированном отвороте подымается простой слегка удлиненный крест. Откуда этот фрагмент и какого он времени—остается открытым.

² Рецензия Д. В. Айналлова в *Виз. Врем.*, т. IX, СПб, 1902, с. 175; его же, *Эллинистические основы византийского искусства*, сс. 197—200, 204 и добавл. 222—223. В росписи капеллы 40 мучеников при Sa. Maria Antiqua в Риме также сохранилось такое изображение (W. de Grun eisen, *Sainte Marie Antiqua*, Rome 1911, pl. icon. LVII).

³ См. рис. 114.

⁴ Этого же я не берусь утверждать относительно разных стоячих, высеченных целиком из камня крестов, фрагменты которых разобраны выше (с. 5 сл.), хотя большинство из них, несомненно, должны быть отнесены еще к древнейшему времени.

который сделал осуществление его начинания возможным. Изображение этих крестов сосредоточено в северном нефе, в котором имеется еще дополнительно и надпись Азарухта о вкладе, как и надпись Вардана над крестом. Очевидно, это северное крыло церкви было местом стояния мужчин, которые торжественно входили не только через северную галерею, но и проходили через южный вход, южный и главный неф в свое специальное место (в северном нефе). Для женщин был выделен другой неф, вероятно, именно южный, почему в нем имеется всего один вырезанный при основании крест. Таков был, можно предполагать, порядок распределения верующих в храме в древнейшую эпоху при его построении. Конечно, отметки мест стояния на молитве принадлежали представителям феодальной знати.

5. Мы рассмотрели убор декоративной резьбы Болнисского Сиона, разбив его по сюжетным—если можно так выразиться—группам. Это облегчило задачу проникновения в глубины творческих установок мастера и в понимание единства методов проработки и оформления различных декоративных композиций. Но нам пришлось в связи с этим не один раз изолировать в рассмотрении отдельные составные части убора не только цельной капители, но даже и отдельной композиции. Это с одной стороны. С другой же—приходилось переходить от одного места к другому, редко имея возможность оттенить комплексное единство убора в той или иной его части. Поэтому прежде чем попытаться определить место декора Болнисского Сиона в целом в ходе развития грузинской архитектуры, нам необходимо коснуться теперь вопроса, насколько осознаны были художником задачи целостной композиции для отдельных капителей и для объединенной архитектурным пространством группы их.

Все пространство трехнефной базилики архитектор Болнисского Сиона оставляет без декоративной резьбы за малым исключением. Стройные и мощные столбы имеют только профилированные акценты у пят подковообразных арок в виде простых, гладких импостов в форме выкружки с полочкой и у баз столбов в виде нескольких вариантов крупных профилей, различимых только при ближайшем рассмотрении их. В среднем нефе только обе фланкирующие абсиду капители и базы продольных линий арок покрыты крупной, выразительной резьбой¹. Композиция каждой из этих капителей стоит совершенно особняком не только в грузинской архитектуре, но, сколько видно, вообще.

¹ Угловые капители конхи самой абсиды сейчас покрыты штукатуркой с остатками поздней росписи. Конечно, о них ничего определенного утверждать нельзя, но мало вероятным представляется, чтобы при наличной воздержанности в резьбе базилики мастер покрыл их резьбой.

Они также сильно разнятся и друг от друга. По построению каждая из трех граней капители является замкнутым в себе композиционным единством. Особенно сильно эта, выявленная в деликатных рамках, композиционная обособленность сказалась на правой капители, где в главном поле—животные (крылатые львы, серны, медведи), а на каждом боковом—по одному большому ветвистому дереву. Но и левая капитель с ее повторяющимися на всех трех гранях мотивами каннелюрного и растительного узоров все-таки обрамляет каждую грань порознь. Что касается обоих баз, то их геометрический рисунок, видимо, повторялся, являясь вариантом резьбы баз в боковых нефях.

К этой простоте, суровой простоте украшения среднего нефа базилики с одним, как-бы направляющим взор молящихся в определенном направлении—именно к алтарю—украшением прибавляется в боковых нефях отдела кубовых баз под пилястрами резной орнаментальной полосой. Очевидно, художник считался с тем, что молящиеся будут тут вплотную стоять около этих украшенных резьбой баз и смогут воспринять их красоту, тогда как главный неф—открытый и может быть только изредка заполняемый во время богослужения, именно, исполнителями культовых обрядов, но не молящимися,—воспринимался целиком и с расстояния, почему базы его столбов нуждались в сильной профилировке, но не в орнаментальной резьбе. Кроме того тут же даны совершенно интимные, рассчитанные, повидимому, на определенных отдельных лиц из числа молящихся, декоративные оформления основному христианскому символу—кресту.

Совсем обратное видим мы и в баптистерии и в притворах. В баптистерии низко расположенные капители покрыты резьбой¹. В тематике ее проявляется определенный подбор назидательных тем для только что принимаемых в лоно общины верующих—с одной стороны, и декоративных—с другой. Повидимому, в распределении их художника захватила на минуту и проблема ансамблевого решения, когда одно *vis-à-vis* трактует сцены с оленями, а другое—декоративно, при едином мотиве перекрещивающихся кругов; главный же назидательный акцент находится на средней капители, т. е. можно думать ближе всего к купели. В отношении техники резьбы эти близко расположенные к зрителю капители далеко не отличаются такой силой и высотой рельефа, как приабсидные в базилике.

В северной галлерее резьбой были украшены все капители и все базы полуколоннок. Сами капители, как и полуколонки, особой формы—

¹ Единственно средняя капитель северной стены под аркой не имеет никакого украшения; повидимому это не позднее исправление. Но утверждать я не могу за отсутствием определенных показателей.

художник явно искал в них особой декоративности. Недаром и кубовые базы здесь украшены опять резьбой. А плта свода выделена сухариками с разработанной формой. Наконец, по сторонам абсиды вырезаны медальоны с крестами. Обособленные плоскости капителей еще увеличились численно, а вместе с этим замысел убора стал более мелким, более интимным по содержанию. Тематически-же здесь так же, как и в баптистерии, объединяются все наличные в распоряжении художника возможности.

Капители южного портика несут несколько отличную от только что названных функцию: они должны указывать приходящим, где вход в храм, а не служить украшению внутреннего помещения. Поэтому размеры их крупнее, резьба выразительнее и каждая капитель соответственно занимаемому месту имеет, как было показано, различные формы. Тот же мотив полуколонок со специфической формой капители, который применен в северной галлерее, художник применяет и здесь справа при входе, но уже в совершенно иных пропорциях. А базу этих полуколонок, также как и базу пилястры внутри портика, он украшает одним общим узором из половинной полосы перекрещивающихся кругов — в этом опять сказался инстинкт единообразного охвата всего убора этого помещения. Что касается тематической стороны убора капителей, то элементы геометрического убора разных видов, растительные формы в соединении с царственно-божественными повязками, выражающими святость и могущество, наконец, животные фигуры объединяются здесь на одной и той же капители, иногда даже на одной грани. Таким образом, каждое из обособленных пространств Болнисского Сиона трактовано и в отношении декора различно и в соответствии с особенностями архитектурного пространства и назначения помещения.

Рассмотрение декоративной резьбы Болнисского Сиона приводит к тому же заключению в целом, как и детальное рассмотрение его архитектурных форм. Это памятник переходный, это этапный памятник хода развития к высшим точкам достижения, а потому в нем оказались соединенными разнородные элементы и разной силы охвата. Но если в архитектонике здания больше элементов исканий, не получивших еще законченного решения, чем непосредственных положительных достижений, и даже есть несомненные элементы ретардирующие поступательный ход развития, то в области декора о последних вообще нет помина, а число нерешенных исканий уступает первое место достижениям.

Прежде всего задачу декора Болнисского Сиона архитектор понимает, как дифференцированную, т. е. различную в разных помещениях, и не формирует свою резьбу единообразно всюду. Правда, сама задача декора здания понимается им, можно сказать, еще исключительно,

как задача декора внутренних пространств, о декоре фасадов, как таковых, нет еще речи. Маленькая лазейка получается для архитектора бессознательно, когда он оттеняет оба южных пролета входа капителями и декоративным крестом, и когда в строительной надписи на абсиде он делает еще сильнее декорированный медальон с крестом. Задача фасадного оформления, а вместе с тем и декора, как понятно из изложения архитектурных задач эпохи, еще не стояла перед архитекторами той эпохи, памятники только-только кое-где в отдельных местах намечают к ней подходы.

Если задачу декора Болнисский архитектор понял дифференцированно, то внутри каждого отдельного пространства он еще не чувствовал необходимости связной компановки, хотя кое-где у него фактически имеются и в этом направлении слабые намеки—опять естественно думать, что они получились не в результате сознательного решения. Да оно и естественно для данной ступени, ибо даже компановку одной какой-либо капители он, как правило, не воспринимал единой художественной задачей, а составлением двух или трех.

Главные завоевания нашего архитектора лежат в области компановки и разработки отдельных сюжетов. И здесь с полной яркостью сказывается, что чисто орнаментальные мотивы, как каннелюры, перекрещивающиеся круги, зигзаги, гофрированные завесы угловых срезов капителей и т. п. трактуются им в разных комбинациях, размерах, положениях совершенно свободно и уверенно, с различными вариациями и изменениями. Это показывает, что этого рода декор составляет плоть и кровь художественного понимания и творчества народа и живет полной жизнью в нем. В самих приемах резьбы можно отметить прямую зависимость от резьбы по дереву, как особенно ярко видно по резьбе зигзага с его косыми плоскостями срезов (то, что по-немецки называется *Kerbschnitt*). Однако, набор этих четко разработанных мотивов народного искусства, которыми распоряжается архитектор, еще очень ограничен. Уже вторая сюжетно группа, где происходит совпадение мотивов народных с мотивами, усвоенными—и сюжетно и по трактовке—из искусства других культурных народов, как мотивы растительные, далеко не все еще осилены им настолько, чтобы производить вполне законченное впечатление. Только в конце VI века в классическом произведении грузинского искусства, в Мцхетском Джвари, и растительный орнамент вполне достигает законченной трактовки: тут для древнего периода достигнуты вершины развития. Наконец, изображения живых существ,—в Болнисском Сионе еще только животных,—являющиеся следствием высокой культуры страны, стоят, действительно, на одной высоте с изображениями их как в сассанидском искусстве, так и в ранне-христианском других стран того же времени. И действи-

тельно, памятники грузинского искусства следующей эпохи с конца VI века и до VIII показывают как дальнейший рост со включением и человеческой фигуры в рельефные композиции из камня, так затем и постепенное падение в связи, вероятно, с нарочитыми запретами, преследованиями и борьбой церкви против скульптурного изображения фигур.

Таким образом, в наборе резного декора, а также в его исполнении совершенно отчетливо проявилось наряду с совершенно законченными в обоих направлениях, чисто орнаментальными образцами, распутившимися на почве широкого базиса народного творчества, также недостаточная еще, только намечающая художественные пути линия творчества декора из растительных и животных фигур—линия развития, которая именно в это время получает свое начало в Грузии. Но в отношении исполнения и эти последние переработаны им не только в общей, единой манере художника, но и вполне выразительно, чем лишний раз доказывается крупный, незаурядный художественный талант Болнисского архитектора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(К вопросу эволюции базиличной формы)

Болнисский Сион является, как показало предыдущее изложение, памятником исключительного значения. Он точно датируется последней четвертью V века и занимает в ходе развития грузинской архитектуры совершенно определенное место, которое остается не без влияния и на общее значение этого памятника в развитии архитектуры так назыв. „древне-христианского“ времени. Болнисский Сион является по архитектурному типу композиции базиликой, т. е. типом, не выросшим на почве Грузии из каких-то имевшихся уже архитектурных предпосылок, а искусственно прививаемым церковью по образцам прославленных построек на местах „земной жизни“ Христа. Насколько чужда была грузину-архитектору эта архитектурная тема, как она представлена в постройках константинова времени в Иерусалиме, Вифлееме или Константинополе, вытекает с исключительной яркостью из рассмотрения тех грузинских построек IV и V веков, [которые являются как-бы ответом на требование построек базиличного типа, как, напр., Некреси, Ст. Шуамта, Матанская Цхра-Кара и др.¹ В отличие от них Болнисский Сион и те несколько базилик, которые составляют непосредственно одну группу с ним, воспроизводят базиличный тип в общих нормах без каких-либо принципиальных отступлений или нарушений их. Если вся предшествующая группа обнаруживает кардинальное расхождение с типичным базиличным пространством, т. е. построенным в ритмическом следовании устоев рядами от западного входа до алтарной абсиды в восточном конце, то в группе Болнисского Сиона отражена пройденная уже школа, нарочитое изучение иноземных образцов базиличной архитектуры, которые грузин-архитектор конца V—начала VI веков несколько ослабил в этой своей специфичности типа и тем—не преднамеренно, конечно,—в возможных границах как бы приблизил к основным архитектурным установкам своего народа. А установки эти, выросшие на вековой традиции строительства широкой народной базы в архитектуре домов и т. п., вели на создание центрально-купольных композиций, как решения монументальных архитектурных заданий. И действительно, та стадия создания настоящей базилики, которая отражена в Болнисском Сионе и всей группе на переломе V и VI веков,

¹ См. о них в Истории грузинского искусства, т. 1, Т. 1936.

13. Известия ИЯИМК, т. IX.

явно не удовлетворила художественных потребностей, требований и исканий широких слоев грузинского народа и потому на протяжении почти всего VI века мы видим напряженное творческое искание решений центрально-купольных форм, которое к концу века озаменовано совершенно исключительным по силе и мощи композиционным творением, определившим вместе с тем совершенно самостоятельный ход всего дальнейшего развития грузинской архитектуры. Рядом с этим базиличная тема в последующее время применяется мало, в сравнительно второстепенных по значению заданиях и представляет при этом сравнительно с Болнисским Сионом небольшие по длине сооружения, явно отражающие на себе сильное воздействие норм центрально-купольных зданий. Таковы базилики Грузии VII, VIII, IX и X веков.

Это положение Болнисского Сиона, памятника конца V века, географически расположенного на крайнем Востоке древне-христианского мира, естественно вызывает вопрос, что дает изучение его для общего теоретического понимания развития древне-христианской базилики, как архитектурной формы вообще. Тут интересно и важно подчеркнуть прежде всего то обстоятельство, что вся эта проблема „происхождения древне-христианской базилики“, как обыкновенно формулируется самый вопрос, потеряла ныне всякий смысл или, по-просту говоря, превратилась в обычный, простой вопрос конкретного исследования увязки определенного памятника или группы их с другими, предшествующими и последующими. Но еще каких-нибудь четверть века назад одной из краеугольных проблем истории искусства данной эпохи являлась именно проблема „происхождения древне-христианской базилики“. Ей посвящены десятки книг и статей почти за все последние сто лет развития истории искусства, как науки¹.

Но уже с начала XX века, после непрекращавшегося появления все новых и новых теорий о происхождении древне-христианской базилики из каких-либо античных зданий, замечается в ряде наиболее крупных работ критическое сомнение в такой постановке вопроса². Но тем не менее решающего значения это не имело, ибо еще в по-

¹ Обзор литературы и сводку теорий с библиографическими указаниями см. F. X. Krauss, *Realencyclopädie der christlichen Altertümer*, Freiburg i. B. 1880, S. 109 слл. (особ. 110—120); Leclercq, in: Cabrol, *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*, t. II, 1, Paris 1907, col. 525 слл. (особ. 525—541) и t. IV, 2, 1921, col. 2323—2338; Н. В. Покровский, *Происхождение христианской базилики*, СПб. 1880; Ma u, in: Pauly-Wissowa, *Realenzyklopädie der Altertumswissenschaft*, Bd. III, 1899, S. 83 ff.; R. de Lasteyrie, *L'architecture religieuse en France à l'époque romane*, Paris 1912, (2-ое изд. 1929 г.), ch. III; C. M. Kaufmann, *Handbuch der christlichen Archäologie*, Paderborn 1922, S. 157—166 (§ 68—70).

² Первые, наиболее решительные в этом смысле попытки представляют статьи F. Wittning, *Die Anfänge christlicher Architektur*, Strassburg 1902 и Al. Riegl, *Zur Entstehung*

следние годы можно встретить изложение этой проблемы, как будто она живая, актуальная для науки еще и сегодня¹.

Если в 1847 году Цестерман в своей обстоятельной, по праву прославленной работе борется уже против укоренившегося с легкой руки писателей эпохи Ренессанса убеждения в „паразитическом обезьянчании“ римских базилик *forenses, domesticae* и пр. архитекторами древне-христианских базилик, что вызвало одобрение только у немногих авторов, тогда как большинство пыталось отстаивать это соотношение², то в 1902 году Виттинг вынужден со всей настойчивостью возражать уже и против деликатного утверждения о подражательности и о заимствовании основных элементов древне-христианских базилик (свет сверху через продольные стены среднего нефа, абсида, ряды устоев, даже трансепт) от римских³. Т. е. один и другой, хотя и в различной сообразно времени обстановке утверждений, выступают защитниками положения: христианская базилика есть самостоятельный продукт *christlicher altchristlichen Basilika* (1903), перепечатана теперь в *Al. Riegl, Gesammelte Aufsätze, Augsburg-Wien 1929, S. 91—110*, которые выдвигают особые подходы в рассмотрении художественных решений древне-христианских базилик; ср. сюда же *A. Schmarsow, Grundbegriffe der Kunstwissenschaft am Übergang vom Altertum zum Mittelalter, Leipzig 1905, S. 212—228*. Больше занимаясь общим обзором, трактуют вопрос *L. v. Sybel, Die christliche Antike, Bd. II, Marburg 1909, S. 278—297* и примыкающий к нему в этом вопросе *Edm. Weigand, Die Geburtskirche von Bethlehem. Eine Untersuchung zur christlichen Antike (Studien über christliche Denkmäler, hrsg. v. J. Ficker, Heft 11), Leipzig 1911, S. 66—71*, затем *Oscar Wulff, Altchristliche Kunst, Bd. I (Burgers Handbuch der Kunstwissenschaft), Berlin 1914, S. 201—244*, который дает обзор фактического материала памятников по странам, начиная с Востока и кончая Римом и Западной Европой, а также *J. Strzygowski, Ursprung der christlichen Kirchenkunst, Leipzig 1920*, и *O. M. Dalton, East christian art, Oxford 1925*.

¹ См. второе, посмертное издание книги *R. de Lasteyrie, Paris 1929*, где редактор дает на с. 732—760 дополнение материала (без критических установок, м. б. правда, из pieteta к покойному автору) и особенно книгу *Rud. Schultze, Basilika. Untersuchungen zur antiken und frühmittelalterlichen Baukunst, Berlin—Leipzig 1923 (Römisch-Germanische Forschungen, Bd. II)*, затем ст. *Ф. И. Шмита, К происхождению базилики. (Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к сорокапятилетию научной деятельности Н. Я. Марра, Известия ГАНМК, вып. 100), Ленинград-Москва 1933, с. 617—634*.

К сожалению, мне остались недоступными новейшие статьи по вопросу, как-то: *J. P. Kirsch, Die Entwicklung des Bautypus der altchristlichen römischen Basilika (Röm. Quart., 43, 1935, S. 1—22)*; *O. Wulff, Entwicklungsläufe der altchristlichen Basilika (Byz.-neugriech. Jh., 12, 1935, S. 61—96)*; *E. Kirschbaum, Der Raumcharakter der altchristlichen Basilika (Rev. arch. crist., 13, 1936, S. 271—303)*; *V. Müller, The Roman Basilica (Amer. Journ. Arch., 41, 1937, p. 250—261)*. А о содержании докладов на IV конгрессе по христианской археологии 1938 г. я знаю только по отчетной статье *G. Millet, Les Origines et le Développement des édifices sacrés de l'antiquité chrétienne (Journal des Savants, Janvier—Févr. 1939, p. 5—14)*.

² *Zestermann, Die antiken und die christlichen Basiliken, Leipzig 1847*.

³ *F. Witting, Die Anfänge christlicher Architektur, Strassburg i. E. 1902*.

стианского искусства, порождение собственного размышления¹. Но еще интереснее и значительнее для понимания поступательного хода развития нашей науки является другое различие в подходе обоих авторов, обусловленное различным уровнем развития науки. В эпоху Цестермана базилика является, можно сказать, единственной архитектурной темой древне-христианского времени, стоящей внимания; совсем иначе в начале XX века: для Виттинга она не является более „христианским культовым зданием *par excellence*“, а только „одной из его формулировок“².

Но на этих ограничениях и исправлениях, основанных все на том же, доступном еще и писателям эпохи итальянского Ренессанса материале, дело не остановилось. В связи с планомерным расширением программы изучения и основанными на нем изысканиями в восточных районах древнего распространения христианства появляются с первых годов XX века публикации архитектурных памятников из отдельных районов христианского Востока—из Малой Азии, коптского Египта, северной Африки, Месопотамии, Армении. Так выяснилось, что доминирующими, ведущими формами архитектуры на христианском Востоке являлись центрально-купольные композиции, чем объясняется и особенность развития византийской архитектуры, а вовсе не базилики, характерные для Рима и, повидимому, для римских провинций³. Таким образом, качественно и количественно базилики отступают во всех других районах на задний план и—как естественно можно было бы ожидать—отличаются при этом изобилием различных форм, чуждых или неизвестных в римских базиликах. Весь этот [новый] фактический материал поневоле выдвигает переоценку значения базилики в развитии архитектуры, которая, действительно, происходит, хотя медленно и достаточно робко. Во всяком случае игнорировать специфичность базилик отдельных стран не могут более даже сторонники зависимости древне-христианской базилики от римских. Так, Рудольф Шульце, давший новую реконструкцию базилики II-го до-христианского века в Помпее и постаравшийся сделать сводку всего материала языческих базилик Италии и Германии ради увязки с ними христианских базилик Германии, приходит все-таки к заключению, что „христианская церковь каждой данной страны переняла античную светскую базилику для своих целей в той форме, которую именно представляли наличные в

¹ См. Zestermann, S. 165 и Witting, S. 69.

² Witting, S. 88.

³ К сожалению, об обильном материале базилик в различных районах Греции, на островах архипелага, а равно в Болгарии я знаю только по случайным статьям или библиографическим работам. А даже в Болгарии приступлено к полной публикации всего материала (ср. *Вуз. Зл.*, 36, 1936, S. 529; *Byzantion*, V, 1929—30, p. 207—228).

их местностях в момент общего принятия христианского культа образцы¹. Он таким образом думает только об отдельных западно-европейских странах, вовсе игнорируя другие районы, где могло и не быть вовсе никаких римских светских базилик и где была своя местная, национальная архитектура высокого качества.

В обобщающих трудах тех авторов, которые в центре своего научного внимания имеют не только древне-христианское искусство, но и так называемое византийское, в состав которого, как известно, все еще охотно включают для заполнения зияющих пробелов в материале из собственно Византии те или иные национальные круги искусства Переднего Востока, как, напр., Вульф, Миллэ, Кауфман, Диль, Дальтон, вопрос об едином происхождении базилики, т. е. иначе о воспроизведении готовой архитектурной формы, переживает разве что еще в библиографической справке. По существу его невозможно более трактовать, так как известный, фактический материал изобличает ложность такой постановки вопроса так же, как и исключительной оценки этой формы. Поэтому вопрос получает свою нормальную форму изыскания конкретных ступеней развития конкретных композиций на фоне общего понимания процессов художественной эволюции того или иного времени.

В отношении показа всего процесса эволюции архитектурного пространства в искусстве классического Переднего Востока и отчасти Европы, приведшего закономерно к тем новым формам, которые были приняты в странах распространения христианства, особый интерес представляет исследование Фридриха Вахтсмута². Он считает, что развитие форм так называемой ранне-христианской архитектуры, и в том числе базилик, является этапом на пути общего развития архитектуры тех стран, где христианство образовалось и где оно получило распространение, т. е. Переднего Востока, Западной Европы и Северной Африки. Он полностью, принципиально и сознательно отбрасывает гипотезу римского происхождения древне-христианской базилики, выявляя ведущие творческие моменты новой конструктивной архитектуры, постепенно выработавшей и новые ее формы. Он оттеняет известные тенденции, которые увязывают ее с предшествующими этапами развития архитектуры в Передней Азии, а также определенные явления, которые были использованы в связи с международным обменом форм между Римом и Востоком. Но за интересующим его выделением ведущих линий развития архитектурного пространства на

¹ R. Schultze, S. 61 (и 69).

² Fr. Wachtsmuth, Der Raum, Bd. II: Raumschöpfungen in der altchristlichen Kunst, Marburg a. L. 1935.

протяжении всей человеческой культуры, он почти не останавливается на тех разительных различиях, которыми характеризованы произведения архитектуры отдельных христианских стран, и в частности базилики. А между тем, как для правильной оценки общих явлений развития архитектуры, так и для правильного понимания конкретных примеров его, это играет существенную роль¹. Только так делается понятным чрезвычайно многообразие самостоятельных, несвязанных между собой конкретных решений на общую тему христианской базилики, объединяемых ясно выраженной тенденцией дать ответ новым задачам архитектурного творчества, архитектурных исканий.

Болнисский Сион, как и другие базилики Грузии, знаменует в общей картине разнообразия форм базилик в разных странах еще одну обособленную группу, которая, как было показано, с особой силой и яркостью демонстрирует в самых существенных пунктах расхождение, как с подходами христианских базилик Рима, так и с приемами их в конструктивном отношении и по декоративным формам. С другой стороны, Болнисский Сион является в целом не менее ярким примером выявления и приложения передовых течений в архитектуре своей эпохи, которые характеризуют прежде всего страны Переднего Востока, но при этом без какого-либо узкоограниченного примыкания к тому или иному образцу. Наконец, Болнисский Сион отражает определенную стадию в развитии грузинской архитектуры, именно, когда к робким начальным попыткам дать ответ требованиям создания христианского храма на основе собственного опыта и навыка прибавляется требование положить в основу освященные пиэтетом веры образцы в «святой земле». Так как архитектор не просто скопировал и повторил по требованию заказчика чуждую форму базилики, а постарался сочетать с ней, применить к ней подходы и навыки, выработанные в течение развития своей народной архитектуры, то это дает в руки исследователя возможность и на этом этапе развития грузинской архитектуры констатировать творческую силу ее. Что творческие возможности грузинской архитектуры тогда, именно, получили в таком насильственном стыке с иноземными формами решительный толчок и стимул искать монументальных решений для архитектурных композиций храма, построенных всецело на широкой базе народных подходов, показывает все дальнейшее развитие ее на протяжении VI века и блестящие завершения этих исканий в конце века.

¹ В этом отношении очень интересна статья F. W. v. Bissing, *Der persische Palast und die Turmbasilika*, in: *Studien zur Kunst des Ostens*. Strzygowski—Festschrift, Wien 1923, S. 40—57, где базилики с башенными фасадами в Сирии, Малой Азии, а также Еревер в Армении связываются с ахеменидскими дворцами Ирана (Пасаргады, Персеполь).

GEORG TSCHUBINASCHWILI

DER DOM VON BOLNISSI

(Zusammenfassung)

Der Zionsdom von Bolnissi ist eine dreischiffige Basilika mit Annexen. Er war vom Schweizer Archäologen Frederic Dubois de Montpereux im März 1834 und dem Numismaten Jean Bartholomaei 1853 besucht; die von ihnen kopierten Inschriften des Domes wurden von M. F. Brosset, Mitglied der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg, herausgegeben und kommentiert. Etwa 1903 wurden eine Vermessung vom Ing. A. Kalgin und Photoaufnahmen von Jermakov gemacht. Dennoch blieb der Bau unerforscht. Ich besuchte den Bau zum ersten Mal im J. 1916, dann 1920 in Begleitung von Prof. Dr. A. Schanidse, der die Erforschung der Inschriften übernahm. Aber erst 1936, als Iwane Dschawachischwili, Mitglied der Akademie der Wissenschaften der USSR, für eine Grabung am Dome Geldsummen vom Institute N. Marr für Sprache, Geschichte und materielle Kultur der georgischen Filiale der Ak. d. Wiss. der USSR flüssig machte, konnten die kunstgeschichtlichen Probleme, die seit 20 Jahren mit dem Bau verbunden waren, ihrer Beantwortung nahe gerückt werden; ein ausführlicher Bericht über die Grabung vom Leiter derselben, L. Muskhelischwili, ist im III. Bande des Bulletin de l'Institut N. Marr des Langues, de l'Historie et de Culture Materielle (1937, georgisch, mit russ. Résumé) veröffentlicht. Während derselben Kampagnie wurde eine Vermessung des Baues durch den Architekten, Frau Ziala Gabaschwili durchgeführt. Durch die Grabung gefördert, wurden 1936—37 und dann erneut 1939 und 1940 Denkmalpflegemassnahmen von der betreffenden Instanz vorgenommen und durchgeführt.

Der Bau wird im Werke von J. Strzygowski, Die Baukunst der Armenier und Europa, Wien 1918, I, 152—153, 380 und II, 613, 788—791 und Abb. 752—753, erwähnt und im vergleichenden Teile als ein Bau aus dem Anfange des V. Jhs unter mesopotamischem Einflusse zitiert. Ausserdem aber bringt ihn Strzygowski unter dem Namen Kapernaktschi, angeblich IX. Jh., nach der Braunschweiger Dissertation von Th. Kluge, Versuch einer systematischen Darstellung der altgeorgischen (grusinischen) Kirchenbauten, Berlin 1918, S. 47 und Abb. 108 (schematischer Grundriss, verkehrt!).

Wenn auf Grund von baulichen und künstlerischen Eigenschaften der Bau als ein Werk, das um die Wende des V. zum VI. Jh. erbaut, bestimmt werden konnte, so hat der glückliche Fund einer verschollenen Bauinschrift am Steinbalken des ersten Nordeinganges während der Denkmalpflegearbeiten im J. 1937, das Datum präzisiert: der Bau wurde im 20. Jahre des Perserkönigs Peroz (458—484) begonnen und nach fünfzehn Jahren, also 493 fertiggestellt.

In der Tat ist der gesamte Bau ganz einheitlich. Nur der Anbau einer Kapelle an der Ostseite ist als späterer Zusatz aus dem VIII. bis IX. Jhs. und der späte Glockenturm aus den 80-er Jahren des XVII. Jhs zu verzeichnen. Der Bau war sorgfältig ausgestattet, so dass bei seinen Ausmassen für die vollständige Zurechtstellung ein Zeitraum von 15 Jahren vollauf angenommen werden darf.

Der Dom von Bolnissi ist im Bezirk Luxemburg, d. h. im südlichen Teile der alten Provinz Georgiens Kartli gelegen. Geschichtliche Mitteilungen erwähnen hier einen Kirchenbau bereits im ersten Viertel des V. Jhs. Allein erst seit dem dritten Viertel wird Bolnissi zum Bischofssitz erhoben. Es ist eine Zeit, die durch den Kampf religiöser Ideen im christlichen Kaukasus besonders bezeichnend ist—nestorianische, monophysitische, dyophysitische Lehren stehen schroff und kampfbereit gegen einander. Es entschieden politische Gründe und Aussichten. Auch die Gründung eines Bistums in Bolnissi, im Grenzgebiet, muss als weitsichtige politische und kulturelle Tat bewertet werden. Der Bischof David geht bereits wenige Jahre nach der Gründung des Bistums im J. 478 an den Neubau heran oder wie seine zweite an dem Steinbalken des östlichen Einganges aus der Nordgalerie in die Basilika angebrachte Bauinschrift besagt: «[Mit Beistand der heiligen Trinität im 20. Jahre des Königs Peroz [wurde mit dem Bau] dieser Kirche [begonnen] und nach 15 Jahren [beendet]». D. h. im J. 493 war der Bau beendet. Es ist bezeichnend für die Wirren der Zeit, dass im J. 493 nur der König Peroz (458—484), aber weder König Kawad (488—531) von Persien, noch der georgische König Wachtang Gorgasal, dessen Tätigkeit die Gründung atch unseres bedeutenden Bistums zu danken war, erwähnt wurden. Im J. 506 nahm der Bischof David an einem Konzil der georgischen, armenischen und albanischen Kirchen in Dwin teil, wobei er an fünfter Stelle unter den 23 Vertretern der georgischen Kirche die Bestimmungen unterschrieben hatte. Augenscheinlich wurden für den Bau Geldsummen gesammelt, denn in der ersten über dem Altarfenster angebrachten Bauinschrift steht geschrieben: «Christo! Vergebe David dem Bischof samt der Versammlung (dem Klerus) und den kniefällig in dieser Kirche Betenden, und erweise Beistand denen, die in dieser Kirche gearbeitet haben», und in der dritten (über dem Westdurchgange aus der Nordgalerie zur Basilika): «Mit Christi Beistand habe ich, Parnew[a]n, und Asarucht diese Tür geformt, um für unsere Seelen gebetet würde». Auch kleine

Beiträge mögen zugeflossen sein, wenn an einzelnen Stellen in der Basilika Kreuzzeichen ausgeschnitzt wurden.

Der Dom von Bolnissi ist eine dreischiffige gewölbte Basilika, die seitlich durch eine offene Nordgalerie mit fünf Bogendurchgängen und eine Südvorhalle nebst einem Zweiap sidenraume erweitert erscheint (Abb. 1, 85). Die Altarapsis tritt nach aussen rund hervor; Pastophorien fehlen. Ein Westeingang fehlte ursprünglich ebenfalls. Die drei Schiffe der Basilika hatten ein gemeinsames Giebeldach. Der gesamte Basilikenbau ist aus Quadersteinen grünlich-blauen Tones gefugt. Die Quadern sind an den Fassaden 50—60 bis 80—90 *cm* hoch und 100 bis 160 breit, im Inneren bei glatten Wandteilen etwas kleiner. Die Horizontalbalken in den Türabschlüssen sind von besonders grossen Ausmassen—bis zu 2,5 und 3 *m* Länge. Dem Material entsprechend sind auch die einzelnen Formen gewählt.

Der Dom von Bolnissi hatte während seinem anderthalbjahrtausendlangen Leben verschiedene Schicksale zu verzeichnen. Die erste gewaltsame Verheerung und teilweise Zerstörung mag man mit dem Erscheinen der Araberheere im VII. und VIII. Jh. verbinden. Als Folge dieser Herrschaft mag das Vermauern mehrerer offener Bogen der Nordgalerie angenommen werden, das in gut behauenen, ziemlich kräftigen Quadern desselben Steinmaterials, wie der Dom selbst, ausgeführt worden war. Ausserdem wurde östlicherseits eine Kapelle an den Dom angebaut und der Durchgang dazu aus dem Nordschiff durchbrochen (Abb. 14). Auch diese Kapelle ist in demselben und derartig behandelten Material errichtet, wie die Vermauerungen der Bogenöffnungen der Nordgalerie. Die Kapelle hat einen hohen dreistufigen Impost, der dem Sockel des Domes entspricht. Als Schmuck der Ostfassade ist eine grosse Steinplatte mit Schnitzerei, die teilweise an jene des Domes den Anschluss offenbart, angebracht (Abb. 81). Dennoch sind deutliche Züge des Verfalls in der Komposition und teilweise in der Ausführung nicht zu verschweigen, was deren Herstellung gerade ins VIII. (—IX.) Jh. zu versetzen begründet. Auch der Altartisch dieser Kapelle ist der Mensa-Ausstattung nach am ehesten derselben Zeit zuzuweisen (Abb. 80). Auch ist es wohl geboten anzunehmen, dass wenigstens die meisten der Denkmale in Pfeiler-, Kreuzes- oder Stelenform (vgl. Abb. 52—79), die bei den Grabungen und bei der Freilegung verbauter Domteile fragmentiert aufgefunden sind, gerade während der Araberherrschaft zerstört wurden. Eine folgende, ungleich stärker verheerende Periode ist mit dem Mongoleneinbruch im XIII. Jh. zu verbinden. Ich halte die in Stein hergestellten, aber dennoch gegossenen, Gewölbe der Südvorhalle und des Baptisteriums, wie auch das Gewölbe in der angebauten Kapelle und dem kleinen als Kapelle bis zuletzt erhaltenen Ostende der Nordgalerie, für Wiederherstellungen des durch die Mongolen zerstörten Domes. Auch die beiden Nordeingänge zur Basilika mögen damals zu zwei Drittel verbaut worden sein, nachdem die Türbalken gelitten hatten (der

östliche abgebrochen und als Baumaterial der Vermauerung diente) und wohl auch der grössere Teil der Nordgalerie zusammengebrochen war. Der ganze Dom mag bereits von Westen her stark durch den Sand und die Erde, die während der Frühlingsfluten von den Anhöhen zugetragen waren, verschüttet worden sein. Die Höhe des Bodens im XIII.—XIV. Jh. etwa bezeichnet die an die Westfassade angelehnte Steinstufe aus gelbem Stein, in der ein geschnitztes Stück (Abb. 82) vorhanden ist, das am ehesten mit der Schnitzerei von Zugugascheni, einem Bau aus dem XIII. oder XIV. Jh., etwa 2 km weit vom Dom entfernt, zu vergleichen ist.

Die Mongolenverheerungen werden auch die ganze Herrlichkeit des Domes stark bedroht haben. Auch deren ökonomische und kirchlich-kulturelle Stellung gelang ins Schwanken. Seit dem XV. Jh. wird somit der Dom mit seinen Wirtschaftsgütern unter den dem Katholikos-Patriarchen Georgiens unmittelbar unterstellten Kirchengütern aufgezählt.

Der Verfall des Domes von Bolnissi, während der Mongolenherrschaft begonnen, wird doch trotz der zunächst zu verzeichnenden Wiederherstellung immer fortgeschritten haben. Gegen Anfang des XVII. Jhs befand sich der Bau im kläglichen Zustand. Es folgt seine Erneuerung aus den Mitteln der Königin Georgiens Maria, die als Frau eines zum Islam übergetretenen Mannes, des Königs Rostom (1634—1658), mit Eifer in der Herstellung christlicher Gotteshäuser sich betätigte. Wie die Wiederherstellung besagt, verdanken wir heute die Erhaltung des Domes jener Königin Maria: die Gewölbe der drei Schiffe (im Mittelschiff war ursprünglich ein Tonnengewölbe), die oberen Partien der West- und der Längsmauern und teilweise die Mauern der angebauten Kapelle wurden neu aufgeführt und andere geringfügigere Herstellungen gemacht. Alles das wurde mit Verwendung des alten Steinmaterials, hauptsächlich aber in Ziegeln ausgeführt. Jetzt wurden die beiden Nordtüren nebst Bogenlunetten vollständig vermauert; das Bodenniveau in der Nordgalerie diente zur Errichtung einer Westwand mit Tür und Fenster (Abb. 20, 34) darüber, die eine Kapelle aus dem östlichsten Teile der Nordgalerie zustande brachte. Die für die Westwand der Basilika augenscheinlich neubehauenen Quadern haben kleine Maassen, die Fenster und deren Bearbeitung haben Spitzbogenform; auch die jetzt erst (über einem ganz anderen Bodenniveau) durchbrochene Tür von Westen in das Mittelschiff kann in der Ziegelausstattung als echter Vertreter der Zeit des XVII. Jhs gelten. Deutlich spricht für diese Zeit auch die Form der Gewölbe im Mittelschiff (Abb. 84), die Veränderung der Gurtbogenform zur Spitzform, dann das Aufführen der seitlichen Längswände mit je 6 Fensteröffnungen und der Gewölbe in den Seitenschiffen aus Feldsteinen in unsauberer Fugung, die Erhöhung des gemeinsamen Giebeldaches, wie dessen Konstruktion, endlich das Kranzgesims aus Ziegelreihen.

Die Wiederherstellung zeitigte eine kurzweilige Belebung des Bistums. Der Bischof Nikolaus aus einer Seitenlinie des Königshauses lässt in den 80-er

Jahren des XVII. Jhs (laut der Inschrift am Glockenturm) den Dom im Inneren bemalen, führt gottesdienstlich begründete kleinere Baulichkeiten, wie das Vorrücken des Altars, eine Altarwand u. ä., aus, stattet die Kirche mit Kirchengesamtheit und -büchern reich aus, erbaut den Glockenturm, ein Gasthaus und Warenläden. Der zum Glockenturm verwendete Turm mag vielleicht schon eher errichtet worden sein, wurde also nur überbaut. Die Festungsmauer dagegen aber wurde wohl im Gefolge der Zeit bei den wiederholten Raubzügen der Lesgier im XVIII. Jh. aufgeführt.

Zu Beginn des XVIII. Jhs. wurde das Bistum Bolnissi mit jenem der Hauptstadt Tbilissi (Tiflis) vereint: der Andrang muselmännischer Übersiedler erreichte in der Umgegend starkes Übergewicht über die christliche Bevölkerung. Seit Beginn des XIX. Jhs war der Bau verlassen und stand unbenutzt.

Die Denkmalpflege der Georgischen SSRrepublik führte in den Jahren 1936, 1937, 1939 und 1940 planmässig angelegte Erhaltungs- und Freilegungsarbeiten aus, und hat auf diese Weise diesen wichtigen Bau für die Forschung gesichert.

Die monumentale georgische Architektur, die ihren Ausdruck in den kirchlichen Bauten gefunden hatte, zeigt von den ersten Schritten an, also bereits seit dem IV. Jh., eine originelle schöpferische Richtung, eine Tendenz zu zentralen Kompositionen. Diese Richtung erreicht ihre volle Entfaltung am Ende des VI. Jhs in der ganz eigenartigen künstlerischen Komposition der Dschuari-Kirche. Daneben aber besteht eine zweite, augenscheinlich von der Kirche gefordert, jedenfalls zunächst befördert, die die Form der Basilika zur Grundlage nimmt. Der Dom von Bolnissi repräsentiert gerade diese zweite Richtung jener ältesten georgischen Architektur und zwar in einer Periode, wo der unmittelbare Anschluss an die von der Christenheit gefeierten Basiliken des heiligen Landes u. s. möglich war. Er ist ein Bau von stattlichen Ausmaßen und bedeutender Ausstattung. Immerhin aber war diese ganze Richtung durch die von aussen auferlegten Bande unfrei gemacht neben dem georgischen Kuppelbau, in dem die Grundwerte der georgischen Architektur ihre volle Entfaltung erlangten. Auch basilikale Bauten können in manchen Zügen erst vom Kuppelbau aus voll verstanden und erklärt werden.

Der Dom von Bolnissi ist seiner historischen Stellung nach ein treues Abbild der Epoche. Die georgische Baukunst vom Ende des V. und Anfang des VI. Jhs ist dem Umfange künstlerischer Aufgaben, die dem Architekten vorschwebten und deren er sich bewusst war, deutlich unter anderen zeitgenössischen Völkern mit fortschrittlicher Architektur hervorgehoben. Denn zunächst und vor allem ist der Architekt des Domes von Bolnissi, wie auch andere Architekten jener Zeit in den Landen Europas und Vorderasiens, von dem Problem der Erschaffung eines Innenraumes voll in Anspruch genommen. Aber, wie in Kleinasien, Syrien und Armenien, ist auch der Architektur Georgiens dieser frühchristlichen Zeit der Wille eigen, ebenfalls den Aus-

senanblick gewissermassen zu formen, zu gestalten. Dieser Formwille wächst und erstarkt in raschem Gange eben nur in Georgien und Armenien (abgesehen von dem sachlichen Unterschiede der Formen und Elemente). Gegen Ende des VI. Jhs ist in Georgien ein volles Gleichgewicht dieser beiden Kardinalprobleme der Architektur neben einer Anzahl geringerer erreicht, was in anderen Ländern frühchristlicher Kunst keineswegs der Fall war. Der Dom von Bolnissi mag, als ein hervorragender und bedeutender Bau, ein besonders wichtiges Beispiel beim Verfolgen der Ausbildung beider Probleme im Entwicklungsgange der georgischen Baukunst sein.

Kompositionell ist der Grundriss eine Verbindung einer einfachen dreischiffigen Basilika mit Raumgebilden besonderer Form und Bestimmung. Alles dies sind charakteristische Züge. In der dreischiffigen Basilika selbst ist einzig die halbrunde Altarapsis ausgeschieden, Pastophorien fehlen abenso, wie ein Narthex am Westende. Es ist also ein noch völlig einfacher Typus der Basilika.

Die genannten Eigentümlichkeiten fehlen an manchen ältesten Basiliken im heiligen Lande und in den übrigen ältesten christlichen Gemeinden und daneben gibt es eine andere Richtung, wo sie—ebenfalls bereits von der ältesten Zeit her—vorhanden sind. Das Fehlen von Pastophorien wird in breiter Schicht nur in Syrien und Kleinasien in der Zeit des V.—VI. Jhs beobachtet. Und zwar in Syrien nur in den christlichen Basiliken von «arabischer» Herkunft (wie Heinrich Glück feststellte) im Gegensatz zu jenen, unter hellenistischem Einfluss stehenden. In Kleinasien sind ebenfalls Basiliken der hellenistischen Küstenlandschaften dreiteilig, mit Pastophorien versehen, dagegen Basiliken des Innenlandes, die in überwiegender Anzahl nicht älter, als das V. Jh. sind, haben als Regel nur eine Altarapsis und keine Pastophorien. Die Verbreitung eines dreiteiligen Altarteiles in frühchristlichen Kirchen ist somit deutlich ein Produkt der Entwicklung. Auch den runden Aussenabschluss der Altarapsis bevorzugen, abgesehen von den gefeierten ältesten Basiliken ohne Pastophorien in Palestina und den in Anlehnung daran anderswo gebauten, nur die frühchristlichen Bauten Kleinasiens. Syrien weiss daneben allein vereinzelte Beispiele zu nennen. Endlich wird auch ein Narthex von Westen, einfach oder mit Turmaufsatz, wie ihn syrische oder kleinasiatische Basiliken kennen, nur als ein Abbild hellenistischen Einflusses erklärt.

Diese drei hellenistischen Ursprünge Eigentümlichkeiten fehlen in georgischen Basiliken von der ältesten Zeit an und bis Bolnissi einschliesslich. Selbst die Dreiteiligkeit des Altarteiles wird zur festen Regel erst mit dem VI. Jh.. Aus der mit Bolnissi zeitlich zusammenhängenden Basilikengruppe kann das Fehlen derselben auch für Tsqaros-Tawi angenommen werden; die übrigen haben bereits Pastophorien. Ein Narthex aber fehlt in Basiliken auch weiterhin. Runder Abschluss der Apsis blieb Seltenheit. Es sind nur ein paar Bauten aus der ältesten Zeit (Dmanissi, Bolnisi-Kapanaktschi) dafür namhaft

zu machen; im VI. Jh. fornt sich eine mehrseitige Ummantelung oder für den dreiteiligen Altar der Basiliken ein gerader Wandabschluss. Es ist hier von Interesse zu erwähnen, dass in Armenien anscheinend nur in der Basilika von Jererujk (Ereruk) ein Narthex an der Westseite vorhanden war, die übrigen kennen ihn nicht.

Der Innenraum der Basilika ist streng, bedeutend und majestos; er bezaubert den ihn Betretenden, wie so oft in grossen Basilikalbauten. Der grosse Raum ist der Länge nach durch zwei Reihen von je 5 Pfeilern geteilt. Beide Längsbogenreihen stehen unberührt und haben Hufeisenbogenform (Abb. 9, 10, 88). Geschmückt durch Schnitzerei sind nur zwei Pilasterkapitelle und -basen am Altar; alle Pfeilerkapitelle sind glatt, alle Pfeilerbasen nur profiliert (Abb. 86); der Architekt ist bestrebt dem Betenden eine Richtung auf den Altar zu auferlegen zu können. Eine Hufeisenform hatten ursprünglich auch die Gurtbogen im Mittelschiff, wie die Art der Remontierung im XVII. Jh. festzustellen ermöglicht. Vom ursprünglichen Gewölbe ist nur die Apsiswölbung mit dem ebenfalls hufeisenförmigen Triumphbogen erhalten (Punktlinie Abb. 5). Hufeisenförmige Bogen sind seit den ältesten, vom IV. Jh. erhaltenen Bauten für Jahrhunderte bis zum IX.—X. in der Architektur Georgiens ziemlich verbreitet, desgleichen wie in Mesopotamien, Syrien, Iran und Kleinasien. Auch in der Bolnissi-Gruppe von Basiliken Georgiens ist der hufeisenförmige Bogen mehrfach angewendet worden (Tsqaros-Tawi, Haschmi, Uriatubani, Urbnissi, Antschis-hati-Kirche in Tiflis).

Da das Gewölbe im Mittelschiff nur wenig höher als in den Seitenschiffen gelegen war, waren alle drei Schiffe von einem gemeinsamen Giebeldach bedeckt. Es fehlten somit in den Längswänden Fensteröffnungen und die Basilika konnte nur durch Fenster von Ost und West belichtet werden. Die seitlichen Fenster in den Nebenschiffen wurden in dem remontierten Gewölbe des XVII. Jhs angelegt, was allen Regeln der älteren georgischen Architektur widerspricht. Es ist also auch in dieser Eigenschaft der Dom von Bolnissi ein typischer Repräsentant jener Abart der Gestaltung eines basilikalischen Innenraumes, die besonders häufig in den ältesten Basiliken Innerkleinasiens vorkommt, und die ausser hellenistischem Einflusse steht. Zu Anfang des VI. Jhs ist diese Form überlebt.

Die Fenster im Mittelschiff mögen Doppel- oder Dreibogenfenster gewesen sein, ähnlich denen in Syrien oder Kleinasien, vereinzelt auch Armenien; das Altarfenster war wohl bei drei Bogen 1,20 m breit und ca. 1,30 m hoch. Die Doppelbogenform kommt in verschiedenen Bauten Georgiens auch später hier und da vor. Das Vorhandensein von ziemlich umfangreichen Fenstern nach Ost und West in den Seitenschiffen wird durch das mit Ziegelsteinen vermauerte östliche Fenster im Nordschiffe (Abb. 12) belegt. Als ergänzende Belichtungsquelle der Basilika sind der Südeingang und besonders die Türen auch der Nordgalerie zu erachten. Die Türen der Nordseite hatten offene, hufeisen-

senförmige Länetten über den Horizontalbalken. Die der Südseite aber—schmale Entlastungsspalten (bis zu 4—5 cm Höhe). Offene Bogen über horizontalen Türbalken von Bolnissi haben Parallelen in verschiedenen östlichen Landen vom II. Jh. an bis zum VI. und später, aber selten nur ist die Form des Hufeisenbogens verwendet, die ja besonders kraftvoll wirkt.

Neben breiten und grossen «seitlichen» Türen von Nord und Süd fehlte in Bolnissi bis zum XVII. Jh. ein Eingang von Westen her. Parallele Beispiele sind äusserst selten—nur in Nordsyrien vornehmlich aus dem V. Jh. Auch sonst vermissen andere Basiliken in Georgien einen Westeingang nicht. Aber da in ziemlich breiter Schicht die ältesten sogenannten «Dreikirchenbasiliken» (in Bolnis-Kapanaktschi, Kondamiani, Ruis-piri, Kardenachi, S. Stephan in Zinarechi, S. Georg in Saguramo u. a. aus dem VI. Jh.) einen Eingang von Westen ablehnen, erscheint neben vielen anderen Momenten berechtigt, diese Einstellung als einen unterbewussten Ausdruck des Widerwillens gegen die Gestaltung eines langgezogenen Raumes, der ein rhythmisches Nacheinander der Auffassung betont und fordert, zu verstehen. Der georgische Architekt sucht eine solche Auffassungsnotwendigkeit abzuschwächen, unwirksam zu machen, nach Möglichkeit den basilikalischen Raumaufbau einem Zentralraumaufbau zu nähern.

An der Südseite hat die Basilika einen abgeschlossenen Zweiapsidenraum mit dem einzigen Eingange von der Basilika aus. Belichtet war der Raum nur spärlich. Das ursprüngliche Gewölbe hatte an den Längswänden ein Gesims in Hohlkehlenform, fast in der Höhe des Gewölbeansatzes. Das Gesims ist grösstenteils erhalten.

Die hier angewendete Raumbildung bedarf besonderer Beachtung, wie auch die betonte Abgeschlossenheit und selbst Ausstattung des Raumes. Es sind zwar in Bauten des V. und VI. Jhs Zweiapsidenvorhallen bekannt (Weisses Kloster bei Sohad, Vorhalle zwischen der S. Aquilino-Kapelle und S. Lorenzo in Mailand, Lateransbaptisterium, Sa. Constanza, S. Vitale, Gülbagsche bei Smirna u. a.), aber die Bestimmung solcher Räume bleibt ungeklärt. J. Smirnov meinte, dass wir hier ein Baptisterium vor uns haben können. In der Tat scheint diese Erklärung, jedenfalls in unserem Falle, einleuchtend zu sein: der Bischof hatte volle Aufsicht über die Taufen in seinem Bistum. Gegenüber dem Räume der Basilika selbst ist das Baptisterium reich an Kapitellschmuck, wobei er teilweise symbolischen Charakter haben wird, wo Tauben, Weintrauben, Rehe und ein Ochsenkopf mit dem Kreuz zwischen den Hörnern dargestellt sind.

Längs der Südfront des Domes nimmt dieser Raum nur einen Teil ein, den übrigen bildet eine Vorhalle mit doppeltem Eingangsboden. Die Form der Bogen war ursprünglich ebenfalls hufeisenförmig, wie der Rest rechts beweist. Die Kapitelle haben reiche Schnitzerei. Auch in diesem Raume sind ein

Gesims in Hohlkehlenprofil in der Höhe des Gewölbeansatzes und eine bis zwei Steinreihen des Gewölbes selbst erhalten (Abb. 17).

An der Nordseite war ursprünglich eine Galerie mit fünf grossen Bogenöffnungen nach Norden angebracht. Erhalten ist ein einziger Bogen (Abb. 44 und 45) und Spuren der übrigen. Der, Abb. 1 gegebene, Grundriss war noch vor der endgültigen Freilegung hergestellt; die provisorische Angabe im Ostende kann man jetzt richtigstellen: alle Gurtbogen hatten gleiche Weite, die Aussenwand ist stark vorgerückt (Abb. 26).

Die Nordgalerie und die Südvorhalle mögen vielleicht zunächst den Katechumenen gedient haben. Jedenfalls aber weist die Apsis in der Nordgalerie, dass sie auch als Nebenaltar funktionierte. Eine Arkadengalerie mit Pfeilern findet als architektonische Form Parallelen in einer Reihe syrischer Kirchen und Wohnhäuser, neben vereinzelt Beispielen anderorts. Überall aber sind es Galerien mit horizontalen Architravbalken über Säulen oder Pfeilern. Wenn in manchen georgischen Kirchen und Palästen frühchristlicher oder mittelalterlicher Zeit ähnliche Arkadengänge vorkommen, so ist keineswegs geboten, an eine Entlehnung sei es aus dem hellenistischen Syrien, aus Mesopotamien, aus den Achämeniden-Palästen oder sonstwoher zu denken, sondern an das lebendige, immerwieder neu gestaltete Motiv, dass von der ältesten Zeit bis heute in den Bauernhäusern verschiedener Völker im Kaukasus, Iran u. a. angewendet wird. Wie die Gurtbogen in der Galerie, so waren auch die fünf Bogen der Arkadenwand in Hufeisenform gebildet. Wenn der für sich einzeln gebaute Hufeisenbogen nur den Effekt der Formschönheit des Bogens für sich zu stärken berufen ist, so droht eine Reihe derselben den Eindruck der Festigkeit der Wand zu zerstören, wenn sie dicht aneinander gerückt sind. In Bolnissi ist immer gehöriger Abstand bewahrt—die rechteckigen Pfeiler dazwischen sind genügend breit, um der Komposition nötige Stärke und Eindruck zu sichern.

Somit war die Nordgalerie und auch die beiden Türbalken mit Bauinschriften im Innern derselben stark belichtet. Dem entsprechend tritt auch die reiche Ausstattung vor: besondere Kombination von Halbsäulchen, als Pilaster; ornamentierte Kapitelle und Basen; ein Gesims in der Konche der Apsis, mit Ornamentenschmuck bedeckt (Abb. 90) und ein Gesims in Zahnschnittmotiv etwas über dem Gewölbeansatz angebracht (Abb. 27 unten).

Das Problem künstlerischer Gestaltung des Innenraumes im Dom von Bolnissi ist, wie im Einzelnen angedeutet, vom Architekten bewusst und mit Talent gelöst worden. Der Innenraum der Basilika macht einen besonders starken Eindruck; er erscheint deutlich von den seitlichen Räumen des Baptisteriums, der Südvorhalle und der Nordgalerie abgehoben; m. a. W. es wird sowohl die Abstufung in der Gesamtkomposition deutlich, als auch die innere künstlerische Abgeschlossenheit jedes Teiles für sich. Nun aber, wie gesagt,

bleibt dem Architekten auch das Problem der Aussengestaltung der Massen seiner Komposition nicht verborgen, es hat ihm zu denken gegeben.

Der Gesamtaufbau der Massen erscheint dem bekannten Umriss einer Basilika gleich, d. h. einem erhöhten Teil unter einem Giebeldach sind zwei niedrigere an den Längsfronten mit Pultdächern beigegeben. Das gemeinsame Giebeldach aber umfasst alle drei Schiffe der Basilika selbst, wozu gewisse Parallelen vor allem in Kleinasien bekannt sind. Wohl unter dem Einflusse von Bolnissi waren die georgischen Basiliken in Urnissi, Haschmi, Tbilissi ebenfalls von einem Giebeldach bedeckt. Auch in Armenien wird wohl die Basilika in Jereruk (Ereruk) ein gemeinsames Giebeldach der drei Schiffe und Pultdächer über den seitlichen Galerien gehabt haben (abweichend von den vorgeschlagenen Rekonstruktionen).

Die mächtige runde Apsis der Ostfassade wirkt grossartig und ruft bekannte Parallelen aus der Weltgeschichte europäischer Kunst wach. Eine Art Aussenschmuck bildet die grosse, mit Reliefbuchstaben gemachte Bauinschrift des Bischofs David, deren Zentrum ein Kreuzsymbol in geschnitztem Rundrahmen füllt. Die Inschrift befindet sich über dem Fenster, das, wie angenommen, in der Form von drei Bogen gebildet war.

Die einzelnen Fassaden zeigen ebenfalls, dass der Architekt bestrebt war, ihnen künstlerische Gestaltung zu verleihen. Die Massen der Südfassade sind in einem Abstand der Eingangswand gegenüber der des Baptisteriums gegeben, was ja nur aus der Bestrebung die Fassade zu gliedern verstanden werden kann. Wenngleich man den Versuch als missglückt bewerten wird, so ist das Bestreben selbst äusserst bezeichnend. Der Doppelboden des Einganges ist zunächst selbst schmuckhaft; dann die ornamentierten Kapitelle und der Versuch das Ostkapitell über Halbsäulchen zu legen, die gewissermassen vor eine Wand gestellt erschienen; wogegen das Westkapitell nur zweiseitig den Eingang flankierte. Über dem Doppelbogen mag wohl ebenfalls ein Kreuzsymbol im geschnitzten Rundrahmen, wie es heute noch in remontierter Wandfläche sich befindet, angebracht worden sein.

Die Nordfassade des Domes ist durch die gewählte Gestalt einer Fünfbogenarkade in ausgesprochener Hufeisenform und mit ornamentierten Kapitellen und dem von aussen sichtbaren Schmuck des Inneren in der Galerie besonders glücklich gelöst.

Nur die Westfassade blieb als eine ungliederte breite Fassadenfläche (etwa 47 m breit bei 25 m Giebelhöhe), die nur durch die drei Fenster der Basilika selbst durchbrochen sein mag. Das Ungelenke dieser Fassade wird überdies noch durch die unerklärte äussere, 2 m hohe und 40 cm starke Verdickung der Mauer über dem Boden verstärkt.

Die dekorative Ausstattung des Domes von Bolnissi fordert eine gesonderte Betrachtung. Dem Stand der künstlerischen Vordrungen der Zeit entsprechend, ist sie in den Innenräumen verwendet angebracht. Die Fassaden zeigen

kaum leise Andeutungen derselben. In jedem gesonderten Teil des Baues hat der Künstler durch die Ausstattung besondere Ziele verfolgt und verwirklicht. In der Basilika selbst ist eine Gerichtetheit der Betenden auf den Altar hin erstrebt worden. Auch die an den Pfeilern und sonst geschnitzten Kreuzdarstellungen (Abb. 110, 113, 114 u. a.) sind immer so angebracht, dass der sie Betrachtende zugleich dem Altar zu zugewendet ist. Das reich ausgestattete Baptisterium (Taf. III—IV und Abb. 105—107) ist einheitlich, anziehend und zugleich symbolisch im Schmuck—in Anbetracht der der Gemeinde Neuinzutretenden. Die Südvorhalle und die Nordgalerie, teilweise ganz gleichartig ausgestattet, zeigen doch deutliche Nuancierung: die Südvorhalle hat betonten Aussenschmuck des Ein- und Durchganges; die Nordgalerie dagegen ist vor allem auf vornehme, prunkvolle Ausstattung eines Innenraumes von selbständiger Bedeutung gerichtet.

Im Einzelnen ist der ornamentale Schmuck aus tierischen, pflanzlichen und geometrischen Motiven zusammengestellt. Teilweise dominiert eines von ihnen, seltener werden an einem Kapitell gleichberechtigt zwei Motive verwendet. Dieser thematisch verschiedenartige Schmuck ist aber der Ausführung nach, stilistisch, einheitlich: die Kraft des Künstlers einheitlich zu gestalten ermöglichte ihm eben ein leichtes Verbinden von Tieren, Pflanzen, Kanneluren und anderen geometrischen Motiven, ja selbst des christlichen Symbols, des Kreuzes mit einander. Die Kompositionen des Kapitellschmuckes, wie teilweise auch die Formen der Kapitelle selbst, sind nicht Wiederholungen fertiger Vorlagen, sondern eigene Schöpfungen, die auch noch deutlich den Charakter eines Versuches offenbaren. Und ausserdem ermöglichen sie in der Persönlichkeit des Künstlers einen ungestümen Charakter zu ahnen, der seine schaffende Kraft nicht leicht in straffe, regelmässige Formen bändigen konnte (vgl. das Vortreten einzelner Pflanzenteile bei eigentlich streng symmetrischem Aufbau, Ausfüllen von geringen Flächen, Bewegung in den Kompositionen u. d. m.). Sein Schmuck ist eben stark belebt, er ist in jedem Teil innerlich empfunden, d. h. er ist emotional erlebt. Die Kraft des Ausdrucks bestimmte den Künstler beim Verwenden tierischer Motive zu einem ausgearbeiteten, mehr skulpturmässigen Behandeln, die pflanzlichen wurden daneben mehr flächenhaft ausgebreitet und behandelt. Aber die Modellierung der Gegenstände blieb gewissermassen im Einklang mit der Wirklichkeit allen gemeinsam.

Der Versuch, Parallele zu diesem Schmuck nahhaft zu machen, ist wenig erfolgreich. Es sind vielmehr nur Hinweise auf eine gewisse Gemeinsamkeit der Kunstrichtung, also der Art wie ein Motiv verwertet wird, da. So—eine gewisse Dürre der Bäume, Breitflächigkeit der Blätter usw., wie sie auf sassanidischen Denkmälern oder auf frühchristlichen Kleinasien u. a. vorkommen. In geometrischen Motiven ist vielleicht mancher Vergleich handgreiflicher, da z. B. das Kanellurenmotiv (Taf. II) von den achaemenidischen in den sassanidischen Palästen übernommen erscheint und dann besonders in der

frühchristlichen Kunst Vorderasiens (Kleinasien, Syrien, auch Byzanz) beliebt bleibt. Das Motiv der sich kreuzenden Kreise aber (Taf. VI) als ein Muster ohne Ende, in Bolnissi von lebendiger Kraft und Variabilität, hat ebenfalls Parallelen in Syrien, im koptischen Ägypten, in Rom, und in sassanidischem Persien des V.—VI. und VI.—VII. Jh. (Auf Taf. I—VIII sind die Hauptstücke vereint, Ergänzendes s. Abb. 103—107; leider konnten die erst spät entdeckten zwei Kapitelle im verbauten Nordbogen auf Abb. 92—95 nur ergänzungsweise wiedergegeben werden).

Als Schmuck können umhin nicht auch die Kreuzdarstellungen nach ihrer durchdachten Ausführung und der Wahl der Plätze und allgemeiner Verteilung angesprochen werden.

Der Dom von Bolnissi ist, wie ich in dieser Untersuchung zu zeigen bestrebt bin, ein Denkmal von besonderer Bedeutung. Er ist ganz genau datiert —letztes Viertel des V. Jh.—und behauptet eine ganz bestimmte Stellung in der Entwicklung der Architektur,—sowohl der georgischen, als auch der frühchristlichen allgemein.

Der Dom von Bolnissi ist eine Basilika, was also zu besagen hat, dass hier ein Bautyp angewendet worden war, der nicht in Georgien aus bodenwüchsigen architektonischen Gewohnheiten aufgewachsen ist, sondern der in Anlehnung an die verherrlichten Bauten an den Orten irdischen Lebens Christi künstlich angepflanzt wurde. Wie sehr es dem georgischen Architekten bei dieser architektonischen Raumform, die etwa die konstantinischen Bauten in Jerusalem, Bethlehem oder Konstantinopel verkörpern, fremdartig zu Mute war, kommt dem Betrachter georgischer Bauten des IV. und V. Jhs, wie Nekressi, Alt-Schua-mta, Matanis Zehra-kara u. ä., die gleichsam eine Antwort auf die Forderung der Kirche basilikale Bauten zu errichten ist, mit voller Kraft zum Bewusstsein. Der Dom von Bolnissi und einige weitere Basiliken, die mit ihm zusammen eine Gruppe bilden, haben bereits die typischen Normen einer Basilika sich zu eigen gemacht. Wenn man also bei den vorhergenannten Bauten ein prinzipielles Auseinandergehen mit der typisch basilikalischen Raumform, d. h. einer Raumform, wo eine rhythmische Abfolge der Stützenreihen vom Westeingange in der Richtung auf den Altar im Osten zu das Bestimmende ist, feststellt, so zeigt die Gruppe von Bolnissi, dass der georgische Architekt ein bewusstes Studium und Aneignen fremdländischer Beispiele basilikalischer Architektur bereits hinter sich hatte. Zwar muss hier betont werden, dass auch diese georgische Architekten vom Ende des V. bis Anfang des VI. Jhs den Typ in seinen ganz spezifischen Eigenschaften etwas abgeschwächt haben und somit—natürlich, unterbewusst—ihn in möglichen Massen den urwüchsigen architektonischen Einstellungen ihrer Stammesangehörigen angenähert haben. Diese Einstellungen aber haben eine jahrhundertelange Tradition im Hausbau u. ä., die das Schaffen monumentaler Architektur in der Richtung auf den zentralen Kuppelbau hin geführt hatte. In der Tat muss dieses Stadium des Kompo-

nierens einer richtigen Basilika, wie sie in der Gruppe von Bolnissi (Ende des V. und Anfang des VI. Jhs) vorliegt, die Forderungen und Erwartungen breiter Schichten des georgischen Volkes unbefriedigt gelassen haben, was in dem angestregten Suchen von Lösungen zentraler Kompositionen mit Kuppeln im Laufe des ganzen VI. Jhs zu Tage getreten ist, bis es gegen Ende des Jahrhunderts nun durch das erlesene und in seiner Kraft und Vollendung ausgezeichnete Werk der Dschuari-Kirche von Mzcheta, die den eigenartigen Weg der weiteren Entwicklung georgischer Architektur bedingte, die Krönung dieser Bestrebungen gefunden hatte. Daneben wurde das basilikale Thema nur in Bauten von geringerer Bedeutung angewendet, die Basiliken selbst sind im Verhältnis zu Bolnissi weit kürzer geworden, was ebenfalls auf eine Einwirkung des Kuppelbaues hinweist.

Diese Stellung des Domes von Bolnissi entspricht andererseits auch dem Ergebnis der Analyse seiner künstlerischen Formen, demgemäss er ein Vertreter der Übergangszeit ist, wo neben künstlerisch vollkommen geformten Elementen, die progressiv in der Entwicklung georgischer Architektur zu werten sind (wie die genaue Quaderfugung in durchgehenden Reihen, die strenge Pfeilerform, Hufeisenbogen, Steingewölbe, dann der ornamentale Schmuck des Inneren mit seinen differenzierten Zweckgruppen und dem freien Behandeln und Kombinieren der Motive u. a.), auch Versuche, die keine endgültige Lösung zeitigen, da sind (wie die Belichtung der Basilika, das Verbinden des Baptisteriums mit derselben, das Problem der Eingänge, die Form von Kapitellen und Basen, endlich die Gesamtkomposition der Massen und der Fassaden). Aber man kann selbst noch retardierende, gewissermassen rückständige, für die georgische Architektur veraltete Momente nennen. Es wären dies—die kaum merkbare Erhöhung des Mittelschiffes im Vergleich zu den Seitenschiffen, das Fehlen des Lichtgadens im Mittelschiff, und vor allem die Übernahme der—wie gesagt—Georgiens Boden fremden Form einer grossen dreischiffigen Basilika.

Das Problem der «Entwicklung altchristlicher Basilika» ist heute in ein ganz anderes Fahrwasser geleitet, als es noch vor etwa 20—30 Jahren der Fall war. Wenn man früher auf der Voraussetzung baute, dass alle frühchristlichen Basiliken aus einem geographischen Zentrum sich verbreitet haben und folglich einheitlich in den Einzelformen sind, ist man heute zu dem Schluss gelangt, dass jedes Land seine Eigenarten aufzuweisen hat. Dabei sah der christliche Osten seine eigentlichen schöpferischen Bestrebungen im Kuppelbau verwirklicht, so dass die Basiliken stärkste Anlehnung an bauliche und Kunstformen eben des Kuppelbaues aufweisen.

Auf diese Weise bedeutet der Dom von Bolnissi und die anderen Basiliken Georgiens in dem allgemeinen Bilde der Formenverschiedenheit von Basiliken in einzelnen Ländern noch eine besondere Gruppe, in der man in den wesentlichsten Punkten prononciert das Auseinandergehen wie mit den

Einstellungen altchristlicher Basiliken Roms, so auch mit den konstruktiven und dekorativen Formen derselben konstatieren kann. Daneben aber ist der Dom von Bolnissi als ganzes ein nicht weniger massgebendes Beispiel für Anwendung und Ausdruck fortschrittlicher Bautendenzen der Epoche, die vor allem doch in den Ländern Vorderasiens zu verfolgen sind. Einzelheiten gemahnen ziemlich lebendig an Denkmäler des Inneren Kleinasiens und an die arabischer Richtung in Syrien und zwar vornehmlich eben aus dem letzten Viertel desselben V. Jhs. Dennoch aber ist keine enge Anlehnung da. Der Architekt ist kein Nachtreter, er hat nicht etwa in allen Einzelheiten und im Ganzen kopiert (gemäß den Forderungen des Bestellers), sondern er hat lebendig die basilikale Form durch Einstellungen seines Volkstums durchtränkt, was vergleichendes, entwicklungsgeschichtliches Material liefert und die schöpferische Kraft zu bewerten verhilft.

INHALTSVERZEICHNIS

Vorwort.
Einleitung.

I. Die Beschreibung des Baues: 1. Grundriss.—2. Mauerung.—3. Raumgestaltung.—4. Belichtung.—5. Türen.—6. Altar.—7. Südannexe.—8. Nordgalerie.—9. Darstellungen des Kreuzes im Bauinneren und Reste später Freskomalerei.—10. Massen des Baues.—11. Ostfassade.—12. Westfassade.—13. Südfassade.—14. Nordfassade.—15. Dekorative Kreuze an den Fassaden.—16. Östlicher Anbau.—17. Einzelne Baufragmente.

II. Die Inschriften des Domes: 1.—3. Inschriften aus der Bauzeit.—4. Inschrift des IX. Jhs am Südeingange.—5. Inschrift des XVII. Jhs am Glockenturm.

III. Zur Geschichte des Bauwerks: 1. Die Zeit der Errichtung und die Bauherren.—2. Die Bedeutung der Benennung «Zions»-dom.—3. Fragmente von Memorialstelen am Bau.—4. Zerstörungen und Bautätigkeit aus der Araberzeit.—5. Der Dom im hohen Mittelalter.—6. Ausbesserungen aus dem XIV.—XV. Jh.—7. Der Dom im XVIII. Jh.—8. Die Verheerungen der Lesgier.—9. Die Forschung seit 100 Jahren.—10. Die Ausgrabungen am Dom im J. 1936 und die Massnahmen der Denkmalpflege im J. 1937 und 1939.

IV. Architektonische Analyse: 1. Kunstprobleme.—2. Elemente der Grundrisskomposition (1. die dreischiffige Basilika; 2. das Baptisterium; 3. die Südvorhalle und die Nordgalerie).—3. Gestaltung des Innenraumes (1. Pfeiler; 2. Bogen; 3. Gewölbe; 4. Belichtungssystem und Fensterform; 5. Verteilung der Eingänge; 6. Fehlen des Westeinganges; 7. Nordgalerie; 8. Südvorhalle; 9. Baptisterium).—4. Aussenmassen.

V. Bauausstattung: 1. Kapitelle mit Tierdarstellungen.—2. Kapitelle mit pflanzlichen Motiven.—3. Geometrisierende Ornamente.—4. Darstellungen des Kreuzes.—5. Allgemeine Übersicht der ornamentalen Ausstattung des Domes.

Schlussbetrachtung: Zur Frage der Entwicklung der Basilikaform.

TAFELABBILDUNGEN

I. Das Südkapitell an der Apsis.—II. Das Nordkapitell an der Apsis und die Seitenfelder des Südkapitells.—III. Das NO- und NW-Kapitell im Baptisterium.—IV. Das mittlere Kapitell im Baptisterium.—V. Das Westkapitell in der Südvorhalle.—VI. Das Ostkapitell in der Südvorhalle.—VII. Das 1. und 2. Kapitell in der Nordgalerie und die Basis am Westende daselbst.—VIII. Das 3. Kapitel und die Basis der Pilasterreihe der Nordgalerie.

TEXTABBILDUNGEN

1. Grundriss.—2. SW-Ansicht.—3. Ostansicht.—4. Längsschnitt.—5. und 6. Querschnitte.—7. Innenansicht des Mittelschiffes nach Osten.—8. Innenansicht der Südreihe von Pfeilern.—9. Ein Hufeisenbogen (Vermessung).—10. Ansicht eines Hufeisenbogens.—11. Innenansicht des Nordschiffes.—12. Die Ostwand im Nordschiff mit Backsteinverbauung.—13. Offene Lünette im 2. Nordeingange (Innenansicht nach der Freilegung der Denkmalpflege).—14. Horizontalabschluss des Türdurchbruches in den Ostanbau.—15. Wandnische in der Apsis.—16. Westapsis im Baptisterium (vor der Ausbesserung).—17. Gewölbe in der Südvorhalle mit vorkragendem Ansatz.—18. Halbsäulchen im Dulchgang der Südvorhalle.—19. Aussenbogen der Nordgalerie (1939 von der Vermauerung befreit).—20. Ansicht gegen Ost der Nordgalerie während der Grabungen 1936.—21. Dasselbe gegen West.—22. Erster Nordeingang zur Basilika vor der Grabung (zugemauert).—23. Dasselbe 1937 freigelegt.—24. Gesamtansicht des Domes von Norden während der Remontarbeiten 1937.—25. Dasselbe nach den Arbeiten der Denkmalpflege 1939 (mit freien Bogenöffnungen).—26. Ansicht von Osten gegen die NO-Ecke der Nordgalerie, die Wandneigung zeigend.—27. Das Kranzgesims der Basilika und das Gesims in der Nordgalerie.—28. Ostfassade.—29. Ansicht der Ostfassade.—30. Apsisrundung (vor der Wiederherstellung).—31. Ostansicht (nach der Wiederherstellung).—32. Sockel an der SO-Ecke (während der Grabung).—33. Apsisfenster mit der Inschrift (Aufnahme vom J. 1903).—34. Westfassade.—35. Ansicht der Westfassade, während der Wiederherstellungsarbeiten von 1937.—36. Sockel an der SW-Ecke (während der Grabung).—37. Südfassade.—38. Ansicht der Südfassade.—39. Südfassade während der Wiederherstellung von 1936—1937.—40. Eingangsdoppelbogen im J. 1916.—41. Backsteinausbau im Durchgange und der Sockel der Südfassade.—42. Nordfassade.—43. Ansicht der Nordfassade vor Beginn der Grabung.—44. Ostende der Nordgalerie mit vermauertem Bogendurchgang im J. 1920.—45. Dasselbe nach der Freilegung der Denkmalpflege im J. 1939.—46. u. 47. Zwei Seiten eines Kapitellfragments.—48. David des Bischofs Bauinschrift an der Apsis (abgebrochene Reliefbuchstaben punktiert).—49. Bauinschrift vom J. 493/494 am östlichen Nordeingange.—50. Inschrift aus der Bauzeit eines gewissen Parnewan und Asarucht am westlichen Nordeingange.—51. Inschrift am Südeingange aus dem IX.—X. Jh.—52. bis 57. u. 59.—62. Fragmente von pfeilerartigen Denkmalen mit Schnitzerei (Fundstücke am Dom).—58. Dasselbe in der Wand von Bolnis-Kapanaktschi (1920 entdeckt).—63. bis 74. Fragmente von steinernen Kreuzdenkmalen (Fundstücke am Dom).—75. bis 77. Zwei Denkmalstelen mit georgischen Inschriften und ein Fragment.—78. und 79. Fragmente von zwei dekorierten Denkmalstelen.—80. Mensateil vom Altarisch in der östlichen Anbaukapelle.—81. Schmuckplatte an der Ostfassade der Kapelle.—82. Ein ornamentierter Stein in der über dem Sockel angebrachten Stufe der Westfassade.—83. Wiederhergestellte Wand der Kapelle und der Verbindungsbogen der Dächer.—84. Ein Kompartiment des renovierten Gewölbes aus dem XVII. Jh. im Hauptschiff des Domes.—85. Axonometrischer Schnitt.—86. Pfeiler- und Pilasterbasen.—87. Bogenimposte.—88. Ein Hufeisenbogen in frontaler Ansicht (vom Gerüst aus photographiert).—89. Die Konche der Nordgalerie.—90. Ein Teil des Gesimses in der Apsis der Nordgalerie.—91. Das Südkapitell der Apsis (Vermessung).—92. und

93. Das 1939 freigelegte Ostkapitell im Nordbogen der Galerie.—94. und 95. Das 1939 freigelegte Westkapitell daselbst.—96. bis 101. Schematische Zeichnungen von pflanzlichen Motiven der Kapitelle im Dom (gruppiert).—102. Das Nordkapitell der Apsis (Vermessung).—103. und 104. Seitenfelder des Nordkapitells der Apsis.—105. Das SO-Kapitell im Baptisterium.—106. und 107. Das SW-Kapitell im Baptisterium.—108. Fragment einer Basis (Fundstück).—109. Eine Pilasterbasis, in der Kapelle verbaut.—110. Darstellung des Kreuzes im glatten Kreisrahmen an dem nördlichen Apsispilaster.—111. David des Bischofs Bauinschrift mit einem dekorativen Kreuz im Zentrum (Verkehrt gedruckt).—112. Darstellung des Kreuzes über dem südlichen Doppelbogen.—113. Darstellung des Kreuzes mit der Inschrift eines gewissen W—n an einem Nordpfeiler.—114. Die Zeichnung des Kreuzes am fünften Nordpfeiler.

Техн. редактор Ш. Чумбуридзе

***

сдано в производство 25.XI.1939 г.
подписана к печати п. ф. 2.XI.1940 г.
размер наб. 7×11; бумага 70×105 см
колич. печати. л. 1 $\frac{1}{4}$; кол. авт. лист. 2 $\frac{1}{2}$
заказ № 1051; тираж 800. ЦД 2953

Типогр. Грузинск. Филиала АН СССР
Тбилиси, ул. А. Церетели № 7

